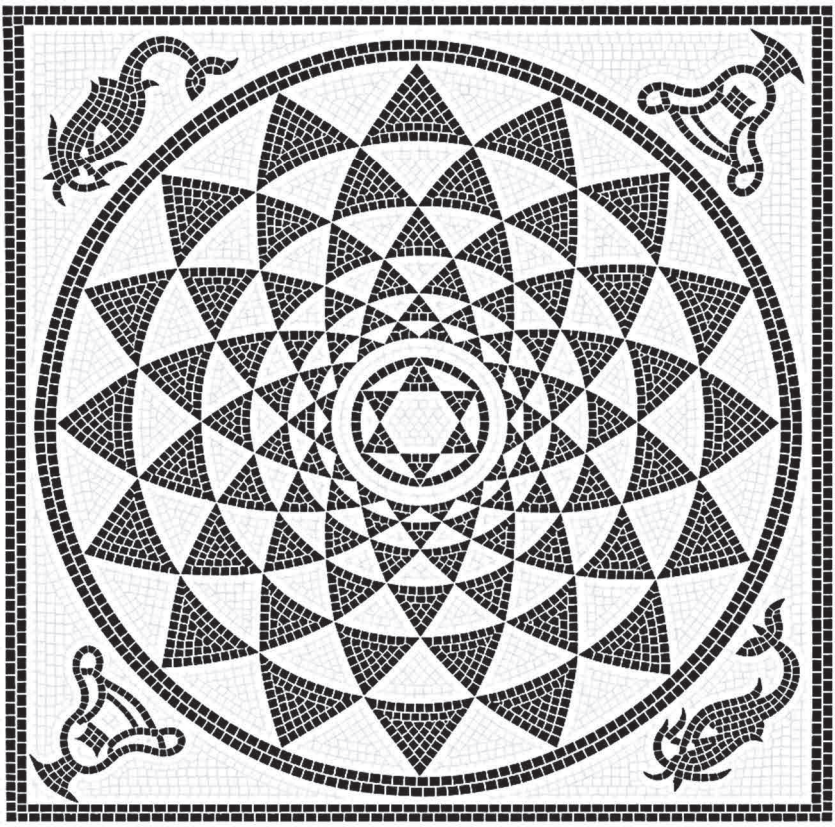
Книга

серого света

Книга серого света

СОДЕРЖАНИЕ

- 7:3 Север. Горы и Дракон (на условиях Озера…).....**5**
- 2/3(8?): Доломиты: Элегия Драконовой Чешуи.....**19**
- 6:7: Dobbiaco: Привкус Рогов.....**50**
- 11:3– Тре-Чиме: Зубы Никуда? **72**
- 2:2/5- Брайес: Комната, стена, картина.....**85**
- 7-3:2: Наш Рене и наши скитания:
  Доломиты, Татры и моря. **97**
- 2:3-7: Татранский ход к венскому мышонку
  и его Египту.....**146**
- 2:4–3. Филки и Гнозис. Слёзы.
  Горючие слёзы… **179**
- 5-7: Миланский Доспех Северных Лат.....**184**
- 5:5: Пентаграммы Хрустальных Дней. **216**
- 6:7 Гексаграммы Ночей Чёрного Бархата.....**236**
- Приложение: Perlesvaus и Рыцарь Дракона.....**348**

7:3
СЕВЕР. ГОРЫ И ДРАКОН (НА УСЛОВИЯХ ОЗЕРА…).

… пилигримаж Перевала Огня, то есть, приуроченный к Летнему Солнцестоянию, произошёл в страну Бледных Гор, которые, впрочем, окрашены, подобно пламенеющей розе, и на заходе светила и при его воскрешении…

Он был непрост. Резко актуализировались вульгарные осадки, повсплывали айсберги событий-переживаний, были и конфликты, и вдохновение, и — усталая обыденность. А печати сего действия всё не было… и только по возвращении к мерному рокоту прибоя Западного Океана, в трещине летней ночи, приснился некий сон.

Сюжетно: Брешия, но лишь визит в одну церковь, в великолепную пинакотеку, а также — в Замок, в музей рыцарского доспеха.

Потом: Доломиты.

Распахнуто-пустотный Dobbiaco; волшебное для ладинов Озеро Брайес; Три Пика и обходной маршрут в этом драконьем Царстве; San Candido и его Храмы (а также, несколько Тамплей подле); город Ortisei и горный массив над ним; тайная столица Т.; секретный град О… по дороге в аэропорт — великолепная пи-

накотека Виченцы и нахождение ещё одного (даже, двух) полотен с подвешенным Яйцом.

Что сильнее всего коснулось тонкой плоти души?

Наверное, картины; шедевры ренессанса. Хотя, впрочем, ровная распыленность Знания в городках Т. и О.

Озеро, голубое озеро, плавая в коем, как в лодке, так и телом, словно парил в ненастоящей воде, которая не мочит ни рук, ни ног, над эфемерным мелом, в насыщенно голубом объёме жидкости, который ощущается более воздухом, легчайшим газом, субтильнее пространства.

Три пика.

Драконий мир. Острые скалы. Варварские (исключительно, в хорошем смысле) пейзажи, природная готика, ущелья и гора-башня.

Странное измерение Ортизей: сначала ты на базаре, потом, чуть далее, во втором ущелье, подле скалы — в туристическом походе; ещё дальше, где ослики стояли привязанные — сам. Один. В котле горной тишины.

Особой Тишины.

Похожей на неправдивую голубизну Озера Брайес.

… а ещё, немного поездили. Посмотрели. И всюду есть характерный штрих. Он сущностный.

Какой бы ни был город или городок в Доломитах, или — ущелье, почти всегда есть Игла.

Она небольшая, но архитектурно, геометрически, цветом и формой, исключительно выразительна. Остра.

Тонка.

Готична.

Башня Храма.

Дух Долины (который, бессмертный) при интонировании упомянутой стрелой, сразу звучит по-иному, он оплодотворён. Он уже не просто дракон бурлящих стихий, но пронзён Тинктурой. Обрёл точку покоя и Фиксации.

Свой Polaris.

Это, конечно, имеет далеко идущие последствия и конкретно влияет даже на дальние галактики, кроме шуток.

Сие также корреспондирует уникальному собиранию рыцарским прямым ударом копья на скаку, лобовым ударом, всех мириад оружейных узоров и форм боя в Единство.

В Иглу.

Иглу, пронзающую даже противоядерную спецзащиту особо важных объектов и судьбы всех президентов мира.

И тут, лживая машина прокомментировала:

"Наименее убедителен финальный переход к глобально-политическим образам, поскольку он ослабляет достигнутую ранее внутреннюю цельность и нарушает установленный символический масштаб повествования".

Что сказать?

Остаётся послать её «на хер», без всякой особой эзотерики. Так. Просто. По-людски.

Впрочем, и ругались мы по-людски. Жёстко. На том же Озере Брайес, а потом — купались. Висели в незапятнанной голубизне.

Трогать.

Трогай её. А она — тебя. Всё равно: в молчании — слово; ей более нужно, но это неочевидно; ожидаемо, следующая страница — борьба за власть.

Не ведают, что творят.

Впрочем: Бледные Горы. Душа в гипсе. Он отражает сад красных роз.

Барокковый фон привычных страстей айсбергами всплывёт без особых предупреждений; да, от равностного белого огня прямой осознанности льды сии освобождаются в воду, в облегчение, но далеко не у всех и не всегда.

Проблемы — не реальны, они всегда акцидентальны и иллюзорны, особенно, в контексте двойных сближений.

Инерция тел бьётся бутылками о борт шхуны: в каждой — немного пива, но лучше не пить — останется неприятный металлический привкус.

Лучше не любить.

Но пронзать иглами глухую ночь забытого эроса, освобождая его в его же Пустой Исток.

Красота.

Природа.

Мириады туристов прутся сюда: фото, селфи, рестики или спортик.

Тело. Тело. Тело.

При этом, ебля хороша, когда не тело — в тело, а душа сквозь тела — прямо в душу и обратно.

Вульгарный сленг?

Бросаешь камень?

Интеллигент слишком бледен в объятиях Бледных Гор, а их феерическая раскраска закатом так прямо напоминает о смерти.

Красота.

Храм.

Женщина.

Океан и Горы.

Красота.

Устали слова от их изрядного использования, ИИ окончательно девальвирует их рябь, рано или поздно, рябь — на нефти.

Но мы — в Драконовых Горах, фото не надо, селфи не надо. Гном под грибом куёт счастье — небольшая фигурка из Ортизей, у них местный обычай делать множество фигурок, соединяющих библию, быт, прикол и сказку.

Выходит.

Вкусная еда, хорошее вино, пожалуй, послать подальше главную книгу Д. де Ружмона и созерцать голубые цветы.

Такие нежные, как ты.

Окунать, подвешивать айсберг проблемы в ультрамарин присутствия не ожидая ничего.

И да: в сильную жару насколько вкусна обычная, сосем обычная, вода. Всегда сначала пьешь её, лишь потом — пиво, вино и кино.

Гномик из Ортизей таки доехал к Океану, а вот мини-храм, упав на асфальт, отломил башенку, ну и выбросил его я, это почти как убили родственника на войне, но не надолго, хотя и по-

настоящему; впрочем: придавать вес и серьёзность реакции на массовые убийства — значит соучаствовать в них, ибо одно к другому.

Никто никому на хер не нужен, ибо никто не нужен сам себе: при этом, знаменатель — будда-природа всех существ и «богесть-любовь».

В городе О. завершающая ночь; сделан Ритуал, испито вино и просекко, чёрт, бьёт жара, гаснет кондёр: вдалеке гроза, хотя, если присмотреться, странная она какая-то, больше похоже на испытания или применение новейшего оружия (или, просто ПВО, хотя тут войны нет).

Но не важно: через стену — древний Храм, в котором, почему-то, не прохладно.

Старые, практически стёртые, фрески, кое-что ещё видно… потрясающе.

Раб у бара: раб-бар… игра слов, букв, ассоциаций. Аллегории часто более чем натянутые. Дыхание искажённое, а дела избитые.

Но горы прекрасны. Всегда удивительны. Хотя: где тут Эссенция?

Вечная транзитность, бодрящая туриста на очередное селфи.

Точно также, через некое время, очередной петя осваивает сопряжения и контексты слов алхимической Доктрины. И начинается: «катафатика», «апофатика», «тайный огонь» — пустой звон слов с недожёванной булкой во рту.

Машинки, холодильники, работка и угроза стать отцом: в перпендикуляр огурец алхимической самореференции.

Херня глубокая, печаль жестокая, точнее — градус самогона настоян на резиновых сапогах.

Итак: слишком много уже слов и написано, и сказано по теме, потому — руины.

Среди качества руин восстанет новый господин…

Северная Италия…
Родина полного латного Доспеха.

В чём проблема ЗОЖ?
Почему упражнения с телом могут более чем сильно оземлить и вульгаризировать сознание-душу?

Дело в том, что если мы слишком много вкладываем значения, внимательности и тщательности в точные и требующие многих фокусировок упражнения с телом, то на каком-то этапе душа настолько входит в тело, что плоть, начинает обратную оккупацию, — в результате, ум пропитывается мерностями и особенностями тела (чрезмерной жаждой конкретности, инерционностью, страхом, тревогой за ресурс, землистостью, вожделением, склонностью к усталости или к перевозбуждению, etc.).

Итог: ум терпит провал. Он обусловлен.

Где твоё сердце — там твоё Сокровище.

Есть оперативный выход из данной проблемы — Агент.

Воображаемое.

Например: совершая круговые движения не просто это делать, но знать и визуализировать (в том числе, в цвете) конкретный круг; делая то или иное темперированное движение, ориентироваться на образ, взятый из бестиария, etc.

Это объясняет, почему во множестве Традиций не просто совершали многочисленные телесные упражнения, но делали это в сопряжении с визуализациями, мифо-поэтическими подразумеваниями либо просто, в нетривиальных состояниях себя, — в любом случае, никогда не было сугубой привязки лишь к анатомии тела, а тело сие, всегда воспринималось либо уже преображённым, либо — преображаемым; даже сейчас, когда люди в нежно искреннем порыве, в живом чувстве, сочетаются сексом друг с другом, они шепчут, зачастую, множество слов-образов, символов, визуальных трансформаторов (типа «кошечки» и т. п.) и только сугубо вульгарный коитус с проституткой, сух, безобразен и совершаем лишь телами…

Доспехи души, при взаимодействии с телом, — Воображаемое, со всем каскадом его визуализаций, игр, метафор, модуляций синестезий, но… ни в коем случае, не работа напрямую с конкретной анатомией, тем более, в тщательной концентрации и в процедуре чёткого представления физиологических актов.

Нам необходимо волшебное тело, оплодотворённое духом, а не профанная плоть, вываливающая горы земли в небеса ума, сознания и души.

Потому, тренд современного ЗОЖ — спагирический провал и конкретика выращивания в себе смерти и старости.

Есть здесь ещё один нюанс: все знают, что разумная физическая активность даёт улучшение самочувствия и это так, но — если данная активность чрезмерно детализирована и эта детализация не одухотворена агентом-Воображаемым, происходит постепенный и малозаметный перенос всей души (здесь-наличной-оперативности), что и означает «поглощение телом души на своих условиях»; в контексте Пути Освобождения задача обратная — «растворить» тело в душе, когда оно субъективно нематериальное, легко-радостное и прозрачно приятное, необременительное…

Тогда и телу, по факту, лучше, и ум более свободен, и настроение хорошее.

Немаловажен и способ, где идёт одухотворение тела посредством сложной координационной работы в привязке к воображаемым осям, кругам, восьмёркам на основе схемы Розы Ветров…

Словом: Наши Доспехи. Латы (отсюда: облачение, то есть, и одевание лат, и вхождение в облако).

Суть: не душа в теле, а тело — в душе (!).

Словом, походы на природу так любимы большинством народонаселения именно потому, что большие и очень красивые пространства резко выдёргивают, взрывообразно расширяют, душу, эту, у подавляющего большинства несчастную медузку (размером со спичечный коробок), мучающуюся в тотальном объёме жаркого песка всецело материального тела, — медузка вдруг, на-

встречу тонкой воде красоты, расправляется, прыгает сквозь глаза и кожу вдаль, наконец даруя персонажу хотя бы какое-то облегчение.

Впрочем, множество селфи и фоток драгоценных друг друга и себя на фоне пейзажа, медузку эту снова загоняют в песочную задницу.

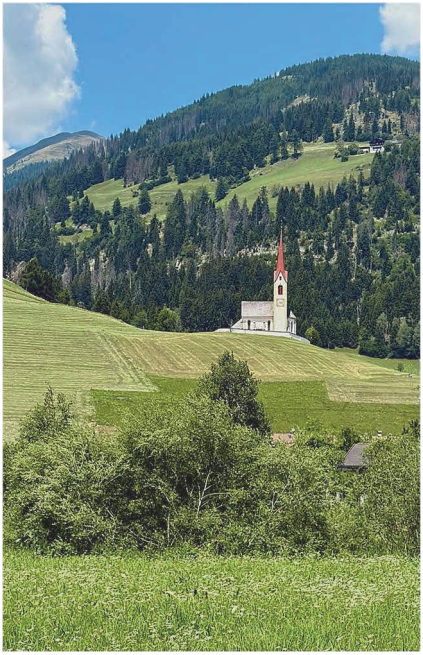
В жопу.

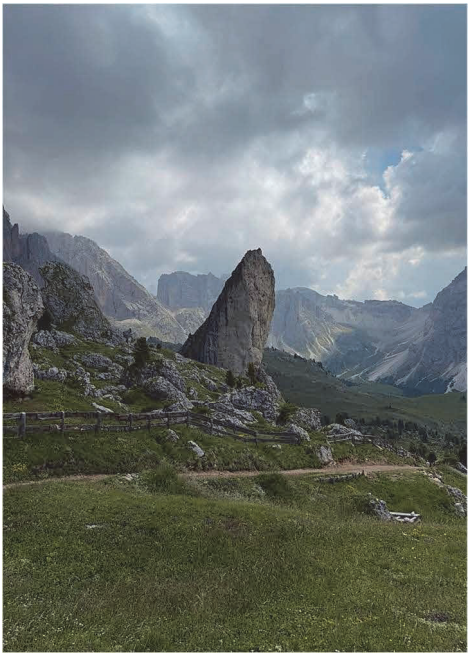
Где регулярно и пребывает тайное правительство планеты. Так случается всепланетарная гармония изнасилованной медузки и такого надёжного, обосранного народными массами, душного песка.

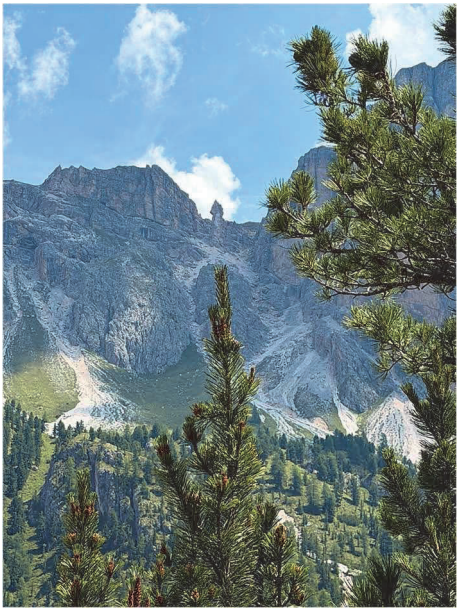
Впрочем, сколько бы ни срали вышеобозначенные народные массы в песок, дожди Её божественных волос всё смоют, заберут судьбы распознавших на условиях Озера.

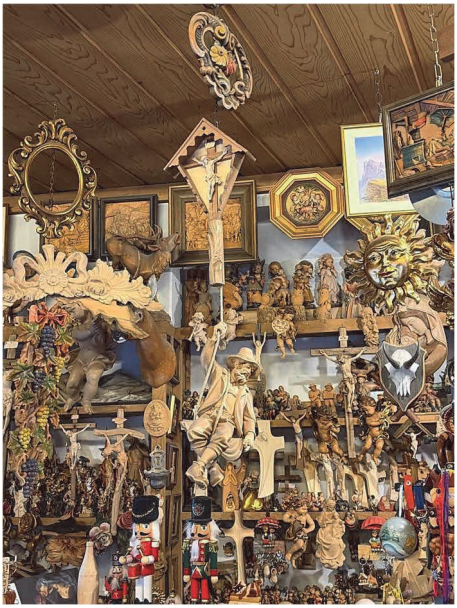
На условиях Озера…

2/3(8?):
ДОЛОМИТЫ: ЭЛЕГИЯ ДРАКОНОВОЙ ЧЕШУИ.

Мещанская последовательность так или иначе ищет нарциссическое зеркало-линзу, особенно, усталые пары, или те, кто хочет обзавестись деньгами и стабильностью, — и оным оно предоставлено пластмассово-металлическим Драконом, носимое в каждом кармане.

Селфи.

Фото друг друга на фоне красоты, причём, красота эта, сама по себе, не особо и нужна; есть, конечно, те кто фоткают сугубо её, но их не большинство.

Массовые войны, тотальные бомбардировки Второй Мировой, окопный ужас Первой, Хиросима-Нагасаки в конце концов, знаменовали ещё тогда утрату и Эроса, и Любви.

Впрочем, новейшая дроновая война дала ещё более искажённую форму выделенного техно-двойника, — и то, даже туда, из круговорота брендов-трендов впихнули ущербную страсть войны «за свободу».

Что говорить о селфи?!

Удары рыцарской конницы лишь дело реставраторов, имитаторов, горы — как стояли, так и стоят, мантры и молитвы читаются, женщины ебутся на стороне (солдаты вообще не ебутся), педики находят друг друга.

Тотальность бытия.

Аллюр пластика сквозь целлофан.

Конечно же, Империя Истины никуда не делась, вот только различить её абрис сквозь горящий поролон посложнее. Братушки подожгли его.

Тот — застрелился пойдя добровольцем, сей — взрезал шею, приняв петлю требований фронта, а она — закололась телефоном, делая очередное селфи.

А горы — стоят. Красивые. Бледные.

Закат и рассвет льют на них кровь.

Кровь волшебного Сада Роз…

Итак (как вы уже конечно догадались): вопрос Доспехов. Без решения оного в Доломиты нельзя.

Он считает основой всего логику (мол, даже голубь (птичка такая) логична): что-то вроде здравой наблюдательности, но секрет успеха не в этом.

Он — ветеран ЗОЖ.

Мириады упражнений и методик многими гиликами видятся доспехами, — в итоге: апломб усталого вульгарного материализма, но бодрый в «функциональной старости».

… с одним алхимиком гуляли (он: алхимии нет, мало ли что кому приснится, наркоманы и не то видят, медитации есть фантазия, а в разговоре нужно провоцировать, а все эти состояния…); так вот, гуляем мы с одним алхимиком по Праге и мерно разговариваем; нам хорошо; ему хорошо; всем хорошо. Украдкой, алхимик сей суёт мне в карман небольшую книжицу, карманного формата. Заглавие сообщает, что это Таро Мантенья.

Читаем вместе:

«ДОБРЫЕ СОВЕТЫ СТАРШИХ БРАТЬЕВ ОРДЕНА ТРЁХ МОЛНИЙ.

Практикуя Опус в контексте как отдельных занятий, тренировок, упражнений и Операций, так и общей бытовой жизни, а также группового орденского взаимодействия, следует ориентироваться на определённые магистральные линии.

Одна из этих линий состоит в так называемом треугольнике активных Стихий.

Здесь рассматривается система, в которой Стихий четыре, то есть Квинтэссенция разлита насквозь. Пятая Стихия, точнее собирающая Стихия… или, можно сказать иначе, была в Изначалии…

Далее существует некая Лестница.
Это как раз случай Лестницы.

Земля — первая ступень, либо вообще можно считать её тем, на чём стоит Лестница.
Вода будет второй ступенью, или первой.
Воздух, соответственно, третьей, либо второй. Огонь — верхняя ступень. Однако для данной схемы лучше изобразить Лестницу из трёх ступеней, стоящую на Земле. Это связано с тем, что в данной системе Земля считается пассивной Стихией, тогда как Вода, Воздух и Огонь — активные Стихии, в которых, собственно,

и происходит действие. Они также объединяются названием «Философское Небо». В данном случае этот термин применил к рассматриваемому вопросу Юлиус Эвола.

Итак.

Вода и Воздух составляют Меркурий, и это — летучее и текучее. «Летучее» и «текучее» — это как бы одно и то же, но с несколько различными акцентами. Огонь составляет Сульфур.

Базовый момент — это так называемое открытие Меркурия. Очень часто в мифах и сказках сие называется принятием Живой Воды.

Чтобы вообще войти в данный процесс, Земля всё-таки необходима в том смысле, что нужен какой-то повод, какая-то структура внешнего события. Но когда это уже произошло, когда, собственно, начата Операция, Земля — та Старая Земля, или, как её ещё называют, Старая Злая Земля, — начинает только мешать.

Потому что в конечном счёте, когда произойдёт сублимация и подъём даже выше Огня, будет обретена Новая Земля, или так называемая особо Синяя Земля. Именно она связана с Небесным Земледелием.

Таким образом, Старая Земля — это агрессивное и определяющее влияние телесности как проблемы, то есть либо тяжесть, либо уныние, либо вялость, то есть пассивные факторы, либо, наоборот, перевозбуждение, агрессия и тому подобное. Это Земля. Также с телесностью во многом связано влияние социальности.

Таким образом, сюда относятся процедурность, догматизм, прагматизм, жёсткие графики и так далее. Собственно, вся армия построена именно на этом.

Это Злая Земля, и потому там невозможно никакое Делание. Потому что в Злой Земле всё подавляется. Главный признак Злой Земли — тяжеловесность, инерционность, и одновременно это является старостью в сути своей.

Итак, Злая Земля основана на жёстких методиках, на формализме, на дисциплине, на договорах, на упорядоченности, на давлении и доминанте телесности, то есть самочувствия, здоровья, состояния собственного тела, а также на социальных функциях и социальных ролях. Отсюда — социальные игры, ритуалы, процедуры и так далее.

То есть, собственно, жизнь обычных людей, не занятых Опусом, полностью протекает в Злой Земле. Отсюда главный признак Злой Земли, который постепенно накапливается, помимо усталости и старости, — это жажда опор.

Жажда опор.

Именно желание опереться на что-либо впоследствии обходится очень большой ценой. Человек теряет свободу, теряет энергию, теряет интуицию, теряет спонтанность — короче говоря, теряет всё.

Поэтому один из вариантов описания Опуса состоит в следующем: необходимо оторваться от Злой Земли. И первое, что встречает человека, — это пространство Воды и Воздуха вместе.

Таким образом, в меркуриальном слое, который находится выше так называемой Старой Злой Соли (это синоним Старой Злой Земли), возникают три возможные ситуации: либо текучее, то есть Вода, либо летучее, то есть Воздух, словно овеивающий человека, либо их сочетание — некое единство текучести и летучести.

Причём всё это влияет даже на манеру выполнения упражнений. Любые упражнения, в том числе физические, например упражнения боевых искусств, должны выполняться текуче, легко, словно человек плывёт в Воде с идеальной для него температурой. Если жарко — Вода прохладная, если холодно — тёплая. В любом случае она поддерживает, возникает состояние своеобразного парения в Воде, а все движения выполняются так, словно они оставляют след в Воде. Одновременно эта Вода очищает, делает человека свежим и чистым.

Воздух — как ключ входа можно представить себе выстиранное бельё, которое сушится на ветру. Запах чистого белья приятен, ветер развевает ткань, и она свободно колышется на верёвках.

Соответственно, когда выполняются даже боевые движения в воинских искусствах, возникает аналогичное ощущение: тело воспринимается как своеобразная ткань, внутри которой свободно движется приятный Воздух.

Если жарко — он слегка прохладный, если холодно — немного тёплый. Одновременно Воздух обтекает тело и снаружи. Эти потоки овевают человека как изнутри, так и снаружи; тело ощущается пустым, а движения выполняются в лёгкой, полётной манере.

Наконец, сочетание Воды и Воздуха представляет собой состояние, приблизительно находящееся посередине между ощущением движения в Воде и ощущением движения в Воздухе.

Поскольку тело является наиболее конкретным уровнем опыта, постольку описание открытия Меркурия применительно именно к телу оказывается наиболее понятным и наглядным.

Итак, можно зацепиться за ощущение движения тела, но также желательно постепенно почувствовать пространство собственной бытовой жизни во всех её проявлениях: в работе, в повседневных делах, в развлечениях, в общении с родными и близкими, а также, что немаловажно, в Орденском общении.

То есть первое, что необходимо постараться убрать, — это тяжеловесность. Эта тяжеловесность представляет собой своеобразную тупость, тугость. Где-то она проявляется как сонливость, где-то — как излишняя важность, где-то — ещё в иных формах.

Но во всех случаях это признак застоя энергии и закрытого Философского Неба. Иначе говоря, невозможно совершать Операции, находясь в системе Земли.

Ещё один важный момент. Когда человек преимущественно пребывает в элементе Земли, то есть обусловлен телесностью, социальностью либо их сочетанием, а также собственной биографической историей, находясь при этом в объятиях страха и надежды, то любое получаемое учение он может применять, но неизбежно будет его догматизировать и сводить к мёртвой кон-

струкции. Иначе говоря, получая Живую Воду, он будет превращать её в Мёртвую Воду.

Нельзя сказать, что Мёртвая Вода совершенно бесполезна. Как известно из сказок, она имеет свои функции. Однако Живая Вода, разумеется, стоит неизмеримо выше. Вместе с тем для того, чтобы приобщиться к Живой Воде, необходимо предварительно пройти обработку Мёртвой Водой. Что это означает.

Как мы помним, Мёртвая Вода соединяет и восстанавливает, тогда как Живая Вода привносит уже сам импульс жизни. Следовательно, сначала осуществляется необходимая подготовка, и лишь затем становится возможным использование этого ресурса.

Итак, желательно, чтобы Стихии Воды и Воздуха, то есть Меркурий, всё больше проявлялись в жизни как лёгкость, прозрачность, беззаботность, вознесённость, воспарённость. Это ключевые слова, поэтому их необходимо очень чётко осознать и прожить. Сюда же относится своеобразный лёгкий авантюризм, всегда трансцендентный.

При этом Стихия Огня, то есть Сульфур, существует не сама по себе. Она словно рассеяна внутри Воды и Воздуха в виде бесчисленных снежинок, искр или бабочек, образующих единый поток. Всё это пронизано радостью Пути и искренней любовью Оператора к Истине: к расколдовыванию собственного Лабиринта, к разгадке тайны своей судьбы и к познанию Единого, то есть Всего-во-всём.

Таким образом, речь идёт уже не просто о Меркурии как сочетании Воды и Воздуха. Это особая воздушно-водная субстанция, внутри которой скрыто присутствует Тайный Внутренний Огонь.

Можно привести следующий образ. Влага, конденсирующаяся в атмосфере и затем выпадающая в виде дождя, насыщается солнечным и звёздным светом, прежде всего солнечным огнём. Можно представить, что в каждой капле дождя скрыто присутствует крошечная частица Огня. Сам дождь влажен, он насыщен воздухом, поскольку приходит из воздушной Стихии. Но внутри каждой капли заключена ещё более малая капля небесного Сульфура, то есть солнечного огня.

Этот Огонь оплодотворяет землю. Благодаря этому он затем восходит в драгоценных металлах, самоцветах, а также во всём многообразии цветов, растений, животных и иных форм жизни. Это и есть великий круговорот Меркурия.

Нечто подобное происходит и здесь. Во всей этой воздушно-водной мистерии Оператор в идеале всё больше приближается к тому, чтобы и тренировки, и бытовое общение, и жизнь в семье, и Орденское общение превратить в единую воздушно-водную мистерию, внутри которой скрытым образом рассеяны искры Тайного Огня.

Это означает, что всегда сохраняются интерес и радость. Разумеется, они проявляются волнами, однако сам Огонь никогда не исчезает. Именно он даёт не довлеющий энтузиазм и ясность.

Огонь выполняет две основные функции: он согревает и освещает. Согревает — значит даёт энергию. Освещает — значит даёт знание, ясную душу, чётко отражающую всё вокруг.

Итак, желательно и упражнения выполнять, и все орденские взаимодействия постепенно переводить в быт таким образом, чтобы всё меньше зависеть от Злой Земли. В первую очередь не следует искать опоры. Наоборот, необходимо научиться висеть в Нигде, то есть быть причастным Всему. Нигде и Всё — с большой буквы.

Это одновременно даёт ощущение определённой беззащитности, но в действительности является свободой всех перемен. Сие создаёт чувство своеобразной обнажённости, однако на самом деле представляет собой зеркальный доспех.

Очень важно, находясь в режимах Воды и Воздуха, не прийти к своеобразному ядовитому застою.

Вода может быть и неподвижной. Тогда это сияющее горное озеро — чистое и прекрасное, отражающее небо и звёзды.

Но ни в коем случае она не должна заболачиваться.

Такое заболачивание Воды представляет собой подспудное влияние элемента Земли, которое часто остаётся незамеченным. Прежде всего оно проявляется как страхи за тело: страхи, связанные со здоровьем, самочувствием и тому подобным. Сюда же относятся страхи за социальную землю: достаток, деньги, социальную стабильность, семейные обстоятельства и всё прочее в том же духе. К этому прибавляется и иллюзорное самоуважение, то

есть представления о том, кто ты по жизни, чего достиг… Именно эти вещи заболачивают Воду.

Если же присутствует течение — течение реки, журчание ручья, водопады, постоянное движение воды, — то вероятность заболачивания значительно уменьшается. В прикладном смысле это означает, что наличие Орденских дел само по себе является течением Воды, которое минимизирует возможность возникновения мещанского болота (не случайно существует и само это выражение).

Точно так же важно, чтобы не застаивался Воздух. Это можно сравнить с закрытой комнатой, где отсутствует движение воздуха, вследствие чего он становится тяжёлым. Иными словами, необходимо, чтобы Воздух не насыщался элементом Земли.

Основным состоянием должны становиться лёгкость, прозрачность, творчество, вознесённость и расширенность. Следует настраиваться именно на это, а не на внешнюю формальную, догматическую правильность, особенно если она служит компенсацией неосознаваемых страхов.

Вместе с тем невозможно работать в режимах Воды и Воздуха без разбрызганного внутри Тайного Огня.

Всё равно социум, окружающие люди, животная природа и тому подобное неизбежно тянут человека обратно в элемент Земли. Поэтому необходимым условием пребывания в этих двух оперативных Стихиях, то есть условием жизни в расплаве Живо-

го Меркурия, является его скрытая внутренняя насыщенность Сульфуром.

Именно в этом ключе должны происходить и упражнения, и все бытовые действия, и Орденские взаимодействия.

При этом чрезмерно придирчивое отношение друг к другу, например в Орденской среде, — это как раз проявление элемента Земли.

Обида — это элемент Земли. Поиск справедливости — также элемент Земли. Поэтому следует быть более щедрыми, более лёгкими, более свободными, более пространственными в отношении друг к другу. Тогда всем сразу станет легче, и, как ни странно, именно это приведёт к раскрытию энергии, удачи и самой жизненной силы.

Таким образом, все негативные проявления Земли связаны с чрезмерной серьёзностью, важностью, тупостью, чувством собственной значимости, разумеется, с эгоизмом и постоянным поиском опор. Именно всё это препятствует открытию Философского Неба.

Ещё один момент…

Одним из важных элементов жизни в активных стихиях Воды и Воздуха, насыщенных огненными всполохами чистейшего сульфурного Огня, является неследование догме и неавтоматическое повторение одного и того же.

Например, в боевых тренировках, как только вы научились делать необходимую базу, как только она у вас получилась, ни в

коем случае не повторяете её дальше в таком же виде. Вы всё время её видоизменяете, совершенствуете, сочетаете с другими элементами.

С одной стороны, это должно быть вам интересно, должно быть похоже на детскую игру, насыщенную радостью творчества, эросом. С другой стороны, это даёт вам возможность избежать духовного и пневматического застоя.

Ведь повторение одного и того же, например одной канонической формы, конечно, можно совершенствовать, но всё-таки и это усиливает элемент Земли со всеми негативными последствиями для оператора.

Конечно, не нужно превращать творческий процесс в сумасбродный хаос, в суету. Всё-таки должны существовать определённые оси, задачи и так далее.

Но в конечном счёте всё должно представлять собой живую жизнь, некий Живой Шар живых упражнений, которые всегда немного изменяются, всегда немного адаптируются, всегда подстраиваются — и в связи с вдохновением, и в связи с переменой формы, — так, чтобы не было бесконечного повторения одного и того же.

Особенно это важно на уровне выше среднего. Да и на среднем уровне это уже необходимо.

Если человек привязался к каким-то формам, которые у него получаются, и просто повторяет их изо дня в день, он неизбежно накапливает элемент Земли, а значит, будет накапливать тяжеловесность, инерционность, тупость и, в конечном счёте, деградировать.

На определённом этапе одной из важнейших компетенций Оператора становится способность практически полностью пе-

рейти к жизни в Философском Небе, то есть к свободному полёту и свободному плаванию, внутренне насыщенным искрами Тайного Огня.

Дело в том, что если упражнения и вся жизнь выполняются только по догматической тренировочной программе, только по режиму, только в дисциплинарном и волевом контроле, только на основании договоров, то рано или поздно всё это ляжет на человека могильной плитой. Станет очень тяжело. Это и есть признак того, что что-то происходит неправильно.

Жизнь не должна постоянно идти с натугой. Иногда может быть тяжело, но в общем и целом необходимо стремиться к лёгкости и полётности, особенно если человеку уже больше тридцати пяти лет.

Иногда слишком молодых людей действительно имеет смысл некоторое время обучать и тренировать в режимах Земли, чтобы сформировать внутреннюю дисциплину, если они чрезмерно прихотливы и капризны. Но как только человек становится более или менее внутренне собранным и адекватным, его необходимо постепенно выводить из Стихии Земли.

Тогда жизнь, протекающая преимущественно в Стихиях Воздуха и Воды, то есть в Меркурии, насыщенном внутренним Сульфуром, иначе говоря — искрами Тайного Огня, в конечном счёте даёт новую опору, новую уверенность. Эта уверенность уже ни на что не опирается. Она сама становится всеобъемлющим пространством, которое одновременно способно порождать любые виды энергии.

Именно это и называется Новой Землёй.

Именно на данной Новой Земле строится Замок — хрустальный, кристальный, волшебный… воздвигается новый Храм, новый Тампль.

В этом смысле человек действительно может стать Тамплиером, то есть Храмовником, тем, в ком существует устойчивое божественное сакральное присутствие. Причём не фигурально, не аллегорически и не пафосно, а вполне конкретно.

Прежде всего это проявляется в устойчивом внутреннем настроении человека, а затем — в его плодах, то есть в его деятельности.

Потому что невозможно длительно пребывать в Стихиях Воздуха и Воды без вдохновения и без творчества. Одновременно это рождает открытую интуитивную чувствительность.

Параллельно такой образ существования оживляет и сам мир. Чем больше живых людей, а не «живых» трупов, не внутренних трупов, не мещан, зацикленных на собственных страхах и сонной, тяжёлой форме существования, тем лучше становится этот мир. Чем больше людей, живущих меркуриальной чувствительностью и творчеством, внутри которых рассеян Тайный Огонь, тем больше в мире будет созидания и блага.

Такие люди неизбежно творят и помогают другим. Их не нужно призывать к этому посредством морали, этики, волевого давления, агитации или иных внешних средств, поскольку эти качества являются естественными свойствами самого Тайного Огня.

Таким образом, именно это представляет собой подлинную форму совершенствования мира. Но начинается она исключительно с самого человека. Из исходного профанного состояния Злой Земли совершенствовать мир невозможно. Ошибки в таком случае неизбежны.

В малых делах ещё возможно приносить пользу. Но в больших делах, где решаются человеческие судьбы, неизбежно начинают действовать искажения. В результате действия принципа пифагорейской запятой, человек начинает нарушать меру блага, поскольку Злая Земля всегда нечётко отражает и нечётко отпечатывает в себе эйдосы, нисходящие свыше.

Поэтому всё прекрасное, всё великое, всё то, что люди задумывали, представляли и о чём мечтали, почти никогда не воплощается в обычном материальном мире близко к своему идеалу. Всегда возникают искажения, вторичные процессы и побочные последствия. Поэтому так часто получается: хотели как лучше, а получилось как всегда. Именно поэтому говорят: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Отсюда и многочисленные революции, начинавшиеся стремлением улучшить мир, но завершавшиеся морями крови и гекатомбами жертв.

Именно поэтому Делание в пространстве живых Стихий Воздуха и Воды является благом не только для самого Оператора. Оно становится подношением всем живым существам, всему Универсуму и создаёт благие причины для постепенной реставрации Золотого Века.

Золотой Век словно начинает прорастать через тех, кто занимается Операциями, кто осуществляет Опус. Через причинно-

следственные связи они постепенно оказывают воздействие и на окружающий мир.

Если же людей, живущих в этих Стихиях, будет становиться всё меньше, то и у самого мира будет всё меньше причин для существования. Ведь Земля — это также и могильная земля.

Наибольшую опору человек получает тогда, когда со всех сторон окружён землёй и когда сам уже превратился в скелет. Земля — земле, прах — праху.

Зачем же при жизни становиться стариком. Зачем при жизни превращаться в труп.

Поэтому главная задача состоит в активации правильного режима бытия в меркуриальном живом поле, в океане Меркурия. Это означает прежде всего оперативное пребывание в Стихиях Воды и Воздуха, насыщенных изнутри искрами Тайного Огня, в постоянном стремлении превзойти собственную ограниченную и проблемную человеческую природу.

PURIS OMNIA PURA

ARISTATA ETEVITAT».

Прочитали.

Брешия: музей рыцарских доспехов.

Он не особо большой, однако, поболее, чем обнаруженный в Милане, что удивительно.

Странно то, что постепенно, при уже торжестве Белого Доспеха, а то и ранее, надгробия Рыцарей изображают оных в полном боевом доспехе.

Выходит: на Страшный Суд они придут в доспехах.

Панацея, по идее, должна была дать добрым христианам, этим Христам, шанс быть здоровыми в годину Хвори Мира…

Латы — Эликсир.

Более технически, Скорлупа Яйца.

Стекло, Глина, сама Тинктура, Камень Второй Работы…

Предел Нашего Мира, где свершается таинство.

То есть, такой уникальный Доспех становится Философским Яйцом, его оболочкой, что позволяет плоть интегрировать в ум, забрать ее в душу, преодолевая жажду материи.

Потому: сигнатуры лат не только магические обереги, но — звуки тайного Opus.

Машина выдала:

«В истории западноевропейского рыцарского вооружения можно выделить два основных законченных типа защитного комплекса: кольчужный и полный латный. Между ними существовал длительный переходный этап (XIII–XIV века), характеризовавшийся многочисленными смешанными конструкциями, сочетавшими кольчугу с различными пластинчатыми элементами».

Действительно, познавательное обобщение.

Тут важно не упустить Деяние Георга, пронзающего Дракона Копьём.

Итак: кольчужный доспех — Чешуя.

Он не сразу закрывает всё тело, но постепенно приходит и на конечности.

Ему соответствует Зеркало в виде шлема: дабы сие распознать сущностно, следует глубоко изучить книгу Р. Онианса «На коленях богов», в частности, главы посвящённые видению головы (здесь ключ и к Бафомету); не упустить оперативность подпоясывания (Рыцарь при Посвящении получал пояс).

Далее: промежуточный период — Чешуя обретает Зеркала, эманации от сферы головы и её двойника нисходят на тело.

В завершении: Зеркало всецело закрывает всю плоть, чело нисходит эманацией потоков шлема и пластин, кои срастаются в сферическое Зеркало.

Золотые шпоры не эхо ли Крыльев сандалий?

Доломиты — Горы алхимиков. Северной Традиции.

Просто так ходить сюда — себе дороже.

Действительно, можно вот так вот вдруг застрелиться с первого селфи.

Polaris не знает жалости.

Polaris не знает и сантиментов.

Привечает она лишь Мёртвую Воду куртуазной страсти, делая её Живой благодаря эманации Огдоады.

Путь Прекрасной Дамы опасен, однако, он даёт и силы, и неутомимость, и удовольствие, а то, что профаны, созерцая снизу, в Огдоаде узнают лишь Смерть — их проблема.

Потому они и поют, что страсть ведёт к Смерти, про катарский дуализм и т. д.

Для Чистых — всё Чисто, — сказал друг-алхимик Дени де Ружмону.

В результате тот расслабился, сел на Георгиева Дракона и полетел прямо в серебряную воронку, в звёздную круговерть Хильдегарды, что сняло сразу все его дуальные напряжения.

Чего и нам пожелали добрые зверята из Волшебного Леса славного острова Авалон.

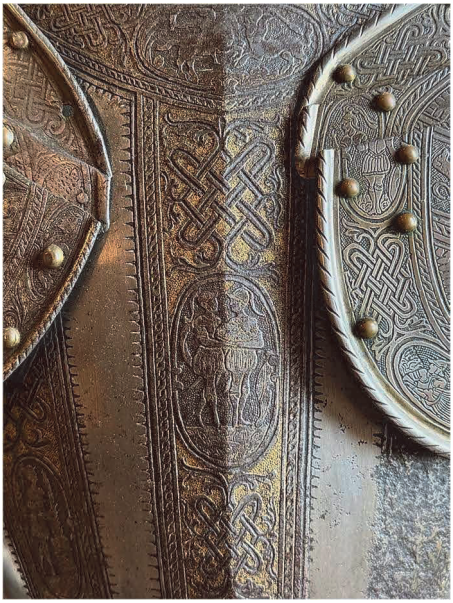

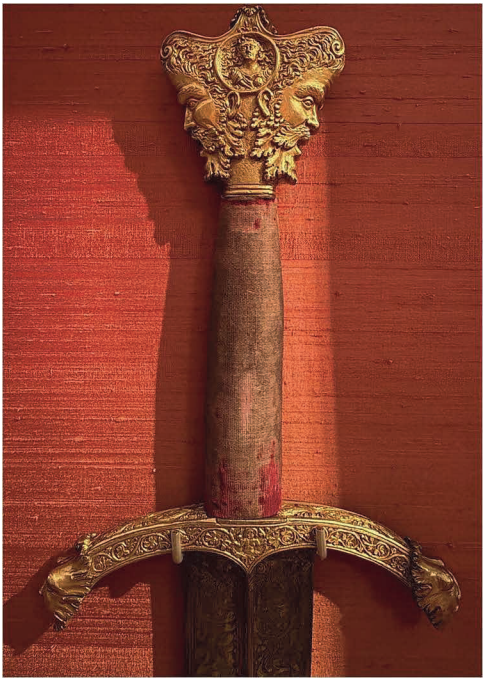

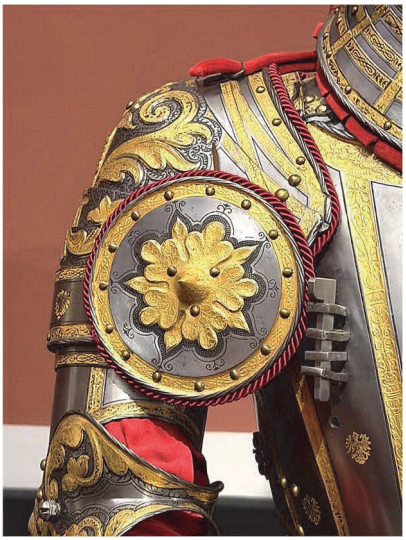

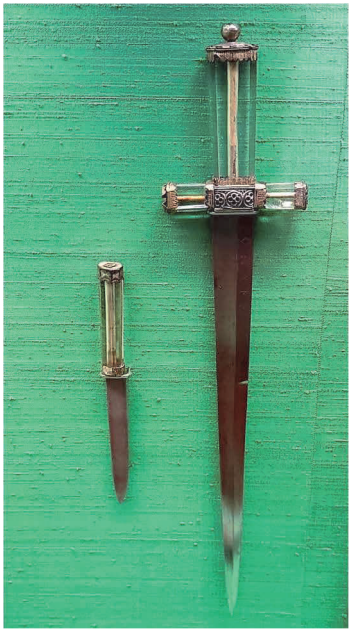

6:7:
DOBBIACO: ПРИВКУС РОГОВ.

2013 год…

Я живу в Киеве, но город сей никогда для меня не родной, намного более приятны и сказочны визиты в Тульчин, райцентр моего детства и юности. Там золотом исходят липы и расплавленная любовь ложится блаженным туманом в сокрытость судьбы. Часто, при первой возможности, езжу в Тульчин, уединяюсь в маминой квартирке на пятом белом этаже, гуляю, заходя к некоему Садовнику в гости: мы пьём вино, пусть это, то ли пиво, то ли иной алкоголь… иногда, чай (правда, пиратский, с ромом).

Прогулки по местным холмам, вкушение времени вспять.

Запах книг. Папиных книг.

Любимый запах.

В Киеве, единственная ценность — книги (уже мои), рыжий Кот Дорофей, коллекция холодного оружия, и — Она…

Лето.

Жаркое лето 2013: поездка в Крым.

Крым особо никогда не был мною любим: на море жарко, горы здесь какие-то транзитные, как коридор, хотя… Суат, некое место в оных, открыло нежность одинокой колючки.

Так или иначе, но проявился тогда такой стих:

УЛУЧШЕНИЕ НАСТРОЕНИЯ.

Блядь!
— На войну окопы рыть!
А может лучше их не злить?
Тех духов мрачных, что порой
Зовут и манят за собой.
Зовут и манят в ту страну,
Где ветер слаб и где войну
Считают матерью любви
И где безмолвные полки
Телами вялыми ложась,
В богах сердцами растворясь,
Бредут на плаху чередой.
И где забитою толпой
Не люди — черви, там гниют
И где забыт златой маршрут
Там юг простёр одежи зла
И там сверкает чешуя
Всё той же бархатной змеи,
Что роет брюхом все пески…
Пока ты здесь — цени судьбу
Веди нещадную войну
С собою глупым и порой
Взирай на пенистый прибой.
Вбирай полёт лесистых круч,
Озёра вод, где дух летуч
Испей глазами…
И до дна

Пусть чаша терпкого вина
Настроем свежести полна
Тебя выводит из дворца,
Из всех окон златой тюрьмы.
И пусть душа объемлет тон,
И серебристый чистый звон
Откроет врата той цепи
Где ветер жив и где полки
Идут бодры.
…Ведут нещадную войну
За ту, другую, Тишину.

Тогда, летом 2013, Украина в общем плавно спала, невнятно клубились и насилие, и ряд проблем, но — ещё не было войны.

Уже в 2014 именно с Крыма всё и началось.

… был во Львове и хозяйка моей съёмной квартиры сильно хорохорилась, что мол, мы всем покажем, — тихо так сказал ей: будет война.

Повисла печальная снежная пауза, три капли крови упали на песок и цифра 15 — значительно хуже 13.

Ведь 15 Аркан — Страж Порога. И он всецело безжалостный.

Смерть-13 не так страшна.

Луна не так ужасна.

Время шло…

Мы занимались своими делами, начав в 2016 череду Пилигримажей в Священную Европу (ключ здесь: операция Rebecca).

Случилось даже не чудо, а ряд чудес: в их линии пребываем и сейчас.

Карантин, а потом, сразу и в продолжение — война. Уже та, которая вернула дом на родину, в Европу.

Тут обрёлся Вечный Тульчин, особо распознаваемый в Шартре и в городе О.

Ностальгии нет.

Родина здесь.

Точнее: сквозь Европу — в воронку Polaris.

Dobbiaco — такой себе весьма пространственный посёлок. Живём мы на неком склоне, весь городок как на ладони. Видно и горы.

Есть здесь традиция, на один из праздников, одевать особые Рога и морды с Красными Очами. По фото — очень даже.

Обитают тут ладины, их совсем немного, но некое поле подвисло. Особенно, на озере Брайес…

Совсем недалеко — город San Candido: в нём есть несколько древних Храмов, а Собор — молчит густой романской тишиной. Особенно, в крипте. Собственно, Chiesa Parrocchiale dei Santi Candido e Corbiniano, пожалуй и есть Храм Первоматерии, который, как и множество местных Тамплей, уютно окружён старым кладбищем: имея в виду Древнеегипетскую Традицию, можно распознать как горит в Зелёном Огне сей прекрасный Храм и как мёртвые не жалеют силы распада своих тел для ракетной освобождённости взлёта святыни к Polaris.

Пребывая у Храма в Сан-Кандидо, заметил, почти случайно, как из земли, из могилы, костяная рука покойника с истлевшими мягкими тканями, сухая такая, протянула мне, под аккомпанемент резко усилившийся льдистой Тишины (как в том анекдоте,

где жмур говорит живому — «а чего нас бояться»; добавим: да, опасаться следует живых), книжицу, размером с блокнот.

Она была обёрнута человеческой кожей (так, по крайней мере, телепировал покойник).

Текст оказался весьма интересным, потому приведём его полностью:

«МИСТЕРИЯ СФАЙРОСА.

*Сфера, пожалуй, для большинства людей — это наиболее совершенный геометрический объём. В проекции на плоскость она даёт Круг.

Понятно, что она выглядит более гармоничной, чем, например, квадрат, треугольник и тем более какие-либо фрактальные, невыраженные фигуры.

Хотя бы потому, что, если мы мысленно рассмотрим все возможные положения любого предмета относительно одного центра, то его индивидуальная форма исчезнет, а её предельной симметрией станет Сфера или нечто, приближающееся к Сфере…

Но, тем не менее, наше восприятие как бы заморожено и банализировано.

*МИР ЗАКИПАЮЩИХ СФЕР:

Представим плоскость и представим некую Сферу какого-то размера. Она проходит через плоскость. Для плоскости, пока Сфера не соприкоснётся с ней, её не существует.

Первое соприкосновение даёт точку. Затем появляется увеличивающийся в размерах круг, пока Сфера не войдёт в плоскость наполовину. Тогда круг будет соответствовать размеру Сферы, её диаметру. После этого, по мере дальнейшего движения, круг начнёт уменьшаться, затем снова превратится в точку, и, наконец, Сфера полностью выйдет за пределы плоскости. Для плоскости Сфера исчезнет, хотя в действительности она продолжает существовать.

Приблизительно так же омрачённое сознание интерпретирует Сферу как таковую.

*Мир Закипающих Сфер:

Представим себе, что существует некое пространство. В принципе, оно бесконечно, но пока можно сосредоточиться лишь на некотором его объёме — так будет проще.

В этом пространстве ниоткуда спонтанно возникает некий Шар.

Шары.

Причём эти Шары начинают появляться в разных местах. Некоторые буквально рождаются из точки и увеличиваются, другие возникают уже большими и, наоборот, начинают сжиматься, растворяясь и полностью исчезая.

Более того, они возникают друг в друге, проходят друг сквозь друга, могут двигаться и действительно движутся по любым траекториям.

Если мысленно сделать некий стоп-кадр — хотя в действительности такого стоп-кадра нет, — мы увидим как бы зависшие Шары. Представим, что один из них размером с теннисный мячик, то есть очень маленький по человеческим меркам. Но если бы мы вдруг оказались внутри него, то могли бы обнаружить целый космос.

Таким образом, внешний вид Сфер, которые возникают, исчезают, кипят, проходят друг сквозь друга и постоянно изменяются, вовсе не означает соответствия их внутреннего объёма тому, что воспринимается извне. Другими словами, внутри каждого такого объёма может находиться огромная Вселенная, а может, наоборот, существовать предельно сжатое пространство.

Например, попадая в большой Шар, мы можем неожиданно обнаружить очень тесное, маленькое пространство. А может оказаться и пространство, полностью соответствующее видимому объёму.

И всё это непрерывно движется, кипит, возникает, растворяется и взаимопроникает.

Более того, все эти Сферы играют всеми цветами радуги, включая чёрный. Они звучат, и их звучание образует своеобразную гармонику. Эти звучания отражают, например, столкновения, взаимные прохождения и все процессы взаимодействия, поскольку Сферы способны проходить друг сквозь друга.

Именно этот образ следует удерживать как базовый образ Сферы.

Далее, когда мы берём какую-либо конкретную воображаемую Сферу, которую представляем перед собой, она всегда как бы одна и обладает определённым размером. Это своего рода стоп-кадр всей описанной ситуации, её символ.

Итак, когда далее мы будем говорить о Сфере или Круге, то есть о проекции Сферы на плоскость, мы всегда будем иметь в виду описанный выше Мир Закипающих Сфер.

Он всё пронизывает.

Он как бы находится и внутри, например, нашего тела, и снаружи. Любая Сфера может как войти в наше тело, так и выйти из него. В любом месте способны образовываться эти Сферы. Причём не только в физическом теле, но и в теле воображения, в ментальном теле, в теле ощущений, переживаний и так далее…

Получается, что весь мир, все его мириады форм, которые мы видим и воспринимаем обычным образом, по сути являются стоп-кадрами определённого соотношения Сфер самого разного диаметра, различной интонации и различной динамики.

Для упрощения мы берём некий усреднённый символ — Сферу любого удобного диаметра, возможно, соотносимую с телом. Точнее, именно с тела мы начинаем ряд каскадов таких соотношений.

Итак, Сфера представляет собой, пока что, некоторый средний вариант. Соответственно, эта Сфера обладает рядом характеристик.

*Жизнь Сферы:

Её каркас построен на её освоении, на её осознании. Пространство и есть Сфера, однако, говоря о Сфере, мы всегда подразумеваем Мир Закипающих Сфер.

Если мы спроецируем Сферу на плоскость, то получим Круг. Самое простое, равномерное и равновесное деление Круга образует равносторонний Крест, то есть два диаметра, проведённые через центр. Между ними возникает угол 90 градусов.

В объёме этому соответствуют три взаимно перпендикулярные плоскости, проходящие через центр Сферы.

Однако угол может быть не только 90 градусов, но и, например, 45 градусов. Вообще, угол в 45 градусов является одним из кардинальных, поскольку представляет собой минимально необходимый магический шаг дееспособности, что наиболее эксплицитно выражено в боевых искусствах. Дальнейшее дробление уже не имеет смысла для построения силовых магических операций.

Отсюда происходят Роза Ветров, Восемь Триграмм и многие другие системы.

Следовательно, если мы берём угол, кратный 45 градусам… то: разделим Сферу девятью центральными плоскостями. Иначе говоря, мы мысленно разрезаем её через центр девять раз, так что между всеми соседними плоскостями сохраняется угол 45 градусов.

Таким образом возникает содружество Девяти Кругов = магический каркас Сферы.

Далее каждый Круг также может быть освоен. В первую очередь — посредством лучей, проведённых из центра к периферии или, наоборот, от периферии к центру.

Самая простая схема — Крест. Следующая по сложности — двойной Крест, то есть восемь лучей.

Это вновь приводит нас к Розе Ветров, Восьми Триграммам и множеству иных вариантов.

Кроме того, именно такая схема наиболее удобна для телесной соотносимости: вперёд — назад, вправо — влево и промежуточные направления. Именно таким образом организовано человеческое восприятие.

Следует заметить, что данная Сфера связана с влиянием энергетики и интуиции, осуществляемым через тело на окружающее пространство, а также с обратным интуитивным восприятием.

Например, система двенадцати часов (широко применяемая военными различных армий мира) не связана непосредственно с реальностью каскадов тел, поскольку представляет собой преимущественно умозрительную, концептуальную схему. Данная же система Восьми Лучей является имманентной естественному телесно-энергетическому восприятию.

Таким образом, мы можем провести восемь лучей. Если затем спроецировать эту систему на объём Сферы (шаг в 45° по трём

координатным осям), получится двадцать шесть лучей. Иначе говоря, при минимальном угле между ними в 45 градусов через центральную точку, проходя по девяти плоскостям, распределяются двадцать шесть лучей (шесть осевых, двенадцать диагоналей граней и восемь пространственных диагоналей).

Если же использовать угол 90 градусов, то останется всего шесть лучей.

Именно на этих совокупностях строится всё остальное.

Лучи остаются Лучами, то есть Огненным элементом, тогда как Сферы становятся своеобразными Облаками, поскольку производными Сферы являются не только каплеобразная форма, но и эллипс, а также разнообразные варианты восьмёрки… и даже, волны.

Например, если мысленно взять Круг за противоположные стороны и повернуть их в разные направления, получится восьмёрка. Точно так же восьмёрка возникает как результат переходов между вращениями по Кругам, поскольку Круг способен вращаться как по часовой стрелке, так и против неё, а в идеале андрогинной нормы — одновременно в обе стороны. Непрерывный безостановочный переход от одного направления вращения к другому, являя S-образный завиток, также в конечном итоге образует восьмёрку.

Таким образом возникает базовый паттерн, одинаково применимый к сознанию, переживаниям, энергетике, телесной

работе и, что наиболее важно, к универсальной взаимосвязи всего со всем.

*Знание как Сфера:

Знание, технически, есть определённое мета-состояние. Его концептуальная расшифровка всегда вторична. Например, если мы возьмём какую-либо книгу, пусть научную, очень сложную, последовательную и так далее, то в конечном счёте сможем интуитивно схлопнуть её в некое мета-переживание, которое в контексте мгновенного постижения мы можем узреть Сферой, особо интонированной Сферой, которая как бы вышла за пределы последовательности и времени…

Сфера соотносима с Вечностью…

Отсюда следует важный момент: передача знания представляет собой либо эманацию Сферы, либо введение человека в Сферу. Иначе говоря, либо Учитель передаёт Ученику мета-состояние, которое затем может быть расшифровано, — эманацию от центра груди, от сердца к сердцу, насквозь, — либо происходит введение в Сферу, то есть вмещение в неё.

Можно сказать и иначе: любая хорошая книга — bon livre — также является Сферой. Мы как бы входим в эту Сферу и затем выходим из неё. Либо мы помещаем Сферу в себя, либо сами входим в неё, либо происходит и то и другое одновременно.

Передача Знания — это также Луч, то есть эманация, которая, как мы помним, непосредственно связана с освоением Сферы.

Наконец, существует ещё один элемент — нечто хаотически аморфное, то есть неструктурированное. Этот элемент также необходим. Если будут существовать только Сферы, Круги, Лучи и их производные формы, вся система окажется чрезмерно напряжённой.

Впрочем, если быть точным, именно производные Сферы способны образовывать фрактальные структуры. Кроме того, некое хаотическое аморфное Облако, не имеющее точных очертаний, также ближе всего описывается через Сферу. По крайней мере, генеральное ощущение от облака и, например, от тумбочки имеет совершенно различные корни.

Если тумбочка, телевизор или иной подобный предмет апеллируют прежде всего к Кубу, то формы рельефа и большинство природных объектов, безусловно, апеллируют к Сфере.

Солнце — это Сфера.

Наш телесный опыт после рождения представляет собой главным образом взаимодействие с Кубом и его производными. Мы сталкиваемся с плоскостями, например экранов, ударяемся о рёбра и даже об углы. Поэтому первый опыт познания мира ребёнком — это прежде всего взаимодействие именно с Кубом.

И это — боль.

Однако пребывание в утробе матери представляет собой Сферу. Причём обычно мы располагаемся головой вниз, то есть

пребываем в своеобразной перевёрнутой Сфере, принадлежащей другому миру.

В этом смысле возникает ещё одна важная линия. Когда мы обращаемся к генерализации собственного бытия через Сферу, мы в определённом смысле возвращаемся к внутриутробному состоянию. Мы вновь как бы немного обретаем некий утраченный рай.

Иначе говоря, структурируя себя по принципу Сферы, мы снимаем огромное количество напряжений и внутренних конфликтов, возникших вследствие постоянного столкновения с Квадратом, или Кубом, этого мира.

Отсюда возникает ещё одна чрезвычайно важная тема — соотношение мира, в который мы попали, то есть Куба, и Сферы.

Чем более техногенным становится мир, чем больше в нём техногенных элементов, тем сильнее он приближается к Кубу, который сам по себе не способен разрешить собственные внутренние противоречия.

Куб (в соотношении со Сферой, отметим также, могут быть и иные прочтения) проблематичен по самой своей природе. Центры его граней легко продавливаются и вминаются. Углы легко стачиваются и обиваются. То же самое происходит и с рёбрами.

Следовательно, необходимо решить Квадратуру Круга. Для этого требуется, выстраивая себя по Сфере, вписать эту Сферу в

Куб бытовой жизни. Такое соединение осуществляется посредством Триангуляции, то есть через треугольную пирамиду.

Именно это и представляет собой искусство Тайного Огня.

Иначе говоря, Сфера и Куб, сакральное и профанное, соединяются посредством триангуляции, через треугольник. Если рассматривать процесс в объёме, то — через треугольную пирамиду.

Впрочем, существует и более оперативная схема. По своей сущности Тайный Огонь представляет собой треугольную пирамиду, однако связь Сферы и Куба осуществляется посредством пирамиды с квадратным основанием.

Четыре Луча, проведённые из четырёх углов Квадрата к единой вершине, образуют центральную точку Круга.

Именно таким образом квадратура Круга разрешается через пирамиду с четырёхугольным основанием. Мы получаем четыре элемента в виде четырёх треугольников, сходящихся в одной вершине.

Эта вершина и является точкой связи с Кругом, а следовательно — со Сферой.

Теперь становится понятным, почему Перекрёсток Учений и Традиций увязывается через Священный Сфайрос, а в более энергийном и техническом аспекте — через оперативную Триангуляцию.

Понятно также, что профанный ум постоянно каскадно умножает по ритму Двойки: 2, 4, 8, 16… и так далее. Напротив,

возвращение к Единому осуществляется через Тройку. Иначе говоря, любую Диаду необходимо Триангулировать.

Собственно, это Единое и есть Центр Круга, Центр Сфайроса.

Отсюда возникает принцип непрямого воздействия, то есть своеобразного возвратного триангуляционного потока.

*Таким образом, по своей форме система прежде всего представляет собой Сферы, однако внутри каждой Сферы всегда присутствуют снопы Лучей.

Понятно, что сферическая составляющая является меркуриальной, снопы Лучей — сульфурны, а их равновесие образует Соль.

При этом энергийная составляющая, отвечающая за связь, всегда носит Триангуляционный характер. Различные виды треугольников — равносторонний, равнобедренный, прямоугольный, — так же как и теорема Пифагора, задают различные ключи соотношения между Сферой и Кубом.

Например, принцип гипотенузы и двух катетов в теореме Пифагора по существу представляет собой теорему Срединного Пути. Иначе говоря, он отвечает на вопрос, каким образом, учитывая кубичность мира и обусловленную этим травматичность, тем не менее сформировать Сферу и соединить эти два начала в единое целое.

До рождения нам был непосредственно известен опыт Сферы. Возможно, и после завершения земной жизни именно опыт Сферы вновь станет наиболее актуальным.

Это Сфера, подвешенная в нигде, а значит — повсюду, не нуждающаяся ни в каких прямоугольных системах координат.

Да и при жизни все духовные состояния, или, шире, любые утончённые и возвышенные состояния, представляют собой выход к Сфере и Лучам. Они никогда не принадлежат Кубу повседневной профанной жизни (однако, аспект Фиксации сих состояний-знания как раз связан с Кубом, но другим, не Земным, а Небесным…).

Однако нельзя утратить и сам Куб, поскольку именно с ним связано тело. При этом и в самом теле присутствует ярко выраженная Сфера — голова, тогда как остальные части тела уже не столь непосредственно коррелируют со Сферой.

Таким образом формируется вся система упражнений, в которой всё алхимически связано со всем.

Тренируя тело, мы одновременно включаем энергетику, воображение и ум. Работая с энергетикой, то есть с состояниями, мы неизбежно обращаемся к определённой структуризации тела и ума. Развивая ум, мы одновременно учитываем и энергетику, и телесность.

Именно это и представляет собой алхимический подход.

Конкретным агентом этой взаимосвязи и одновременно её целью является Искусство Священного Сфайроса со всеми вытекающими из него следствиями.

В том числе и название "Орден Трёх Молний" (то есть, оперативная расшифровка Ордена Храма) связано именно с триангуляцией между Сферой и Кубом с идеалом прихода к новой Фигуре, Небесной Форме, которая одновременно есть и Сфера и Куб, а её динамис — триангуляционные эманации в разлитом поле абсолютной Свободы всеприсутствия (с возможностью проявления где угодно) и в регулярных жестах Блаженства (удовольствия-без-привязанности) на пути Истины.

ARISTATA ETEVITAT».

В Dobbiaco мы пили Амароне. Трёх видов. Сильно уставшие с дороги, весьма эвакуировались в Страну, что подле. Было хорошо.

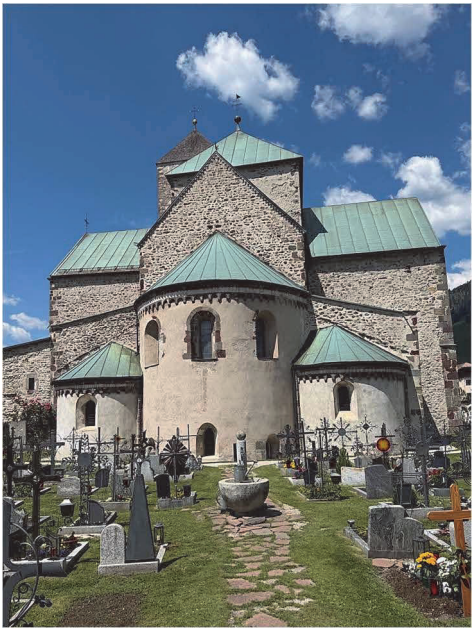
Вот только, шкаф, стоящий в спальне, уж очень сильно напоминал дачный туалет, — стоило некоторых усилий убрать одного из участников от него и предотвратить акт делания пи-пи в коробку для вещей.

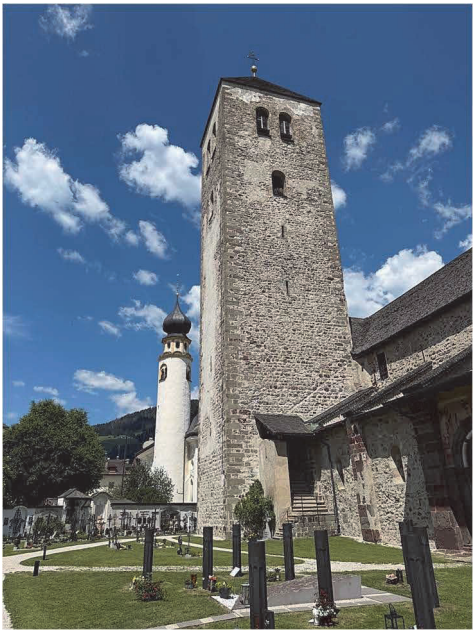
Впрочем, моча — это соль. Вид соли. Что и объясняет некоторые сюжеты алхимических гравюр…

Для Чистых — всё Чисто.

Покойник из Dobbiaco оказался библиотекарем.

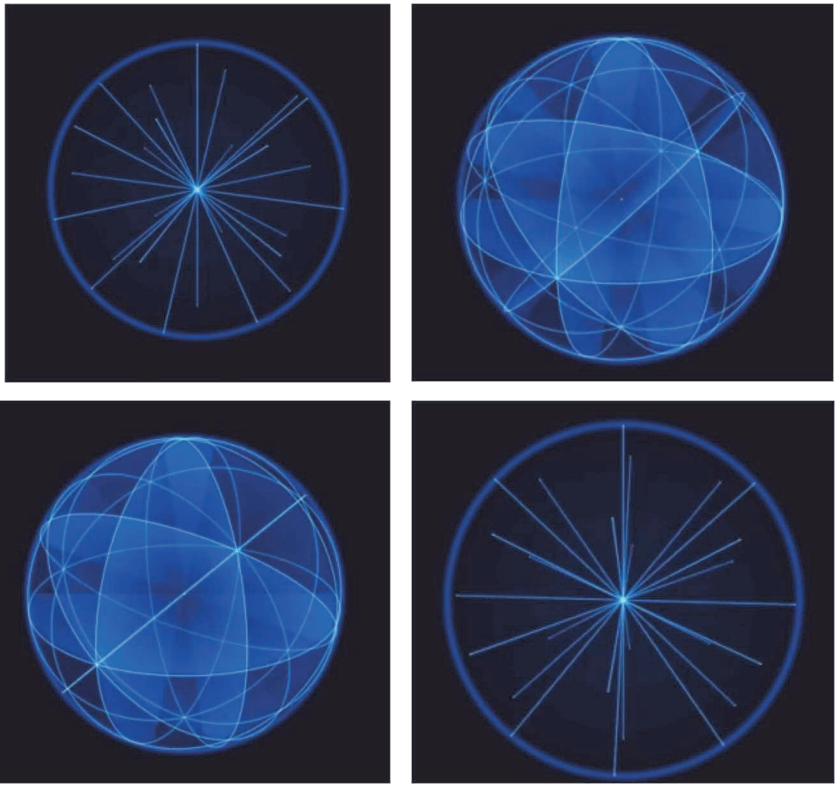

11:3–
ТРЕ-ЧИМЕ: ЗУБЫ НИКУДА?

Горный массив Тре Чиме исключительно красив, но, странное дело он особо не фигурирует в мифологии ладинов, живущих окрест испокон.

Там привечается озеро Брайес и его прилегающие горы. Тем не менее, в современности, да и просто сугубо визуально, Тре Чиме играют роль символа Доломитов, центра притяжения.

И это понятно: три великолепных горы рядом не могут не фасцинировать.

Тропа вокруг сих Драконов не очень длинная, но удивительна своим разнообразием красоты, не хватает, разве что, ледников…

Здесь сразу и резко осознаёшь: Доломиты — одни из самых замечательных гор.

Есть, правда, серьёзный недостаток — очень много туристов.

Дабы хотя бы как-то избежать милого общения с массой активно отдыхающих, выезжаем сюда в 4.00 ночи, начиная, собственно, сам путь в рассветном огне.

Идём мы противосолонь, что символично, это тропа NNDNN.

Острые скалы откровенно драконятся, лишь немного и изредка камуфлируя свою суть травами, древа и долинами. Кристаллические стрелы точно разят в теллурическую составляющую нас (что, быть может, объясняет последующий конфликт во втором визите на Брайес).

Есть в Тре Чиме некая тайна, однако, она не очевидна, клубится подразумеваниями, скрипящими интонациями, не открывая себя и просто принимая своеобразный массаж множества стоп туристов, излучения страстей, вереницы мыслей и таких человеческих, эманаций.

Духи знают дело своё.

Драконы и едят, и окрашивают толпу.

А барыги рубят бабло со стоянок, автобусов и т. п.

Конечно, здесь не может быть без мафиозных ОПГ: север Италии, хотя и не юг, но слабо верится, что Коза-Ностра, Ндрангета или Каморра тут не пустили своих щупалец.

Впрочем, без всяких мафий и так весело, ибо оные — не извращение человечности, а непременная составляющая сей породы.

Тем не менее, пора сменить тему, ибо — пора.

Так устроено современное общество, что явным образом интеллектуальная мощь находится на вершине иерархии, в связи с обретением устойчивого и высокого дохода.

Это, понятное дело, вне контекста власти (и официальной, и бандитской), конгломерата её связей.

Физический труд тяжёл, а ценится он более чем плохо: на данный срез ситуации, реально прорваться хоть куда-то большинство не-элит могут через сферу IT.

Ясно, что для успеха в ментальных делах необходимо иметь навык устойчивого неотвлечения, при этом, ситуация забавна тем, что «успешные» умники (что в сфере компьютеров, что в бизнесе) магистрально плодят и бесконечно умножают именно всё, что связано с отвлечением.

Впрочем, культуры нет.

Как и нет экономики.

Как и нет политики…

Глобально: есть власть, управление и всё более проблемный разлёт в дурное количество, что проявляется как нарастающий хаос.

Дракон Тэхнэ бьёт крыльями всё более хтоническую субстанцию, на данный резон, проекцией которой есть нефть.

И: оперативная Диада в применении есть ядерный взрыв.

… — созерцая Тре Чиме неизбежно ощущаешь Пламенную Триангуляцию, что только и может вернуть двойственный ум к Единому и пронзить Дракона синей кровью.

Но не так-то просто сие пережить там, где любой посыл мгновенно либо интегрируется в эго, адаптируясь в композицию оного, либо становится точкой приложения духа противоречия.

Может и хорошо, что Тре Чиме не смягчены мифологией, ибо оная была бы уже тотально приватизирована (в таком денежном месте) барыгами, а так, несколько жуткая пустота при наличии столь мощной формы, может и создаст ситуацию вопрошания с сакраментальным «нахуя?».

Так треснул подоконник, вазон упал на пол, земля рассыпалась.

Не ставь бутылку на край, водка — не вода.

Вопреки идиотизму всё-таки красиво…

Тре Чиме.

Как уже отмечено, поездка вышла непростая. Печать Пилигримажа пришла лишь на фоне океанского прибоя и оной стал сон.

Сон о городе О.:

«Город О., в котором недавно был.

Характерная башня-крепость. И возникает странное состояние, очень странное состояние некого переключения.

К сожалению, детали не помнятся, их было довольно много, но самое главное — это своеобразное ощущение, очень странное ощущение, вкус не от мира сего.

Если попытаться навестись на это ощущение, то суть состоит в следующем: что именно триада, то есть через третье, даёт возможность технически вернуть пневму, которая начинает двоиться от дихотомного каскада.

То есть 2, 4, 8, 16… — и пошло-поехало дальше, до дурной бесконечности.

Так вот, это есть ритмика действия эго, гордыни, профанного состояния.

Соответственно, если ты просто напрямую обращаешься к человеку, если это не есть ситуация, та, где ему конкретно что-то нужно по рамкам его ультимативных хотелок в контексте его же эго, если это не оно, то, как правило, будет сопротивление или интерпретация в другую сторону через пифагорейскую запятую.

Отсюда необходимо как бы триангулировать любое такое взаимодействие.

Пока что сие ощущение как бы нащупывается.

… — некоторые намёки.

Например, боевые искусства.

Я просто бью прямой удар. Если я бью быстро и хорошо, я попадаю. Но когда я наношу удар, я одновременно открываюсь, и вследствие этого могу получить встречный удар, и это очень тяжёлая ситуация.

Но можно сделать по-другому, как бы программировать. А именно, через некую тройку. Я наношу удар, но подразумевая так его траекторию, такую манеру нанесения, чтобы человек достаточно конкретно защитился именно конкретным действием, что, в принципе, несложно сделать.

Таким образом, мое первое действие — это один, его защита — это два, но вот основная атака идёт на остаточную энергию его защиты.

То есть, например, если он отбивал мой прямой удар внутрь, я дальше снимаю его отбивающую руку внутрь второй рукой и этим самым его открываю под уже более решительное действие того или иного типа.

Таким образом, вот эта триада.

Далее…

Было такое видение, как некая таблица с буквами, и они как бы мерцают: то белыми, то чёрными, но через перемену угла. То есть, если ты чуть-чуть отошёл, они как бы перетекают в чёрные; отошёл — перетекают в белые.

Ещё один момент.

Например, надо передать тонкую эманацию внутреннего состояния просто человеку — это одно.

Триангулируя, бросаю ему, например, дорогой ему предмет, и он его ловит. Вот в момент, когда он занят этой ловлей предмета, он как бы открывается. И в этот момент можно эманацией передать некое состояние. Больше шансов, что оно войдёт, не будучи

сбито двойственной каскадной структурой эгоистической личности.

И тому подобные примеры…

В конечном счёте, это всё сводится как бы к Кадуцею Гермеса.

И это некая суть, вкус сей немирской пневмы».

«Следует отвергнуть Диаду, чтобы через Триаду прийти к Единству» — когда-то начертал ультрамариновыми готическими литерами Тритемий.

Гордыня-правота-эго — есть машина бинаризации.

Ядерный взрыв.

IT код.

Быт и власть. Смерть и страсть.

Любой дискурсивный текст, тем более, философский, из-за (в том числе) усиливающейся усталости слов, бинарен. Посему: в контексте реальной передачи чего-то в связи с Алхимией, практически невозможно сделать это конкретно и прямо и даже отличная книга Ю. Эволы по теме, всё более утрачивает оперативность Излучения.

Мы пытаемся… но, кому ведомо, что из этого будет.

Мистерия Чёрной Розы даёт шансы транслировать…

Прогулка вокруг Тре Чиме…

Восхищение горами, облучение Драконами.

Получение ожога этого путешествия.

Понятно, почему Тайный Огонь в горах сих столь силён и так хорошо фиксирован.

Но не стоит забывать, что, в любом случае, он не передаётся напрямую, а извлекается: в любом случае, непосредственный контакт подразумевает вдыхание вульгарного пламени со всеми последствиями.

Игры с Драконами опасны, а красота не так однозначно блага как кажется на первый взгляд.

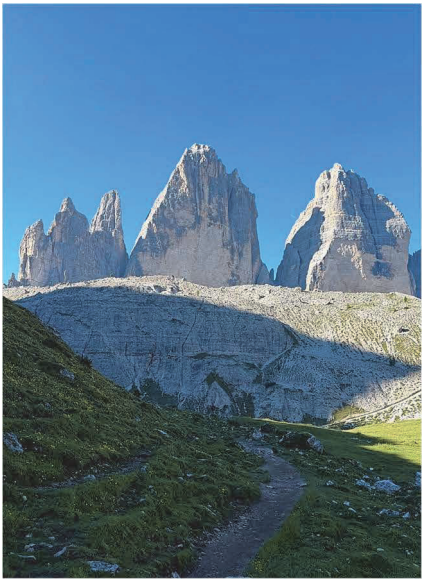

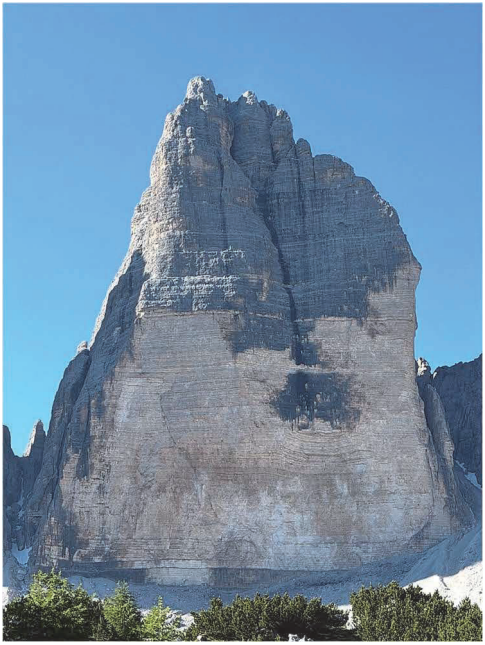

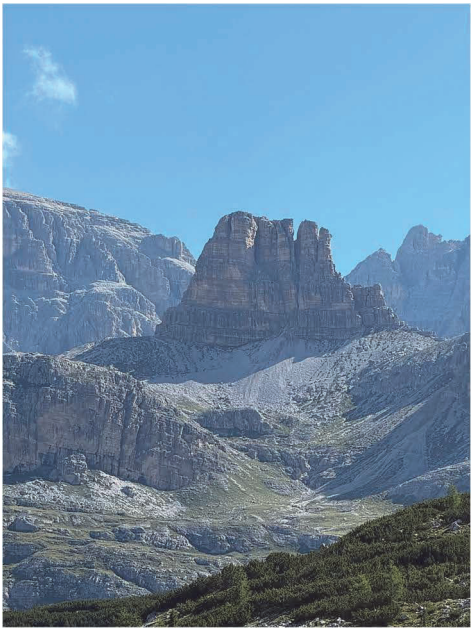

2:2/5-
БРАЙЕС: КОМНАТА, СТЕНА, КАРТИНА…

Безалкогольное пиво не пью. Однако, по некой причине, в определённый период решил не употреблять алкоголь, и мне подсунули к суши именно сей напиток.

Дело, конечно, не в пиве, — оно стало мостом, ибо, приехав в Братиславу и проведя с Учениками занятие, получил от них к ужину тоже безалкогольное пиво, чего ранее не было никогда.

Через небольшой срок от начала полномасштабной украинской войны, мы переместились в Червоноград и там, в качестве магико-опусной аскезы были в затворе около пятидесяти дней, что, собственно, привело к возможности возврата в европейскую Родину: сие состоялось через врата Мариенбурга, в грозу и молнии, аккомпанирующие Ритуалу Чаши.

В старой замученной квартирке в упомянутом западноукраинском городке, которую мы тогда снимали, был некий набор книг, ещё с советских времён, и среди ожидаемых детективов, военных романов и прочей муры, неожиданно обнаружился томик Апулея…

«Золотой Осёл».

Тогда сие воспринялось знаком: и вот сейчас приехал такой же, и вот он читается.

Впервые.

Речь о самых разнообразных операциях познания Лабиринта Судьбы.

Семь погружений в Воды Океаноса…

Цвет Роз…

Люди, занимающиеся единоборствами, как правило, накапливают некую тенденцию в поле своей пневмы, некую векторность, которая часто их толкает на действия, ведущие к проблемам.

Эта сульфурная жажда связана с духовным инфантилизмом и ментальной трусостью, ибо, идя по стреле энергии, оккупировавшей их составы, не задаётся сакраментальным «нахуя?», инфантильно закрывая глаза на контексты обмана и манипуляций.

Эмоциональные решения в контексте войны намного хуже эмоциональных покупок.

Многих уж нет.

У многих уж нет частей, частей тел…

Вульгарный сульфур как бы согревает, скорее, даже обжигает, причём, до шрамов — по ним и опознают друг друга обожжённые, на их рубцы опирается всё более сжимающаяся личность; сей сульфур не светит, он слепит, зачастую вводя импринтом фантасмагорически лживые картины и образы, которые станут для них общим кином, общим фатумом; он как бы фиксирует, точнее — обретается очередная ложная опора, всегда апеллирующая к окончательности трупов, убитых, культяпок, оторванных ног, рук и голов, к последствиям контузий и ударов.

Потому, пройденная война или зона настолько тотально претендуют взять человека всего, без остатка, до конца оставляя его «под Кандагаром», — берут, конечно, не всех, но подавляющее большинство.

Скалы и горы и связаны и не связаны с таким вульгарным сульфуром, впрочем, пройти его врата таки придётся, мягко и тонко распознав подмену и обезвредив волю-к-власти элегантной влюблённостью в Тайну, вдохновенным причастием Лабиринту.

Очень желательно никого не убить, ничего не утратить из состава тела, не продать и не подарить душу, словом, узреть тончайший Свет.

Фасцинация Озером шепчет блокнотом. В нём — мириады сигнатур, кои в обычае и не видно, кои растворяются ещё до конца часа и потому — ничего не решают (а звёздная пыль требует фиксации).

Спорт не мир, кумир — всегда вульгарен.

Идти меж каплями, плыть в песке, рождать — не детей…

Возможно ли сегодня хотя бы что-то сказать почти прямо?

Война — машина фиксации личности.

Война: программа усиления эго и гордыни.

Война сейчас: пластмасса, кремний и металлы; дрон и телефон не просто так рифмуются.

В озере утопиться, водою омыться, лазурью залиться…

Контекст определяет во многом стимулы загара, вспышки и вышки — иллюзию выбора судьбы.

И вот: мысль, в мощнейшем потоке событий, вибрируя сутью, простирается в недавнее прошлое: она попадает в Крепость го-

рода О., со стены которой созерцал Храм и второй замок, там где в онейрическом погружении явился Гермесов Огонь.

Там были ещё два дома, на двух разных окраинах и на одном было начертано «для нечистых — всё нечисто», что, в общем, есть приговор ультимативной материальности для всех, кто не узрел Сказ, а озеро Брайес потому и нематериально, что в нём особый ход в Фанес.

Евгений Головин предложил термин «фанетия», означающий особое состояние священного присутствия и предчувствия живого чуда.

Фантазия может быть инфантильной и реактивной, фанетия же обладает оперативной силой и сопряжена с золотыми жилами Традиции.

Голубая Вода Брайес вполне транслирует смысл открытия Неба Воображения, что сразу подразумевает несхваченность ни наукой, ни бытовой банальностью, ни мелочностью цивилизационно-государственных контекстов.

Orsa Flumen, хорошо зная язык английский, поработав с некоторыми сайтами, любезно изложил главную легенде Озера Брайес, итак:

«Легенда о происхождении царства Фанес.

Прародительница Молтина воспитывается Ганой, горным существом, и растет вместе с сурками, в гармонии с природой. Гора Crёp Alt/Croda Rossa (Крода Росса), словно отражая её чувства, сияет насыщенным красным цветом. Молтина и её муж, принц народа Ландринов (Landrins), живут сначала в замке, а затем в

горах. Принц провозглашается народом царства Фанес королём, и приказывает нарисовать сурка на стенах замка в Контуринах (Conturines — горы, ныне известные как часть Доломитских Альп). С тех пор гербы воинов царства Фанес украшаются изображением сурка.

Легенда о царстве Фанес — одна из главных легенд народа ладинов (ladins) из Доломитских Альп. В начале легенды о царстве Фанес рассказывается о существующем союзе с сурками, который королева царства держит в секрете, поскольку выходит замуж за иноземного короля. Тот, в свою очередь, сам заключает союз — с огненным орлом, который с этих пор становится гербом царства. Когда у королевы рождаются две сестры-близняшки, Доласилла (Dolasilla) и Луханта (Lujanta), она отдает Луханту суркам в знак их союза, получая взамен маленького сурка.

Король также обменивает одного из своих наследников на орла, но вот орел выбирает вместо одной из близняшек — детеныша сурка, которым королева ловко подменила Луханту без ведома короля.

На обратном пути с горы Нуволау (Nuvolau), где происходил этот обмен, в замок Фанес, воин, посланный королем для обмена с орлом, попадает в ловушку к Спина де Мул (Spina de Mul), злому колдуну, явившемуся в образе полуразложившегося мула. Внезапно появившийся молодой принц Дюранов (Durans), Эй де Нет (Ey de Net), поражает колдуна камнем; тот, падая, теряет драгоценный камень, Раджету (Rajëta), который Эй де Нет дарит юной Доласилле.

Несколько лет спустя король царства Фанес решает отправиться с Доласиллой и несколькими воинами на поиски сокро-

вищ Лех д'Аржент (Lech d'arjënt, Серебряного озера). Воины находят небольшую шкатулку с мехом горностая и серебряной пылью (в другом варианте, серой пылью), и отдают ее Доласилле. Внезапно, принцесса слышит странные голоса сальванов (Salvans, диких людей, в другом варианте текста, гномов), умоляющих вернуть им шкатулку.

Доласилла жалеет их и выполняет просьбу, за что они награждают ее, рассказывая, что она должна бросить пыль в озеро чтобы увидеть, как расцветут и просияют сокровища. Также, они сообщают ей, что она должна позволить изготовить кирасу из горностаевого меха, так как станет славной принцессой-воительницей, но она никогда не должна идти в бой, если мех изменит свой белый цвет, как снег на горе Мармоладе (Marmolada), на чёрный.

Среди сокровищ Серебряного озера находятся также и стрелы, не знающие промаха, которые становятся оружием Доласиллы.

Доласилла обучается воинскому искусству и, поскольку обладает разящими без промаха стрелами, ведёт свой народ к победе за победой…

Раджета — самый драгоценный камень в стране гор, тот самый, что принадлежал колдуну Спина де Мул, которого победил Принц Эй де Нет, подаривший камень Доласилле — сияет теперь в её короне.

Она же, приведя народ царства Фанес ко многим победам, коронуется в качестве «stëra de Fanes» — звезды царства Фанес…

Однажды во сне ей является принц Каютов (Cajutés), которого она заметила в битве из-за его шлема с красными маками, и которого сама убила, и призывает её отказаться от сражений с использованием её магического оружия — впрочем, король царства

не пугается этого предупреждения и вовлекает Доласиллу во всё новые и новые сражения.

Тем временем, Спина де Мул призывает многих соседей объединиться против царства Фанес и разыскивает также Эй де Нета, предлагая ему подойти к Доласилле и вывести её из битвы, чтобы она не использовала свои разящие без промаха стрелы. Однако, во время битвы при Фиамесе (Fiames) злой колдун предает Эй де Нета, и ранит Доласиллу заколдованной стрелой.

Потрясенный и разъяренный произошедшим, Эй де Нет разыскивает могущественную ведьму Цикуту (Zicuta, Tsicuta) на Падоне (возможно, горный массив и перевал Passo Padon в Доломитах), которая советует ему обратиться к гномам горы Латемар (Latemar) и заказать у них такой тяжелый щит для защиты Доласиллы, чтобы никто, кроме него, не смог его поднять. Доласилла, тем временем, выздоравливает от полученной раны, и король Фанеса приказывает гномам Латемара сделать щит, защищающий Доласиллу также и от заколдованного оружия; гномы же, полагают, что речь в просьбе короля идёт о том же самом щите, что нужен и Эй де Нету.

Когда щит приносят в замок Фанес, никто не может его поднять.

Эй де Нет же приходит в замок как простой воин и ему щит поднять удается — благодаря этому, он становится рыцарем Доласиллы.

После многих сражений, проведенных бок о бок, Эй де Нет просит у короля разрешения жениться на Доласилле, которая хочет отказаться от участия в любых дальнейших сражениях. Король отчаянно противится этому союзу, ведь гномы предсказали ему, что непобедимость Доласиллы продлится лишь до её заму-

жества. Он, в гневе, изгоняет Эй де Нета из царства Фанес — однако, перед изгнанием, Доласилла обещает Эй де Нету, что больше никогда не будет сражаться без него.

Более того, король предает свой народ, заключая союз с враждебным королевством южных земель — враги должны, в обмен на доступ в царство Фанес и разорение оного — король заверяет их, что Доласилла никогда не будет сражаться без Эй де Нета — помочь ему завладеть золотом Ауроны (Aurona), легендарной подземной страны благоденствия и изобилия.

Предав таким образом своё царство, король бежит…

На горе Лагацуои (Lagazuoi) он ждёт, когда сбудутся события, предвещающие конец царства Фанес.

Окаменевший профиль короля, в честь которого назван перевал Фальзарего (Falzarego Pass), можно увидеть на различных скалах в районе гор Фанес (Fanes).

Эй де Нет отправляется к озеру Лунедес (Lech de Lunedes), чтобы вопросить мьянин (Mjanines, связанных с нимфами божеств). Те, рассказывают ему о предательстве короля и предсказывают приближающуюся скорую смерть Доласиллы.

Вечером перед последней битвой Доласилла, в отчаянии пустившая коня вскачь по лугам Арментары (Armentara), внезапно оказывается окружена тринадцатью странными детьми, которые просят её отдать им тринадцать её не знающих промаха стрел.

Доласилла сильно смущена, но выполняет их просьбу…

На самом же деле, встреча с детьми является ни чем иным, как планом колдуна Спина де Мул, который пытается привести врагов царства Фанес к победе, лишив Доласиллу её волшебного оружия.

На следующий день, Доласилла замечает, что её кираса почернела, и, понимая, что находится в большой опасности, всё же вступает в сражение при (на) горе Pralongiá (одна из вершин гор Фанес в Доломитах) и погибает, сраженная собственными стрелами, выпущенными врагами.

Тем временем, король царства Фанес, бежавший на гору Лагасио (Lagació, Lagazuoi, Лагацуои), ожидает там, пока его союзники расплатятся с ним сокровищами за его измену и отведут его к золоту Ауроны. Неожиданно, его обвиняют в государственной измене, и Спина де Мул накладывает на него заклятие, превращая его в камень.

Воины царства Фанес отступают, и королева просит помощи у сурков.

Так появляется Луханта, которую воины поначалу по ошибке принимают за Доласиллу. Королева объясняет им, что сестра-близнец Доласиллы приведёт их и остатки народа царства в надежное убежище Morin di Salvans, Морин ди Сальванс, в подземном царстве сурков.

Все последующие попытки народа Фанес отвоевать и вернуть себе царство оказываются тщетными — окончательное поражение остатки войск царства терпят в битве при Фурсии дай Ферс (Furcia dai Fers).

Раз в год Луханта и королева появляются в лодке на озере Лехде-Брайес (Lech de Braies, Braies Lake), под которым (под горой Sas dla Porta, Croda del Becco) должна быть дверь, ведущая в то самое, последнее убежище тех из народа царства Фанес, кто спасся. Они ждут наступления обещанного времени — сигналом к чему должен стать звук серебряных труб — времени, когда царство Фанес будет восстановлено и будет жить в мире и процветании».

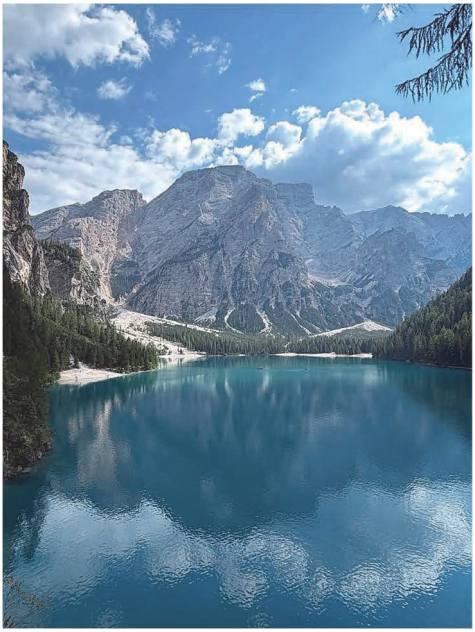
(Подготовлено по материалам сайта fanesfiction.com)

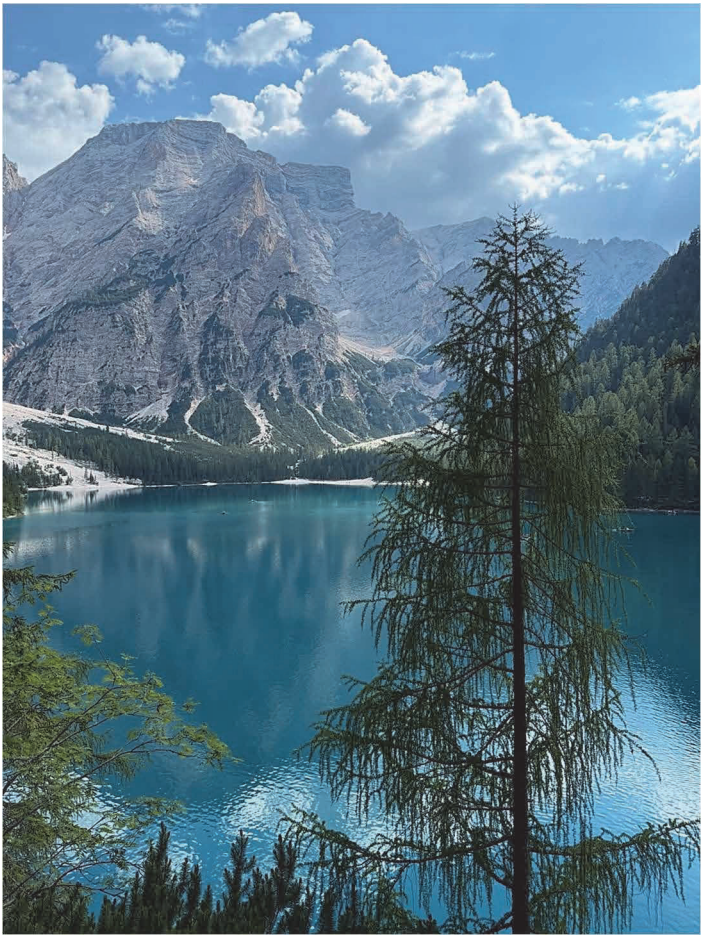
Так проявляется стена дома сего пилигримажа, в которую вбиты серебряные гвозди наших судеб, на которые, в свою очередь, повешены картины событий и их подоплёк.

Весь пол усыпан лепестками Роз: запах — соответствующий.

Наша поездка на алхимический Север понемногу обретает зыбкие облачные очертания… что и есть самое надёжное.

7-3:2:
НАШ РЕНЕ И НАШИ СКИТАНИЯ: ДОЛОМИТЫ, ТАТРЫ И МОРЯ.

Пилигримаж Севера, скитания в Доломиты и прилегающие места, обрамлены с двух сторон, с начала и в конце, посещением двух художественных музеев, в Брешии и в Виченце.

Полотна, парящие там, великолепны и есть несколько реально шедевров.

Наверное, именно контакт с сими картинами, в режиме альфы и омеги данного странствия, оказывается самой эссенциальной частью пилигримажа.

Полотна эти как бы продолжаются в настроении, разлитом в городках Т. и О., а Доломиты, горы и долины, оказываются в центре, объятые каскадами высокочастотного меркурия…

Природа великолепна, её красота распознаваема практически всеми.

Однако, есть нюанс: стихии в природе всегда транзитны, неравновесны, потому, Квинтэссенция, Эликсир, не ведом оной. Похоже на то, что лишь человек вослед божественной инспирации может, идя по мудрости природы, но превосходя её, проявить нечто не от мира сего, и это, конечно, в первую очередь, Храм.

Она спросила:

— да скажи ты наконец, что есть эта вечно ускользающая алхимия?

— этот предельно неконкретный герметизм?

— да что же ты так спешишь, волнуешься, всмотрись аккуратно и по-особому нежно в свою же деятельность, и увидишь, — услышала она в ответ.

Дело в том, что она всегда причастна искусству: рисует, вышивает, пишет готическим почерком, лепит, сотворяет музыку…

Лунно-звёздными созвучиями ультрамариново-голубого минора звучит хендпан…

И вот: мы в Татрах. Высоких Татрах.

Здесь красиво. Горы, лес и воды.

Водопады.

Некоторые тропы вымощены как в парке, большими камнями, — идти по ним приятно и нет болота, хотя дожди здесь довольно часто.

Водопады Студёного Потока: сегодня, один из них представляет три основных потока — два, по краям, мощные и рокочущие, в центре — журчаще мягкий. Ясно, что первые транслируют пневму Полярной Звезды — именно акцентно упомянутый рокочущий поток даёт точное переживание хрустально-алмазной структуры Polaris, это Порядок, пробивающий насквозь все несовершенства и водружающий стяг Нашего Севера.

Мягкий центральный — журчание Луны: весенний сад всепронизывающего расслабления и осознанного мятно-жасминового

забытья, когда туманные шары лунных волос упруго поддерживают уже начавшую дематериализацию, плоть.

Словом, идёшь внутри и по трём главным сияниям; они же расцвечиваются далее светами Семёрки Ковша.

Вон камни упруго висят, ступаешь сугубо по ним, немного пружинят под шагами, под сей россыпью — несколько километров высоты; ты уже промыт Луной, прошит вибрациями водопадов Polaris и, лунные туманные сферы, поддерживающие тело снаружи, каждая (впрочем, как и упругие камни под ногами, из стекла Северной Звезды) — все они, весь их объём, в своём центре содержат каплю Солнца — Золото. Томное, радостное, звенящесияющее, Золото.

Конечно, природа красива, но — убрана она в латы активного воображения, ибо сие, как минимум, возможно.

А как максимум — сжигает её в умном огне, ибо не хочется быть жертвенной соломенной собачкой (см. «Дао дэ цзин»).

Рене Шваллер де Любич в книге "Храм в человеке: тайны Древнего Египта" приводит описание канона Готического Тампля в связи с рассмотрением Храма в Луксоре (а через это — и самой сути Традиции Древнего Египта), акцентируя, в частности, что пространство нефа, челна, до трансепта, организовано секциями с наличием семи окон.

Трансепт оказывается восьмым, — ясно, что так, имеет место аллюзия к Семи Планетам и Огдоаде.

Причём, нефов — три, что и создаёт эффект Кадуцея и возможность Тройного Прохода.

В этой, поистине гениальной работе, упомянутый автор также пишет:

«Мудрецы во все времена стремились передать откровение Духа, утаённое под покровом притч и священных текстов. Они представляют собой различные формы Знания: их основа всегда остаётся единой, хотя формы выражения сообразуются с эпохой и состоянием сознания того или иного народа. Пути передачи этого учения многообразны: предания, сказания, обычаи — а также памятники, статуи и храмы.

Так, вплоть до конца Средневековья, в христианской традиции каждому святому придавали особые символические атрибуты — в живописи или скульптуре. Эти образы становились подлинным Писанием, раскрывающим то, что невозможно выразить словами. Храмы всех традиций — индуистские, египетские, иудейские, христианские, мусульманские — возводились по строгому канону, в котором зафиксированы ключи к глубинному учению.

В Египте, в Индии, а затем в готическую эпоху христианского зодчества, храм становился книгой, раскрывающей «эзотерическое» учение. При этом под эзотеризмом не следует понимать ни загадку, ни тайнопись. Речь идёт о «духе буквы» — о том, что невозможно выразить прямо. И дело не в стремлении что-либо утаить, а в том, что «церебральный» интеллект по своей природе не в силах это постичь.

Поэтому способ выражения сокровенного смысла должен быть устроен так, чтобы обращаться к внутренним способностям читателя. Каждый поймёт его в меру того, что развито в нём самом — на уровне обычного восприятия или более тонкого: интуиции, пространственного видения.

Один и тот же образ — притча или храм — может быть воспринят по-разному. Кто-то увидит в нём практическую пользу. Другой — красоту формы. Третий — миф или легенду, философский принцип или видение материального и духовного происхождения мира. Когда речь идёт о фараоновом храме, прежде всего следует определить, какая тема в нём становилась определяющей. Посвящение лишь намечает общий замысел, но не раскрывает всей глубины его сути.

Не остаётся сомнений в том, что тайное учение фараонов зиждилось на понимании жизненно важных функций (vital functions). Каждый орган рассматривался как живой символ — в том смысле, о котором шла речь выше. Теперь уже невозможно не признать, что древние обладали знанием того, что можно назвать «духовным метаболизмом»: от усвоения пищи — до высвобождения Энергии, или «Духа», проявляющегося в интеллектуальных способностях и силах «Сознания»».

(Ук. соч.: стр. 55-56, русск. перевод 2025 г.)

Итак: давайте практически осознаем, Храмы Грааля, то есть, классические романо-готические Тампли, обладают особой музыкой структуры, о которой так непросто пишет Шваллер де Любич в 3 главе упомянутой книги (в связи с Древнеегипетским Гнозисом). Когда оператор совершает Тройной Проход по Храму Грааля, он либо приобщается, либо, объединяется с этим конкретным Знанием, которое и есть особое звучание (настроение) конкретного древнего Храма (попутно отметим, что мастерство такого уровня утрачено и неоготические (как и неороманские) церкви хотя и внешне весьма похожи на свои исходники, тем не

менее, уже не обладают теми нюансами постижения меры и гармонии соотносимостей, посему, являют лишь внешнюю форму, хотя и красивую, но во многом, мёртвую).

Те семь (точнее, Семь) окон трёхнефного пространства, конечно, связаны с Планетами, а трансепт, в таком случае — Огдоада, или — Восьмое Небо.

Впрочем, приведём цитату:

«В христианской архитектуре базилику не следует смешивать с кафедральным собором, если последний понимать как «средоточие высшего учения». В Карнаке — сводный царский храм, в Луксоре — кафедральный собор Великого Учения. Более того, планировка этого храма в точности соответствует канону готического собора, за исключением того, что две башни заменены двумя пилонами.

Общий план кафедрального собора подчинён строгому канону. В него входят две башни, притвор и трёхнефное пространство с семью окнами, на стенах которого, как правило, размещаются изображения Крестного пути. Затем следует трансепт, а за ним — вход в собственно Святилище; все предыдущие пространства храма предназначены для прихожан.

Хор, отделённый от трансепта алтарной преградой, сам по себе разделён по чину совершаемого богослужения.

Алтарь служит местом приношения бескровной жертвы. Дарохранительница содержит Святые Дары, покоящиеся в ладье в форме серебряного полумесяца. В тех церквях, которым позволено совершать папскую мессу, епископская кафедра находится за алтарём, вне поля зрения прихожан.

Там он совершает Таинство — как в Святая Святых, подобно тому, как это происходит в православном обряде».

(Ук. соч.: стр. 40)

Однако, вернёмся к её вопросам…

Искусство, произведение искусства, никогда не равно само себе, дорогим и драгоценным материалам, искусным навыкам мастера (всё перечисленное важно, но не определяющее).

По-настоящему шедевр, течёт не из мира сего, его исток Вдохновение-не-здесь, реализационная сила не только технология… — словом, различные искусства и их шедевры — это реки и ручьи, но есть их единый исток.

Пожалуй, некое Волшебное Озеро, сокрытое в чаше почти непроходимых скал, ледников и хребтов, пролитое подземными невидимыми потоками, и только на большом расстоянии от средоточия, оные проявлены зримыми реками конкретных видов Искусства.

Озеро Истока — алхимия-герметизм; все лучи любых истинных шедевров Родиной своей имеют Философский Камень.

Конечно, подразумевается, что заинтересованный читатель, многократно изучит уже упомянутую книгу, но даже вырвав из одного контекста довольно загадочный отрывок и поместив его в другой, этот, мы можем ощутить привкус морозной крови на зеркале созвездий:

«(…) В этих условиях Масса — это не что иное, как Энергия Истока (Energy O), но в зафиксированном состоянии.

Она выступает как «первичная закваска» (ferment), как семя (seed) — препятствие (сопротивление) для активности. Поскольку изначальная активность — Абсолютна, препятствие не может быть таковым: оно лишь сумма сопротивлений.

Если бы Масса оказалась абсолютной, ей и соответствовал бы тот самый легендарный «философский камень».

Ведь семя — не более чем сопротивление, ограничивающее проявление активности Абстрактной Субстанции, которая благодаря этому и обретает форму. Семя, вмещающее в себе предел, рождает определённую форму. Абсолютное же препятствие — напротив, привело бы к универсальной форме, которая в конце концов вновь слилась бы со своей Причиной».

(Ук. соч.: стр. 70-71)

Исток Поэзии — Философский Камень.
Исток Искусств — Философский Камень.
Вдохновение — его музыка, текущая сквозь миры.

Раны от Рога Единорога не заживают. Три капли царской крови упали на девственный снег, они сложили динамику узора, иероглифа, коий выразил в архэ изначалия базовую меру Готики: сие узрел рыцарь в песках Палестины, а кармин падал в сокрытых долинах Гиндукуша…

Дхарма и Готический опус явили слияние такой энигмы, где тантрический Йидам и есть Храм, ибо просто так, человеческая форма не способна провести пневмы миров иных, необходим Агент, коий совершит операцию преображения и корректного выравнивания в резонанс таких кардинально отличных частот-

ных характеристик (человека и диаспоры Освобождённых Существ).

Можно с той или иной долей уверенности утверждать происхождение Готики от контакта рыцарей с суфиями, ассасинами, etc. в эпоху Крестовых Походов, можно найти и буддийский след… однако, видящий зрит и так: Храм есть Йидам. И это связано с Гермесом.

Напрямую.

И, что важно: нет ни малейшей связи такого рода утверждений с new age (это — категорично).

Итак: мера.

Ритм.

Музыка.

Созерцает некто, например, картину, шедевр ренессанса, допустим — часть Меленского диптиха Ж. Фуке, находящуюся в одном из музеев Антверпена.

И здесь всё определяет мера; она похожа на иностранный язык — в нём отличный от нашего словарь, а также, иная грамматика; разная мера, отличный ритм, другая музыка, подразумевают иные возможности гармонии и проявление, актуализацию, других тел (в том числе, в ансамбле человеческих и сквозь-человеческих, возможностей).

Есть вариант созерцать упомянутую Деву в контексте общей культуры, в мейнстриме той или иной, искусствоведческой школы; можно зрить внутри католической структуры и меры…

Можно получить эманационный удар от такого полотна и потом искать с чем же сопряжено чудо это…

И, конечно, есть более глубокая мера в такой картине: её возможно увидеть как правила формы и цвета, но они, конечно не эстетичны, а исходят из той Меры, которая есть Гнозис (например, Гнозис Гермеса).

Эрос направлен на то, что нравится, с этим возникает соединение; удовольствие закрепляет связь (фон страдания и смерти даёт наковальню для удара).

Так формируется судьба и через горизонты привычек, режимов работы ума, и через актуально стабильные настроения, и посредством степени связи всего со всем.

Другими словами: если особо не погружаться в меру картин, подобных Меленскому диптиху, то не будет и причины пробуждения подобной меры в человеке.

Всё это имеет прямейшее отношение к Империи Грааля, то есть — совокупности всех аутентичных искусств (которые, конечно, не совпадают с культурным горизонтом обыденных и научных подразумеваний).

Это по поводу, для чего ходить в музеи, созерцать полотна старых Мастеров и что обретаемо в древних Храмах…

Как минимум, иная судьба.

И, ещё: в данном контексте (как уже и так понятно проницательно интуитивному читателю) наших Рене, три — один указан; второй сопричастен Египту, но не тому, что в данном эссе; третий: скорее в контексте стоп-кадра формы и цвета, в своеобразном танце алкагеста по отношению к слову, которое во времени…

Отгадка этой энигмы подобна цветам, внезапно растущим из плотности серых камней.

Ренессанс обращается к Ордерной системе, особенно Вазари, при этом последний негативно определяет Готику как «варварский стиль».

Вот что пишет этот нехороший человек:

«В этих постройках, которых так много, что мир ими зачумлён, двери украшены колоннами тонкими и скрученными наподобие винта, которые никак не могут нести нагрузку, какой бы лёгкой она ни была. Точно так же на всех фасадах и других украшениях они водружали чёрт знает какие табернаклишки один на другой со столькими пирамидами, шпилями и листьями, что они не только устоять не могут, но кажется невероятным, чтобы они могли что-нибудь нести, и такой у них вид, будто они из бумаги, а не из камня или мрамора. И в работах этих устраивали они столько выступов, разрывов, консолей и завитушек, что лишали свои вещи всякой соразмерности, и часто, нагромождая одно на другое, они достигали такой высоты, что верх двери касался у них крыши. Манера эта была изобретена готами, ибо после того, как были разрушены древние постройки и войны погубили и архитекторов, то оставшиеся в живых стали строить в этой манере, выводя своды на стрельчатых арках и заполняя всю Италию чёрт знает какими сооружениями, а так как таких больше не строят, то и манера их вовсе вышла из употребления. Упаси боже любую страну от одной мысли о работах подобного рода, столь бесформенных по сравнению с красотой наших построек, что и не заслуживают того, чтобы говорить о них больше, чем сказано».

(«Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550))

Ордерная система Античности апеллирует к пропорциям вроде бы тела (на самом деле, особо оживлённых Статуй Богов, так мультиплицируя их присутствие в контексте операции Зеркал), выводя темперацию из ещё ряда акцентов, так формируя основные Ордера. Причём, она полихромна.

Ренессанс, на деле, конечно не один, есть вполне Готические варианты, либо, по крайней мере, не антагонистические Рыцарскому духу (коий, в известной на сейчас воинской среде максимально комплементарен Древнему Египту (а дополнительно пропорциональны некоторые, как это ни странно, Даосские Школы, в частности та, где «облачная энергия» в центре операций…)); но существует и анти-рыцарский ренессанс и он, конечно, проблемен, содержит в себе зёрна уже упадка барокко (которое, кстати, в описываемом контексте крайне редко возможно распознавать как Искусство, вытекающее из Озера Джихаути-Гермеса).

Некий глубинный ключ в связи с Витрувием, Ордерами и Готикой даёт опять же Шваллер де Любич в уже цитируемом опусе:

«(…) Нам, с другой стороны, известно: устойчивая и неизменная основа всё же существует. Причём проистекает она как раз из той самой натурфилософии, на которую указывает церемония Царского дара.

А раз Древние так тщательно оберегали тайну этого знания от непосвящённых, разумно спросить: «Почему?». В самом деле, если в самой Природе, вечно движущейся и изменчивой, возможно наличие неподвижной опоры — такой, какую, по преданию, искал Архимед, чтобы «сдвинуть Землю», — это означало бы, что всё в мире подчинено непреложной логике. И это, казалось бы, малое обстоятельство влекло бы за собой последствия поистине

огромные. Но при измерении человеческого тела приходится ограничиться пропорциями, выводимыми из заданного коэффициента. Ни человека, ни общество невозможно втиснуть в рамки теоретической модели. Все современные попытки задать некий «средний тип» — включая «нормотип» Виолы — вводят в заблуждение. Известное греческое «золотое сечение» — не более чем попытка упорядочивания, оторванная от живого знания. Египетская мудрость сознательно избегала подобных упрощений. Для архитектуры окончательный крах наступил с систематизацией, введённой Витрувием.

В Древнем Египте мера и пропорции подбирались в соответствии с назначением и символическим смыслом образа, который надлежало выразить. Длина локтя могла варьироваться: она зависела от места и от предназначения храма.

Мера различалась в зависимости от того, какой Нетер с ней соотносился: Гор или Осирис, первозданный или природный, преходящий принцип. Каждый локоть имел строго определённое значение и применялся лишь в тех условиях, в которых это значение сохраняло свою уместность».

(Ук. соч.: стр. 75)

Если эссенциально поразиться всем этим, некая интуитивная глубина, внезапно, вне дискурсивного размышления, некой вспышкой, может выдать озарение, почему Ритуал Тройного Прохода нет резона делать в барокковых церквях и даже, в большинстве ренессансных храмов, а также, какой критерий определения границ Архитектуры Грааля.

Вернёмся, однако, в Доломиты и в Татры, в Высокие Татры над одноимённой Ломницей.

Сии горы, без преувеличения, чудесны, ибо насыщены высокой концентрацией особого меркурия (пожалуй, Доломиты, всё-таки более богаты на Третью Материю, но в приложении к человеческой ситуации, не конкретно лабораторной, разница не так существенна).

Все эти горные массивы интересны и уникальны тем, что исключительно быстро скиталец переходит с уровня на уровень, реально попадая в иные, по отношению к соседним, этажом ниже, миры.

Так, идя из Ломницы, например, в Téry Hut, практически за день (не спеша, за два), проходишь уровень самого посёлка, Водопады, уровень Zamkovského chata, уровень Долины, далее — подъём с водопадом, каменный хаос, после — плато и там хата…

Из плена буйства Viriditas, от природной готики елей, постепенно воспаряешь в страну потоков, озёр и водопадов, которую грозно и без всяких сантиментов охраняют Драконы острых скал.

Вот подходим на горизонт чуть ниже того, где притаился среди камней домик Téry Hut, в каменный хаос, прямо при начале громоздится местный Страж — огромный валун, коий, без всяких сомнений, держит периметр сего особого очага жизни, этого уникального континуума, обладающего ритмом уникальной меры.

Дабы войти в резонанс с новой мерой (что подобно соответствию резьбы пробки и бутылки), останавливаемся (благо, на тропе мы сами, да парящий туман вдалеке, вблизи — диффузно рассеянный) и рецитируем Слова Нумена.

Как из ниоткуда, совсем рядом, с той стороны тропы, проявляется горный козлик. Он тихо и плавно возникает.

Висит.

Вообще никак не реагируя на нас. Во внутреннем видении мощный светильник Золотого Цветка зажигается появлением сей жизни живой. По крайней мере на этот момент, мера нашей группы и мера скального континуума сошлись, почему и загорелся знак.

Характерно и то, что через пару минут на тропу выходят классические туристы и туристочки, хотя козлик рядом щипает траву, они в упор его не замечают, так около десятка персонажей проходят мимо невидимого животного.

Если всё-таки вернуться к некоторым Даосским Школам, то в них Зодческой квинтэссенции Западных Линий (отсюда: Тамплиерство) соответствуют особые Воинские Искусства, основанные на мастерстве перемен в связи с облачной пневмой.

Более-менее обычные боевые искусства по даосским классификациям будут отнесены к Поздним Небесам, потому что они есть часть социальной машины (пусть и в разных изводах: спортивном, ментовском или военном). Для Поздних Небес характерен Квадрат и та или иная степень социальной фальши и лицемерия, как и разъёмы для входа штекеров кибернетики управления массами.

Поздние Небеса не обладают Осью Неба и Земли и потому в них нет звёздной онтологии.

Даосские воинские Искусства могут быть резонансны Искусствам Запада (сим рекам, вытекающим из Гермесова Озера) по параметру их сущностного ядра, кое основано на активации Ран-

них Небес и перевода (посредством особой Возгонки) в Тайные Небеса.

Последние, реализуя Дракона Триграммы, или — Живое Древо (оперативную триаду) наполняют их пульсацию переменами Эссенции, сопряжённой с У-син.

Воинское искусство должно соответствовать обстоятельствам времени и места, тем не менее, не теряя ядро Мастерства Тайных Небес.

В европейской Алхимии говорят что-то вроде: "Искусство опирается на Природу, Искусство, опираясь на Природу, превосходит её", — сие вполне корреспондирует пробуждению Ранних Небес и сотворению на основе их энергии каскадов Тайных Небес.

Ранее, боевые техники часто брали за основу более дальнюю дистанцию и применение меча.

Сейчас ситуация в корне изменилась и актуальны ближняя и сверхближняя дистанции в контексте внезапного применения ножа.

Это в корне меняет динамику и меру технической базы, которая широко распространена в множестве боевых искусств, находящихся внутри Поздних Небес. Вообще говоря, Поздние Небеса в контексте рукопашных умений всегда апеллируют к приёмам, их сериям и отдельным элементам, не рассматривая Движение в общем и не созерцая Вечное Возвращение кругов Тайных Небес…

Мера привычных боевых искусств Квадрата и воинского Искусства Тайного Круга в корне отлична: первые, пожалуй, никак

не объединить с любого рода алхимическими операциями, ибо их суть — спагирична, потому что сугубо утилитарна.

Это значит в том числе: не только из страха и жажды власти возможно практиковать искусство боя, но и как вхождение в Поток Вдохновения.

Оперативный набор современной проекции боевого искусства должен давать хотя бы какие-то шансы при внезапном нападении 3-4 противников, вооружённых ножами, дубинками и кастетами. Понятно, что шансов внутри такой формулы противостояния очень мало, но они должны быть.

С точки зрения каскадов техник важны результирующие (то есть, что считать адекватным финишем) и перехват атакующей инициативы.

Последнее достигается за счёт, при первой же возможности, поражающих атак в глаза, пах, горло, подсечек, выведений из равновесия, быстрых ломающих ударов в ноги, переломов пальцев, поражения горла и других способов, связанных воедино одним каскадом движения, без остановок (причём: именно бой-борьба наиболее адекватная формула, при мгновенном переходе от одного в другое и взаимопересечения техник).

Совокупности защит позволяют совершать основное действие — атаку, ибо никакой самозащиты быть не может, так как нападают сильные на слабых.

Техники финала либо направлены на переламывание шейных позвонков, либо — на раздавливание трахеи, ибо поразить одним ударом наповал сложно.

Более щадящая форма подразумевает нарушение функций опорной системы — то есть, переламывания костей, разрывы

суставных сумок и тому подобные техники (оптимально: в одном каскаде разрушать 2-3 опорно-двигательных звена, и это должно быть боевой привычкой).

Кстати говоря, замечено много кем, что именно активное воздействие на тело в режиме самых разнообразных интенсивных тренировок даёт быстрый и конкретный результат перемены личности. Не всегда и не всем, но, при направленной воле и трудолюбии, часто.

Дело в том, что из тройственной композиции (тело-пневма-ум; тело-душа-дух; etc.) именно тело наиболее конкретно и фиксировано, два остальных элемента транзитно эфемерны. Вульгарно сульфурный акцент такой соли ещё и обусловлен динамикой формирования личности в «пространстве шрамов души», то есть, на боли и в плотности.

Посему: в контексте анагоге, от тела как бы отстраняются, возвращаясь к оному лишь после фиксированной возгонки двух тонких в их соединении; в Магии, напротив, сразу укрепляют тело как фундамент…

Возможно ли решить эту Квадратуру Круга?

Быть может…

Наш Нетер — Священный Сфайрос и тайная фигура 26 Лучей (что и составляет суть Ба-Гуа) — так есть шанс соединить в Рыцарстве воинское искусство и путь Освобождения (хотя, если честно, шансы сии не особо велики).

Дабы понять, что значит здесь Нетер, как исток Меры, читатель может обратиться к уже упоминавшейся работе Шваллера…

Так что, вопрос, как, насколько интенсивно и в каком контексте тренироваться.

Приходим на хату Téry Hut: народу уйма. И млад, и стар, и дети, и молодые самочки приятной наружности, кого только нет.

Озёра рядом.

Сурово железные, как топоры, упавшие с неба, скалы вокруг — замечательно.

В добавок к этому празднику — семейство козликов в составе мамы, папы и двух детёнышей на почтительном, но видимом, расстоянии что-то своё делает. Все туристы восхищены сим и погружены в фотосессии.

Насмотревшись на это, неплохо отобедав, спонтанно решаем провести очередную небольшую тренировку в даосском воинском искусстве, но где сделать сие, не понятно, так как граждане тотально оккупировали окрестности, а нам не хочется на виду тренироваться.

Тем не менее, взяв ножи для занятия, идём куда-то и буквально сразу натыкаемся на козликов. Они подпускают довольно близко. Любуемся. Снимаем. Золотая радость взлетает цветами искренней признательности, вверх.

Козлики идут куда-то, мы за ними. Постепенно они спускаются к водопаду, в сторону от тропы, и люди всё более пропадают из виду. Наконец, все мы (нас шестеро и мама (или, папа) с козлёнком) оказываемся на некой полочке, прямо у начала водопада, тропа и туристы перекрыты склоном, пару метров — и вид на всю долину и даже ближние посёлки.

Далее, вообще странно: пользуясь тем, что нас никто не видит, мы, под аккомпанемент шумящей воды, тренируемся около получаса, а буквально в четырёх-пяти метрах от нас, преспокойно

едят траву козлик и его родитель. Время от времени и мы на них, и они на нас, с интересом поглядываем, нас же не видит никто.

Ощущение всецелой сказки не сходит с наших глаз, похоже на то, что и животным хорошо рядом. Так, пусть всего минут на тридцать, но проявляется почти Земной Рай: блаженные люди, счастливые животные рядом и без страха, вокруг — восхитительная красота.

Видимо, наш вход в Меру измерения путём Ритуала, во время коего проявился козлик (см. выше), продолжился этим сказочным свиданием и отличным занятием на фоне природы и в дружеском соседстве с жизнью живой…

Дефицит пространства называется адом…

А лёгкость убранства?

Так или иначе, но хата Téry Hut довольно грязная, скорее даже пневматически. Еда здесь стала хуже, но самая главная проблема — теснота при множестве людей. Всё сделано как машина выжимки денег, потому, спальные места максимально уплотнены.

Евросоюзным персонажам, при всем ихнем потребительском индивидуализме такой экстра коллективизм вроде как и по вкусу, впрочем, многие факторы давно указывают на противоречивость и сложность человеческой композиции.

Вспоминаются события и войны, и карантина… люди-как-масса в который раз показали себя рабами. Впрочем, не зря пытались перевести проекцию Первоматерии на социум («капитал», «народные массы»): конечно, Первоматерией всё это не стало, как и не произошло обретение «царства Камня», но угнетать и манипулировать научились намного лучше.

Говоря о боевом искусстве, следует различать как минимум две линии: Гермеса и Ареса.

Линия Ареса подразумевает волю, скорость и силу, что-то вроде кёкусинкай-карате, годзю-рю, муай-тай, даже ММА… словом, такая манера распознаваема практически всеми так как усилия прилагаются открыто и прямо.

Линия Гермеса похожа на фокусы, даже хороший мастер воинского искусства Ареса зачастую не распознаёт суть оной, ему кажется, всё нереальным, игрой в поддавки. То есть: применяется ловкость, мастерство смены линий усилий, подвижная манера работы…

С Téry Hut выходим пораньше, чем быстрее, но плавно избегая контакта с большой массой туристов. Завтрак был так себе, но невероятная яростная красота природы сразу отсекает всё слишком человеческое. Холодный ветер пробирает до костей. Идём на перевал Sedielko. Где-то на полдороге туда снова встречаем козликов: нас шестеро, и их столько же, причём двое — детки.

Как только появляются зверята и так замечательная природа мгновенно окрашивается золотым фонтаном одноимённой Розы.

Делаем привал у озера. Поём канты. Пришедших козлят угощаем солью, чему они более чем рады.

Идём далее…

Вверх и за край.

Опять перелетим в Доломиты, в самый центр Южного Тироля, в Сан-Кандидо, к одноимённому Храму.

Всё-таки, пожалуй, святыня сия, подобно сияющему копью, объявляет центр Доломитового пилигримажа, — картины Брешии и Виченцы окружают оное кругом, внутри — триада: города О., Т. и, собственно, Доломиты.

Незримо всё время подразумеваются латы Северной Италии, кстати говоря, слово «облачаться» соотносимо и с «облаком» и с «латами» — потому: как нельзя лучше нам подходит.

Романский аутентичный рычащий синей Истиной Храм Сан-Кандидо, сам даёт прямое ощущение доспехов.

Это — классический крест нефа и трансепта, однако, манера сотворения более чем реликтовая, потому, здесь континуум сразу диктует модальность алкагеста: смотреть особо не на что, тут следует ощущать.

Может даже и так: Тампль ничего вообще не объясняет, не сообщает, он как-то невидимо эманирует некие модальности, причём, прямо пронзая тело в душу и там сбрасывая усилие серой звезды; все составы и их связь человека, пришедшего сюда (правда, при условии его открытой чувствительности и своеобразной компетенции), реагируют. Отвечают. И, поскольку воздействие необычайно сильно, ответ будет соответствующим. Это может быть что угодно, однако, безусловно, здесь нет произвольности и создатели точно знали что именно делают. Так сей Храм может возжечь некий Светильник.

Сердца.

Главное: не концептуализировать.

Далее: уже возможно несколькими летящими штрихами обратить внимание скитальцев на структуру и некоторые артефакты этой Святыни.

Храм Сан-Кандидо один из немногих у которого продольная ось пространства апсиды смещена относительно оной в нефе: некоторые, считают, что в память о склонённой главе Христа.

Так называемая, «сломанная ось», Achsknick:

«Я позволил себе обратиться к готической традиции. В ней архитектурная схема собора соотносится с символом Креста, а апсида порой намеренно отклоняется — в память о склоненной голове Распятого. Отсюда и возникла мысль: странную деформацию композиции храма в Луксоре можно понять, если увидеть в его основании очертания человеческой фигуры».

(Шваллер де Любич
«Храм в человеке: Тайны Древнего Египта», стр. 38)

А вот про сей фактор из наших книг:

«Неф и хоры противостоят по принципу Квадратуры Круга, причём, как правило, хоры относятся к Небесной Сфере, а неф — к Квадрату Земли: всё это находит своё разрешение в Achsknick, то есть в неровной, «сломанной», оси Тампля (точка изгиба находится в Триумфальных Вратах, где неф и хоры соединяются). Это не просто концептуальная идея: расчёт срединной оси связан с конкретными ритуалами закладки Храма, относительно кардинальных точек Трона Солнца: кривизна возникает как результат того, что сии операции делались отдельно для нефа и хоров. Получается, изгиб оси становится как бы временной сигнатурой, отражающей тонкие диспозиции святыни к звёздным аспектам, а также — к особым праздничным дням манифестации Гнозиса тех или иных Святых. Тридентский Собор отменил правило такого

рода операций и Храмы стали строить проще, без соответствующих геометрических резонансов потокам Времени и модуляциям Парусии… Конечно, не только принцип Achsknick применялся в построении алхимических ванн средневековых Тамплей, многие были ориентированы целостно, выстраивая сооружение по той, или иной единой оси.

Видимо, на выбор способа организации композиции, влияло довольно много факторов: и настроение духов-держателей места, и целевая эгида конкретной святыни, и — специфика будущих прихожан…».

«И всё же пока речь идёт лишь о физическом аспекте реакции. В области сознания внутренняя реальность человека пробуждается в ответ на грубый, конкретный факт. То, что сокрыто в нас, определяется уровнем сознания или интеллектуальной зрелости. Мы отзываемся в той мере, которая нам по силам. И только этот отклик становится для нас фактической реальностью. Напротив, мысль, навязанная извне, остаётся внешней: она проникает не глубже, чем в память.

Лишь то, что мы по-настоящему пережили (можно сказать, «выстрадали»), впитывается в нашу сущность и способно изменить врождённое сознание. Это рассуждение можно выразить в общем виде: мы осознаём, то есть умеем распознать вещь или идею, только через сравнение. А крайним пределом всякого сравнения для Сущего (Бытия) выступает Несущее (Небытие). Вещь существует для нас лишь потому, что в конечном итоге может не существовать. Присутствие подвержено изменениям, тогда как отсутствие — Небытие — неизменно. И всё же именно этот «абсурдный» ход мыслей лежит в основании любой философии

Единства, то есть «Бога». В этом Небытии Природы, которое включает в себя всё, что есть, содержится, словно семя, всё, что может быть».

(Ук. соч.: стр. 135)

В определённом угле рассмотрения можно снова вернуться к боевым искусствам «облачного даосского Ключа»: там есть тема того, что истинная техника (Тайные Небеса) рождается на основе активированных Ранних Небес, а обычные техники рукопашного боя — есть наработанные рефлексы Поздних Небес.

Поясним на примере.

Допустим, обучают кого-то противодействию рассечению сонной артерии рубяще-режущим ударом ножа.

В случае Поздних Небес, заставят освоить какую-то базу безоружного боя, ножевых техник и потом дадут несколько оптимальных способов отражения, плюс — учебные бои на тему. Это — в лучшем варианте.

В облачном подходе сначала активируют Ранние Небеса путём десятков интуитивных упражнений, где облучаемого заставят разнообразно двигаться, но сводя задачи, пусть и широко, к контексту обозначенного способа атаки: ученик должен будет, под давлением ряда стрессоров и в привлечении стимулов, естественно, почти инстинктивно, раздвигаться, научиться правильно не бояться и, одновременно, своеобразно опасаться, острого клинка, а также, освоить самое разнообразное обращение с ножами различных видов. При этом, ещё неплохо параллельно обучаться, пока что интуитивно отыскивая решения, ряду техник

противодействия удушающим захватам кистями-пальцами за шею-горло, а также, ударам туда руками и предметами…

В качестве примера, людям с меньшими способностями дадут несколько техник Поздних Небес, то есть, конкретных приёмов…

… в определённом угле рассмотрения, Ранние Небеса — это состояние животного, Поздние — социально деформированного под управление, человека-нормы, в том числе затраханного всякого рода конфуцианскими технологиями.

Животное почти всегда нас поражает некой своей настоящностью, причём, козлик, например, в зоопарке и в горах, у себя дома, излучает различную силу состояния; секрет столь массовой любви к домашним животным тоже где-то здесь — Ранние Небеса дают свежую и сильную энергию, словно горит мощный светильник.

Волк или тигр в цирке, в принципе, наиболее жалок: так демиургия демонстрирует изнасилование Ранних Небес дрессурой и насильственно-манипулятивное впихивание зверька в Поздние Небеса, — такая себе големизация; современная охота с огнестрелом на обитателей леса, исключительно часто — импотентная компенсация тех, кто намертво вбит в лицемерие и бессилие Поздних Небес, путём якобы торжества над Ранними, с помощью техники, то есть, оружия, убивающего выстрелом издалека; здесь же «торжество над природой» и покорение её без учёта балансов и равновесий экосистемы (вплоть до того, что Дракон Тэхнэ есть своеобразная претензия напряжений Поздних Небес на всевластие).

Мастерство облачного даосизма основано на отказе от Поздних Небес, активации Ранних и на их основе, но в контексте существенной их переплавки (суть: Триграммы «Огонь» и «Вода»

поменяны местами, это — ключ), — переходе к Тайным Небесам Ба-Гуа; «Искусство опирается на Природу; Искусство, опираясь на Природу, превосходит Природу»…

… неканоническая интуитивная работа (оживление Ранних Небес) в нашем примере пробуждает ряд спавших ранее и подавленных социальной дрессурой, энергий, — когда сие произошло, ученику даются более конкретные подсказки, как именно, на основе уже открытого, лучше делать те или иные боевые техники — так посредством полуканона он постепенно вводится в чертоги Тайных Небес.

И, наконец, даются аутентичные облачные техники, всецело пронизанные Мудростью Тайных Небес, и они уже ладно ложатся на готовую почву…

…Животное потому содержит в себе особую силу, что оно прямо связано с даймоном-нетером своего вида и потому, например, почти любой кот или собачка, резонансно проводят силу энергии Великого Кота и Пса, соответственно.

Даймон-нетер человека — нечеловечен, он божественен. Однако, именно потому крайне мало людей, которые хотя бы както, в оперативной полноте, транслируют реализацию Великого Человека, хотя, как уже понятно, такого нет, а есть — Божество…

Именно в данном плане, человек стоит намного ниже любой змейки или мышки, любого животного, — у него крайне мало конкретно проявленной силы видовой Меры, другими словами, человек — почти полуфабрикат и только путь в божественную сверхчеловечность реализует его Нетер (даймон-нетер человека выше любого из семи Планетарных даймонов: потому, он и может не поддаваться ни страстям, ни специфически ограниченным режимам работы ума, характерным для узко специфици-

рованного гороскопического фатума; потому и возможен Путь Освобождения, а для животных — нет).

Отсюда: пантеон Древнего Египта териоморфен, ибо так лучи Единого более сульфурно чисты и интенсивны; потому, так важен Бестиарий во всех древних культурах; в этом — секреты «тотемизма»…

Если читатель даст себе опыт своеобразно прожить различные переводы «Дао дэ цзина», «Вэнь-цзы, или — познания тайн», а также, многократно сожжёт в атаноре ума книгу Матжиои «Метафизический Путь», плюс, вдруг повезёт найти, прочитать и постичь серию книг «облачного даосизма», — он распознает, что просто так реальное Учение структур Трёх Небес Восьми Триграмм никто не даст, ибо, большинство его не знают, а также, сие категорически не выгодно любым властям, ибо познание этого дарует реальные ключи к оперативной реализации больших степеней Свободы.

Практически везде изложены лишь две системы Триграмм — Ранних и Поздних Небес, о Тайных исключительно мало упоминаний; кроме того, даже две широкоозвученные структуры даны в режиме «мёртвой воды», с ними практически ничего нельзя сделать, кроме как заниматься «пустым звоном слов» по теме.

Аналогичным образом обстоит ситуация с Таро…

Отметим: даосских Школ — сотни, их воззрения могут отличаться до наоборот. Здесь речь лишь об одной из них, которую мы закодировали как «облачную».

В соответствии с правилами Золотой Игры Дао, дадим некую цитату, но без прямого указания её истока:

«В первый раз клан раскололся в очень глубокой древности.

Часть клана ушла в Египет, другая часть направилась в Индию.

Неизвестно, что произошло с египетской ветвью клана, но существует легенда, что после того, как воссоединятся обе ветви — египетская и индо-китайская, тайное знание этой Школы станет полным и принесёт человечеству огромную пользу».

Что ж, египетская Ветвь обнаружена… кому это нужно, найдут и поймут.

Пока что, некий оперативный ключ.

Итак: Облачная Школа.

Четыре Неживых при равновесии порождают Жизненность 1-го уровня, Дерево (шире: растительность). Понятно, что Четыре, здесь: Огонь, Воздух, Вода и Земля.

Возгонка — само на себя, Дерево во второй степени — это Животное.

Древо в кубе — Человек.

Первый уровень совершенствования, Дерево в 4-й степени: Человек-Дерево.

5-я Степень — Человек-Дракон.

Шестая: Даос, реализовавший определённую Формулу Бессмертия…

Человек ли Даос?

Западная, читай, Египетская, Традиция:

- минералы и металлы — живые…
- растение — второй уровень…
- животное — третий…

- человек — четвёртый…

- Нумен (условно, в христианской опции, Ангел), или — даймон (в т. ч. Нетер) — Пятый…

Быть может: почему дошёл именно Канон Лабораторной Алхимии?!

Там обнаруживается Тайный Огонь, в первом уровне, — но, чтобы реализовать уверенно Вторую (да и Первую) Работу, оператор, должен уже проявить божественные качества, обнажить Нетер, то есть, призвать Нумен на трон своей души… так, Уроборос реализуется — металл-минерал — Нумен…

Обратим внимание: в облачном Дао, минерал-металл не считается изначалием Жизни, речь о даймонах прямо не идёт, — в этом отличие рассмотрения вопроса Первоматерии…

Кроме того, обратим внимание. Дабы защититься от атак даймонов инферно, порою, жёсткий материализм лучше невнятного медиумизма, — не исключено, что именно поэтому речь о даймонах в облачной Школе и не идёт…

Говоря о «Египетской ветви», снова процитируем Шваллера де Любича:

«(…) Дело в том, что только воображаемые линии — например, ось тела, вращающегося вокруг себя, или диаметр кривой — можно воспринимать как прямые. Всё остальное во Вселенной, где всё подчинено Движению, неизбежно искривлено.

Египтяне оставались верны философской установке разума. Мера для них — не просто инструмент учёта, а выражение самого

Знания. Она обладала универсальным смыслом, соединяла земное с небесным — через жизненные соответствия (vital equivalences)».

(Ук. соч.: стр. 72)

И, если вдруг где-то найдёте «Книгу Форм», внимательно прочитайте, описанную в ней теорию движения-позы, — быть может, поразитесь ряду практически прямых, совпадений…

Впрочем, всё это удел тех, кто не слишком зажат и напряжён на «поиске пользы» и кто просто и прямо, тотально, «любит Наше Искусство», — подавляющее большинство сей материал никак не заинтересует, кроме того, дабы всё это различать уже следует жить в определённом субтильном блаженстве…

Много ли таких?

Ответ очевиден.

(Всё-таки, небольшое разъяснение. Тайные Небеса совпадают с Ранними центральной осью: там и там Небо вверху и Земля внизу. Однако, у Тайных Небес базовый Крест Неба-Земли, Огня и Воды, не такой, как у Ранних Небес, хотя и у них из этих же элементов Крест: у Тайных, относительно Ранних, поменяны местами Огонь и Вода и сие — ключ, ибо когда Огонь и Вода горизонтально встречаются на оси Неба и Земли, они порождают Облако, чего нет в Ранних…

Промежуточные Триграммы диагонального Креста (Озеро, Ветер, Гром, Гора) жёстко не закреплены в Тайных Небесах, — они могут быть на любой из позиций своего Креста…

Вода слева в Тайных Небесах, она как бы остужает физическое сердце, которое, как известно чаще всего слева…)

Раз уж упомянули Таро, дадим взгляд на оное с некой оперативной позиции:

««Первый вход в Таро»

Система Таро представляет собой Формулу 1+21+56…

Самый главный Аркан — это Нулевой Аркан, или Аркан без номера, "Безумец".

Если он не открыт, всё остальное Таро будет лишь пустым звоном слов и шелестом мёртвой бумаги.

Человек, проживая жизнь, проходит через множество состояний. Но практически все эти состояния транзитны. Лишь шокирующие, трагические, а иногда, наоборот, очень счастливые, блаженные состояния как-то закрепляются и оказывают влияние на его судьбу. Но, как правило, даже этого не происходит. Вся жизнь просто смывается водами времени, водами предстоящего небытия и просто рассеивается в мирской суете и в поле тревожных забот…

Таро — о том, что сначала открывается базовое состояние — состояние Открытых Врат.

Это Аркан "Безумец".

Его главный смысл состоит в открытии такого созерцания, где оперативностью поля осознания (более традиционно: оператив-

ностью души) становится само поле ума (ум созерцается как бы насквозь и однородно) с точки зрения пространства, — а не доминантное звучание наличия тех или иных форм и значений, находящихся внутри этого пространства…

(тривиальный человек видит лишь содержание ума, причём, не осознавая это так, а априори воспринимая сей обусловленный виртуал реальностью, то есть, он полностью обусловлен программами и спецификами привычных режимов работы ума, не видит иллюзорности любых фигур и концепций…)

Когда такое происходит, все формы и значения начинают наблюдаться и ощущаться как иллюзорные, прозрачные, эфемерные, проницаемые, всё более освобождаемые от любых детерминаций и жёстких предопределённостей; при этом ясность лишь возрастает и потому всё более чётко распознаются причинно-следственные связи, причём, с мерой роста мастерства, такое распознавание становится всё более безусильным и быстрым, в идеале, становясь мгновенным и самопроявленным…

Это выход за пределы любого жёсткого диктата формы, выход за пределы любых формных доминант, определений — социальных, культурных, личных, анаграфических…

По сути, это трансцендентный авантюризм…

"Безумец" выводит за рабство диктата утилитарной полезности (читай: корыстного отношения к бытию) и посвящения сему фактору всей своей активности; он резко распахивает бесконечность пространства Истинного Воображения, в котором всегда есть и место и энергия проявлению чего угодно, что недоступно тем, кто занят лишь «полезной деятельностью».

"Безумец" всё более освобождает оператора от мирских забот и треволнений, от тревоги, подводя ко всё более уточняемому состоянию андрогинной нейтральности, из гармоники облака коего в любой момент, по необходимости, может ударить молния.

Пространство данного Аркана есть энергийно насыщенная удовлетворённость, причём, всё более проявляется аспект возникновения Нечто из Ничто, спонтанно аутентичной активности из однородного поля прозрачного покоя; всё менее необходима воля-как-усилие, так как она всегда порабощена Временем…

"Безумец" знаменует этап открытия и фоновой активности интуиции, тинктурированной эманацией Нумена…

Этот Аркан, "Безумец", должен быть открыт постоянно. По сути, в нём необходимо жить. Только тогда можно открывать остальные двадцать один Аркан, а затем уже и младшие пятьдесят шесть Арканов.

Итак, как только этот Аркан открыт, а это подвиг, на который большинство людей никогда не пойдут (!), поскольку для этого требуется серьёзная духовная смелость, становится возможным вход внутрь круга двадцати одного Аркана.

Этот круг представляет собой своеобразный каталог облачных состояний, которые либо специально индуцируются, либо узнаются в обычной жизни, после чего особым образом проживаются и закрепляются.

Открытие каждого Аркана подразумевает как минимум две фазы.

Первая — это меркуриальная активация, однако она неустойчива. Она быстро сдувается, смывается. Собственно, у обычных людей в жизни иногда происходят такие меркуриальные порывы — приход глубоких и интересных состояний, — но они не способны их зафиксировать. А поскольку эти состояния не фиксируются, они почти ни на что не влияют.

Итак, сначала состояние нужно либо индуцировать, либо распознать.

Индуцировать — значит создать условия, в которых проявится определённое состояние, определённое переживание. Это может быть внешнее действие, событийная ситуация или ритуал. Если же речь идёт о распознавании, то сама жизнь — через какую-либо перемену или событие — ставит человека перед лицом такого состояния.

Это меркуриальный аспект. Но если он существует сам по себе, то рано или поздно уйдёт, причём довольно быстро, оставив минимум следов и оказав минимальное влияние на судьбу человека, на её перемену в контексте Пути Освобождения.

Поэтому необходим сульфурный аспект, то есть огненная фиксация.

Некий Пламенный Гвоздь. Такой опыт должен быть закреплён, должен остаться, а затем — мультиплицирован, то есть распространён на всю остальную жизнь (параллельно, он находится в постоянных реитерациях Операции Очищения). Именно таким образом происходит его реальное воплощение. Это уже можно считать Солью…

Двадцать один Аркан представляет собой своеобразный облачный каталог Рыцарского Достоинства, поскольку сама Передача Таро является Рыцарской (в том числе).

Проживая все эти двадцать один Аркан — друг сквозь друга, одновременно, по отдельности, в самых разных сочетаниях, а также отдавая себе отчёт в арифмологическом пифагорейском коде каждого Аркана (номер), — человек, по сути, собирает определённое Достоинство.

В принципе, проживание двадцати одного Аркана есть не что иное, как проживание самого Аркана "Безумец", но уже в его детальных аспектах. Невозможно проживать остальные Арканы вне активированного "Безумца". Это вход во всю систему.

Если "Безумец" не активирован, открыть какой-либо Аркан невозможно.

На определённом этапе, когда человек прожил таким образом достаточно долгое время — скорее всего, не менее семи-двадцати лет (в уникальных случаях, всё может происходить значительно быстрее), — Таро становится им, а он становится Таро.

После этого восходит крест Младших Арканов, хотя его можно начинать подключать параллельно уже через несколько лет такой жизни, становится тем, что связывает оперативность с жестами стихий. Четыре масти младших арканов — это, по сути, четыре стихии.

Таким образом, постоянно находясь в качестве, которое всё ближе к объёму Квинтэссенции, который представляют сфера

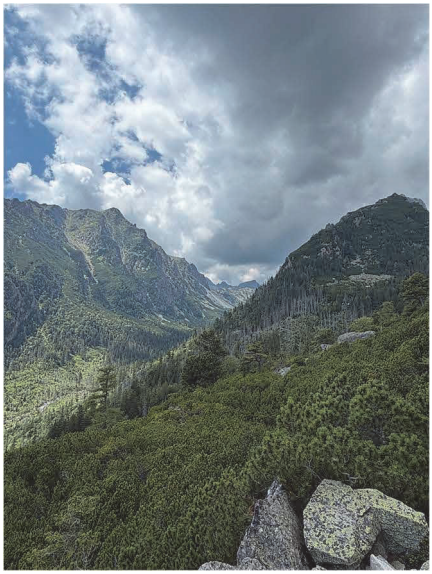
"Безумца" и круг двадцати одного Аркана, оператор приходит к тому, что Младшие Арканы становятся формой мультипликации и дальнейшей тотализации, объединяющей всё Знание и всё Достоинство, обретённые через проживание двадцати одного Аркана и "Безумца", с повседневной жизнью и всем бытовым полем в любых режимах всевозможных перемен».

Памятуя про начатую тему Сан-Кандидо, пока что, придя на кладбище Зелёного Огня, уютно расположенное вокруг упомянутого Тампля, разложим полуобгоревшие листы с трактатами о Таро и Облачном даосизме, распахнуто глянем в небесную необъятность оставив на полувдохе всё как есть…

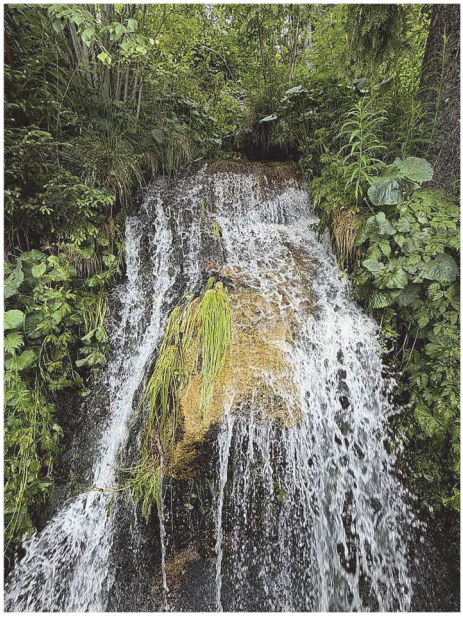

DEIPARÆ VIRGINIS IMAGINEM HANC CONSVLES E TENEBRIS AC SITV ERVTAM CONSPICVO IN LOCO POSVERE.
VT IN POSTERVM TAM OCVLIS QVAM ANIMIS PIORVM ILLVCESCAT M.D.IIIIC.

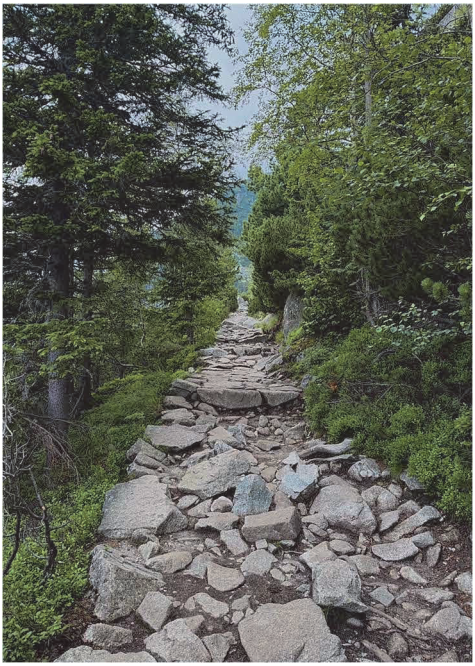

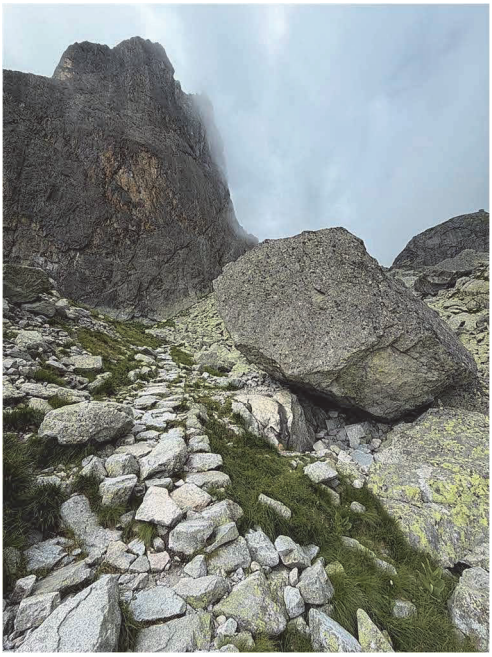

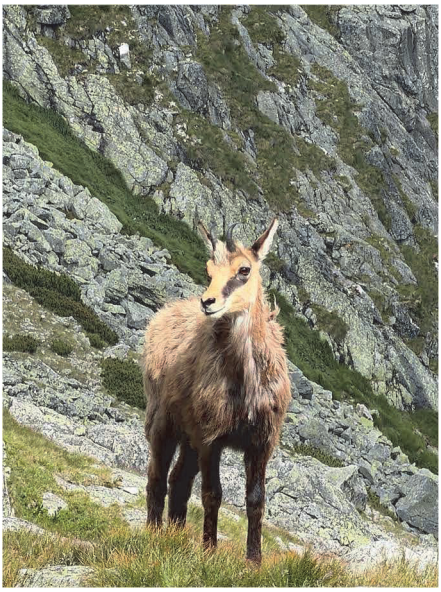

ECCE AGNUS DEI
ECCE QUI TOLLIT PECCATA

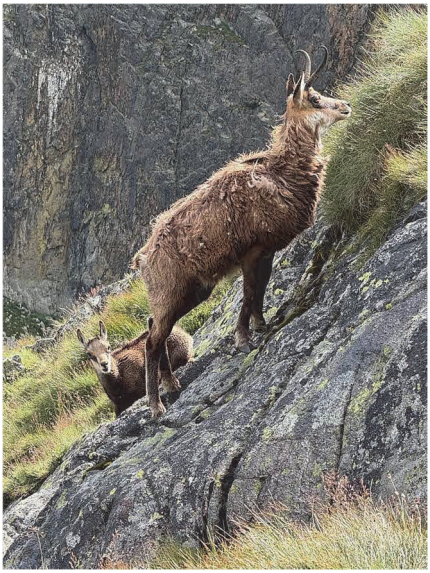

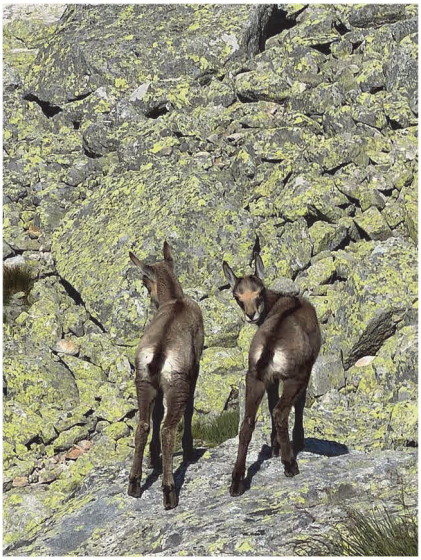

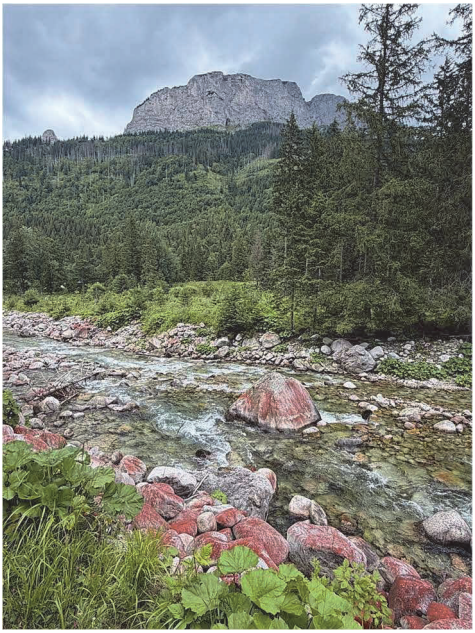

2:3-7:
ТАТРАНСКИЙ ХОД К ВЕНСКОМУ МЫШОНКУ И ЕГО ЕГИПТУ…

Это была очень насыщенная поездка…

Придётся начертать очень насыщенный текст.

Впрочем: за изрядностью фигур, насквозь их поле, всегда одна и та же пустотность.

Это как мышонок, ищущий у венского паба в знойный день немного воды.

Это как холщовый мешок, могущий вместить мириады вещичек…

Братислава, Топольчаны, поход в Татры, невероятно высокая температура, выше 35°C, Вена, где вообще доходило до +39°C…

Высокие Татры, напротив, погрузили в ванну ноября… на один из перевалов восходили под аккомпанемент грозы, града и кинжальных порывов ветра…

Разные люди, разные судьбы… новый накат агрессии среды и цивилизации на фоне великолепных горных пейзажей.

Сбор в некоем домике под стяг Вечного Сентября, более чем интенсивная передача Знаний и техник: … их интерес, отвлечение, восхищение и тусовка.

Страх за тело.

Оперативный фрейдизм с ними (и со всеми вами) всё более делает так, что не замечают, не ведают, — наведённые желания, порождённые жаждой и страхом, воспринимают как свои.

Родные.

Родненькие.

Потому и бьются за них, о них и тупеют.

Синкопа хромоты: Тинктура жжёт глину гнёта, поток гудит, он может распознаваться страшным напряжением, но (!), убери оный и вместо слёзок пойдут кровь, гной и холодная тяжёлая лимфа.

Лимфа сия, удушая, утянет в болота уныния и небытия.

Забвения.

Вес и тяжесть, боль, страх, приспособляемость, вспышки раздражения, плавный ток пения Тамплиерских кантов, внезапная радуга после шквала…

Коллектив, масса — масса инерционна.

Глина ли тесто?

И замес его на крови. Люди боятся. Регулярно. Тотально. Постоянно. Страх ставит на колени.

Все обустраиваются и приспосабливаются, ищут статус кво, либо — пассионарно портят жизнь и себе, и другим.

Впрочем: порою нечто проходит защиты, как если бы резко бросить дорогой айфон, мол «лови!» — и он таки ловит, в сей момент есть некая открытость и возможно совершить Проекцию…

Иначе, оная, воспринимается напряжением, ибо таки проламывает инертные составы пострадавших.

Впрочем: волшебный путь открыла Олениха, коя просто вот так вышла под балкон в Ломнице, потом — были козлята, там, в

горной стране, позже — величественный Олень и детки вида сего; наконец, в Вене, подле паба, кормили и поили мышонка — он пришёл к посетителям, а барменша, став на колени, аккуратно давала ему в сей жаркий вечер избыточного огня, воду, кусочек сыра был для него великоват, впрочем, подкрепившись и попив, мышонок таки пытался утащить его в свой Египет.

В Топольчанах, как-то гуляли поздним вечером, не находя свежести предрадости ночи, узрели мы птицу.

Мёртвую.

Её убил жар.

…Доломиты: пилигримаж был объят полотнами ренессанса, расцвечен диффузно присутствующим алхимическим духом городов О. и Т., пронзён копьями Тинктуры нескольких древних Храмов… и, конечно, тёк в особых Драконьих Горах.

С озёрами волшебными.

Здесь, в Татрах, вошли мы по бестиарной любви (причём Апулей врата открыл, а книга Шваллера де Любича вывела на плато), эссенциировалось всё сквозь Перевал Огня (летние сборы Ордена) в Вене, в музее искусств, где вкушён был особый вкус Египта Древнего… а мышонок у паба дал главную интонировку.

Вот то огромное напряжение, которое гудит внутри нас, мучает нас, по сути — сила Любви, которая не распознана и скована всенепременными диадами в любых взаимодействиях, — так райский свет актуализирован как адский огонь… путь изменения данного ужасающего порабощения — тончайшее Гермесово Пламя, триангулированное особо и потому — Эликсир.

Оно лечит раны.

Оно мгновенно превращает, например, меч, оружие убийства и собственной защиты, в символ Тайного Огня…

Странное дело: в первый день венского пребывания, как-то тошнило — то ли пневматически, то ли — от еды, а может и от жары. Допускаю также, что причиной состояния сего была модуляция «скованной любви» у кое-кого из окрестных близких.

Чувство это то накатывало, то слабело.

Континуум ренессансных полотен: что-то тронуло, нечто — обнаружено, но волны тошноты вокруг.

И вот, сквозь Античность, подвиснув у Стеллы Митры, вобрав хрустальную воду от статуи Изиды (по мотивам недавно прочитанного Апулея), иду в Египет.

Сначала, ничего особенного не происходит.

Через минут десять произвольных блужданий начинаю тщательно фотографировать различные элементы экспозиции для чего прижимаю камеру вплотную к стеклу, дабы не было бликов. Вдруг, понемногу так, проступает некий особый вкус…

… его очень сложно передать словами — он захватывает тотально, ощущается телесно, являя поле некоего эликсира — он и тёплый, и холодный одновременно, самое главное — странно плавно-размеренный. Ритм понижается, уходит окалина недомогания, становится так, будто реет Синий, Ультрамариновый, Стяг: размеренно, сквозь всё и всегда, без ноши и без неудовлетворённости.

Осознаю: это и есть дух Древнего Египта.

Начинаю распознавать сие в ритме форм, в конгломерате цветов, в общем поле ритма, что и есть, пожалуй, Маат, — мгновенно понимаю это как бы из ниоткуда.

Вкус Маат.

Венский музей истории искусств, по-своему, уникальный: здесь хорошо структурированы, помещённые в контекст дворца искусств, Египетская Коллекция, Античность, Кунсткамера, Нумизматический кабинет и, конечно же, изрядная экспозиция Ренессанса.

Дух Гермеса пронизывает сей вокзал эпох и искусств.

Так же приятно устойчивое присутствие Меркурия в континууме различных вокзалов, особенно, аэропортов.

До некоего времени, вообще не летал на самолётах, как и не покидал границ бывшего СССР, но пришло время и вот уже десять лет — множество стран, сотни перелётов…

Аэропорт торжественен и безжалостен (как операционная), он шелестяще нем, тих и дюралево лёгок. Конечно, это само средоточие техногенности, но странным образом оно, порою, даёт ссылку на легчайшие миры в сем почти совпадая с посылом Романского зодчества.

Гуляя по экспозициям венского музея истории искусств, восторгаясь и вдохновляясь, что-то игнорируя, так или иначе, рано или поздно, устаёшь.

И вот тогда самое время в буфет: перекусить, выпить воды и шампанского. После — снова ходить, созерцать и устать.

Только сейчас, быть может, музейный странник наконец готов к Египту, — пойти туда. Смотреть панорамно и, напротив, наводя мелкоскоп на мельчайшие детали, плавать наблюдением, порою, прыгая по наитию в новый объект…

Главное — не концептуализировать. Непосредственно вбирать и — быть может ничего не произойдёт…

А может и случится Вкус Маат.

Взойдёт.

Восходит…

Вообще говоря, Вена — город Золотой и в этом плане сразу приходит вкус присутствия Толедо…

Рестораны, кафе, музеи и несколько Храмов (церквей здесь, конечно, изрядно, но это неважно) — как раз и сотворяют эффект «золотой витрины». Последний град в цикле Аахен-Прага-Вена не так и давно обрёл своего медиума-глашатая, — Густава Климта, пусть и превращённого барыгами в конце концов в бренд, симулякр самого себя, однако, — не в опере венской венчались бродяги, посему, для них Климт — не многократно задёрганный и монетизированный «Поцелуй», а Зеркало Расплава, пусть и смещённое в спектре от срединных врат чуть более к Розе Золотой.

Она пришита имперским занудством соответствующего классицизма к стене бункера, а баухаус в поэтике ядерной войны пахнет великолепными круассанами, вкушать которые мы завели более чем приятную привычку.

Излом стресса, веков и событий, деньги, нормативно (здесь) всё более насыщаемые проблемностью и беспокойством, время, отнимаемое злыми демиургами, тотальное насилие церебраль-

ных деформаций (кои так легко смоет посмертие) — всё это неизбежно привело к мышонку у паба: кто заметил и улыбнулся — пройдёт далее, к отличному пиву, круассанам, вину, шницелю, кофе… ведь аскеты, не любящие всё это, как правило злые люди.

Злым людям без толку ходить в музеи, им место лишь в опере, где барокковые истерики облегчат пресс их прибитой диадами, любви, запустив истерику бильярда беспокойства, страстей и забот.

…Ломница. Спуск от Скальнатого Плеса. Сначала, кажется — статуя. Лишь присмотревшись различаем: царь-Олень возлёг чуть в отдалении от двух самочек. Невероятные рога. Достоинство.

И некая специфическая мшистость…

Мгновенно всё сходится, вспоминается гравюра Ламбспринка, где Меркурий-Единорог и Сульфур-Олень встречаются в лесу.

… — так вот ты какой, Лесной Олень!

Вот оно достоинство Сульфура (Горючесть-Фиксация).

Ясно и то, что Единорога вот так вот нам здесь встретить не дано, но, взяв точкой симметричного отсчёта упомянутого царя-Оленя, возможно нечто ощутить более полно.

Имея в виду связь Фиксации с Оленем… — быть может, именно сквозь сие переживание встречи с ним возможно войти во врата Бестиария более конкретно.

Териоморфные божества лучи-Единого, влитые неведомым мастерством древних египтян в сосуды статуй, соседствуют с фараонами.

Там — голубой бегемотик, элегантен и жив.

Множество мелкой пластики, радостные и расслабленные цвета росписей — не так и важно, что всё это значит, важно: какой отклик пробуждает в музейном скитальце, который так по-хорошему похож на юродивого бомжа, ибо свободен сам от своих больших полушарий.

Вместо них — у него пирамидион из электрума (в идеале), ибо триангулируя диск межбровья глубоко постигают суть.

Венский Музей доспехов не только прекрасен, — он похож на библиотеку, на шкаф с благородными бутылками вина, на собрание мумий в египетском отделе. Мощь вышеописанного Оленя звучит неторопливостью в них, Египет (инаково плавно-расслабленный), низошёл сквозь благородный металл уверенностью, ибо Рыцарь предстаёт пред Единым в полном латном облачении.

… у Лукаса Кранаха некий очень свой цвет, инкрустированный в полотна, а также, обличья множества женщин, изображённых в контекстах самых разнообразных сюжетов, обладают сродной, уникальной, интонацией… трудно описать какой… это: и утончённое благородство, и — явная аристократическая порода (впрочем: с ароматом некоего разложения, словно они уже немного мертвы), и кротость, и хитрость; ведьмовская концентрация вперемешку с девственной нещедрой сексуальной осторожностью… и — опытность, насыщенность проститутки множественными следами вибраций от совокуплений с неисчислимыми трахателями… — всё, всё это зашито в тайну и сшито тайной, наружу мы зрим лишь своеобразную красоту и утончённость.

(машина бинарных ментальных операций так бы описала «кранаховскую женщину»:

«Вытянутая фигура, длинная тонкая шея, маленькая голова, высокий лоб, миндалевидные узкие глаза, слегка приподнятые брови, маленький аккуратный рот, очень бледная кожа, небольшая грудь, мягко округлый живот, длинные конечности, S-образный изгиб тела, ощущение невесомости, отсутствие выраженного физического веса, закрытость и одновременно эротическая открытость, украшения как элемент эротической композиции, прозрачные ткани, прямой и холодный взгляд, кокетливость, психологическая дистанция, ощущение юности, сочетание девической внешности с властностью, эротическая самодостаточность, сознание собственной привлекательности, способность женщины контролировать взгляд зрителя, мотив соблазнения, мотив власти женщины над мужчиной, связь с идеей Weibermacht («власть женщин»), соединение красоты, эротизма и потенциальной опасности»)

Так вот: первый визит в уже упоминавшийся паб, нас обслуживает приятная дама пожилых лет, всецело пронизанная элегантностью, лёгкая и доброжелательная; на окне подле нашего стола стоит замечательное игрушечное кенгуру с дитя, приобретённое ею сорок лет назад.

Паб сияет контрастом зелёных стен с красными элементами декора, а пьём мы отличное бельгийское пиво.

… второй визит: обслуживала молодая и энергичная барменша, дуновение её интонации насытило глаза ощущений уни-

кальной волной присутствия Кранаховских женщин — она, дева сия, словно сошла с его полотен…

Эта девушка кормила и поила мышонка, так странно соединяя данным жестом Египет, рыцарские доспехи, Вену и картины ренессанса.

Заодно ещё раз прояснилось почему Климт рисовал именно так, выходя за пределы формы, пытаясь поймать Венский Расплав на фоне хмуро-величественных Татр.

…И вот, мы почти взошли на перевал, хата на Зелёном Плесе, уютной деревянной игрушкой, виднеется где-то внизу, у озера, в чаше упавших с неба нескольких серых горных топорищ.

Порывы ветра и мелкая крупа града, на фоне хмурых небес и потому акцентно яркой зелени, вводят ходоков в алертную подвешенность, несколько ударов близких молний где-то за перевалом, лишь усиливают вознесённость медитации.

Цена которой, в любой момент — жизнь.

Как и всего остального.

Мышата Господа Бога.

Мышата Единого.

Глаза-бусинки, шуба из гладкой шерстки, скорость реакции и — предельная хрупкость.

Стоит только наступить.

По неосторожности.

А сколько уродов, с радостью убивающих мышонка…

Правда, есть и господин Кот, это великолепное создание, которое, вероятнее всего, с мурчанием и элегантной неотвратимостью уничтожит нашего мышонка…

К сожалению, таков мир. Этот мир. Предельно жестокий. И: невероятно красивый.

Просто — такой.

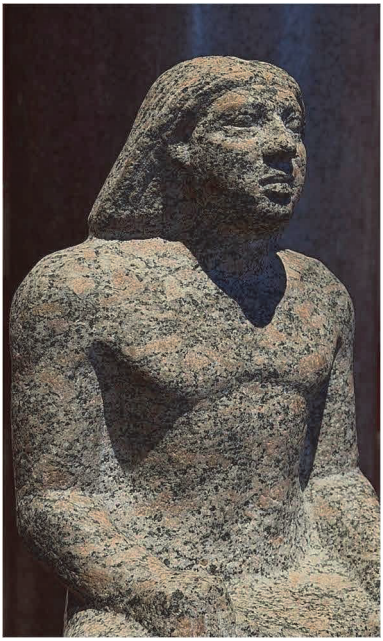
Существует один Символ, который признают и примут вообще все.

Это — Лабиринт.

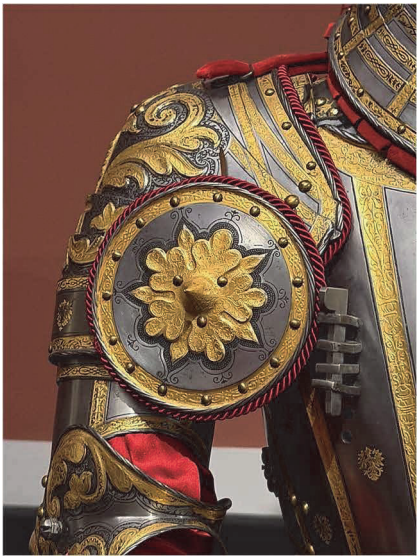
Любящие глаза всегда желают мышатам пройти его, испить воду, найти сыр, вернуть его в свой Египет… и пусть Коты будут сыты, пусть алхимия сверхчеловечности избавит зверят от необходимости пожирать друг друга… пусть Волшебный Лес проявится Чистой Страной, где всем хватит места, куда привезёт поезд посмертия и где, совершенствуясь далее, все живые существа навсегда избавятся от страданий и их причин.

Всё-таки, кранаховская дева обнаружилась в Вене 2026 года, встала на колени, чтобы напоить одинокого мышонка и дала ему изрядный кусок белого сыра.

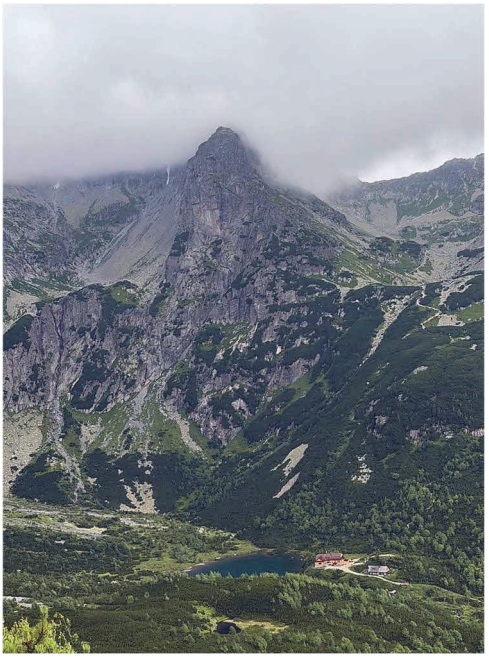

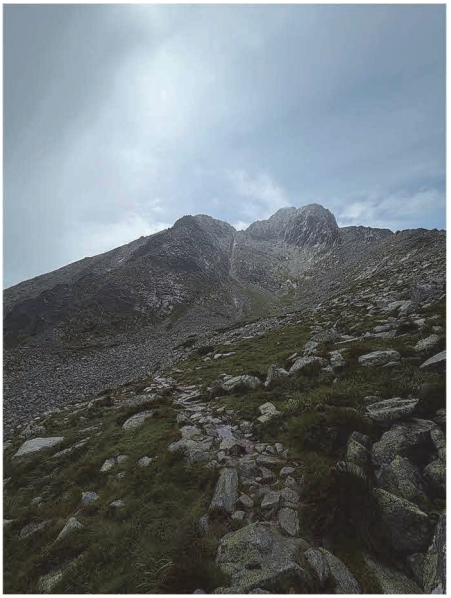

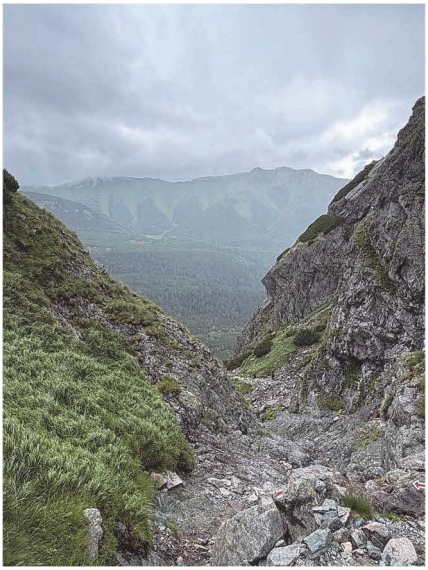

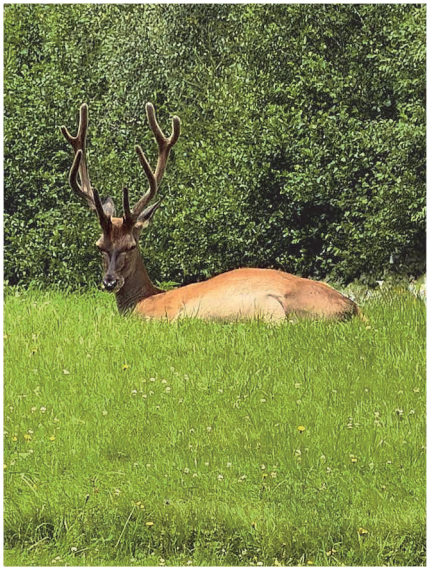

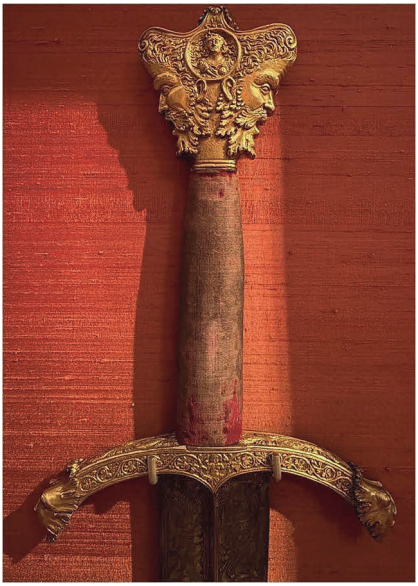

VINCENTIVS CATENA PINXIT

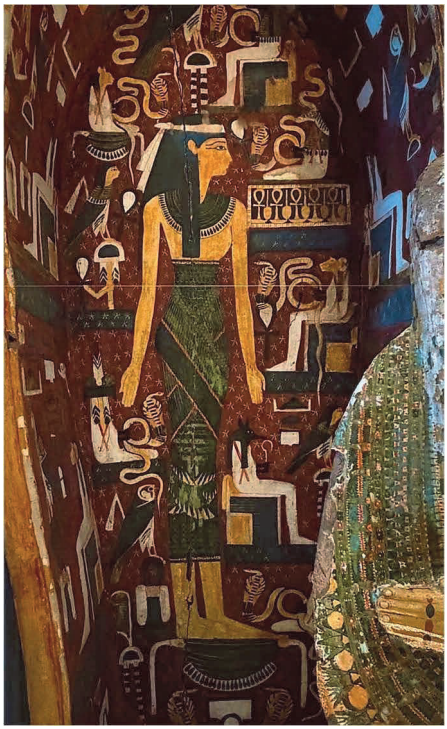

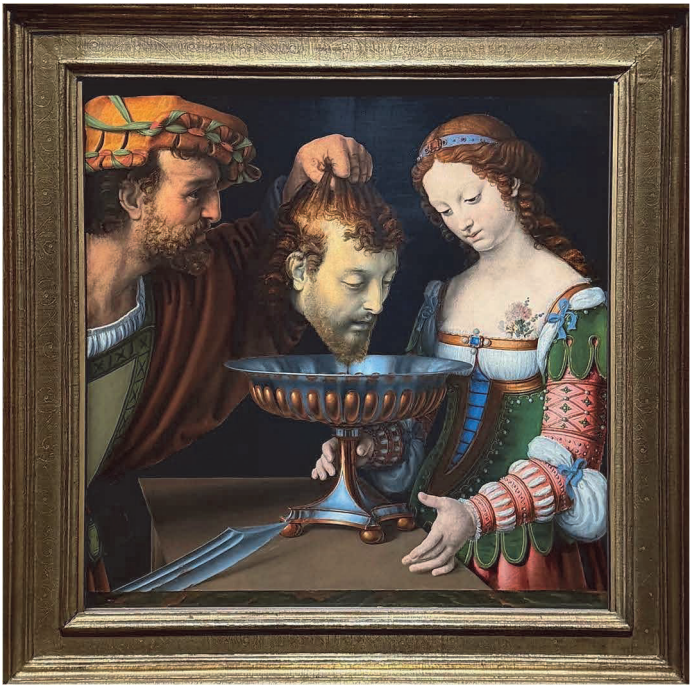

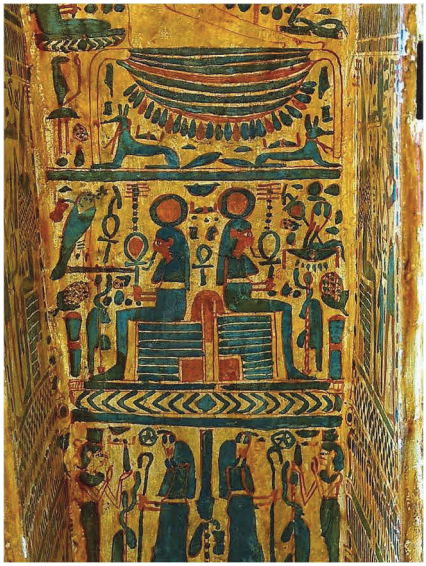

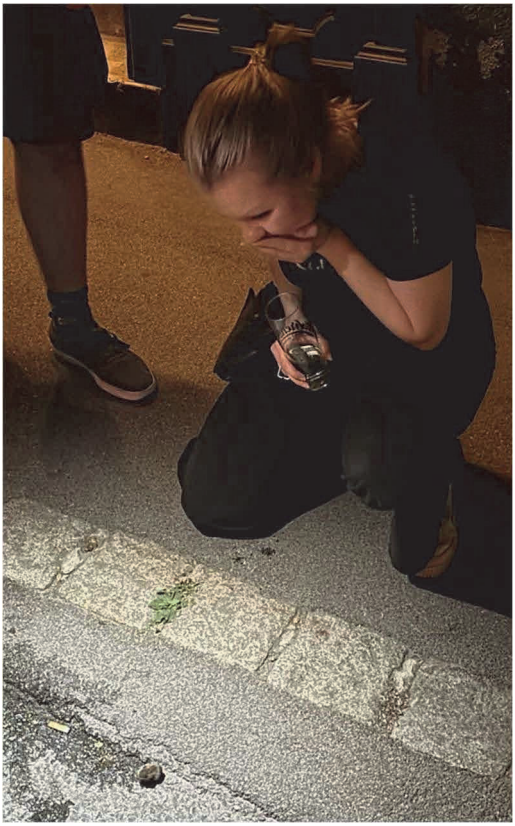

2:4–3.
ФИЛКИ И ГНОЗИС.
СЛЁЗЫ. ГОРЮЧИЕ СЛЁЗЫ…

Ёбаные филки.

Ебля. Филки.

Насилие.

Народ жаждет зрелищ.

Врачи спасают тех, у кого есть филки. Многие достойные (?) излечения умирают и страдают.

Мир неправильный?

(на границе — много острых путанок-сетей на людей, но в них режутся и запутываясь, умирают, ещё больше зверят)

Филки — власть; Власть — филки?!

Рабы с позитивчиком в месте, где когда-то была душа, обслуживают тех, у кого филки.

Снаружи: закон Гравитации.

Внутри — закон Времени и перемен. Ритма…

Зеркало: в него мы видим свой ум. Думаем: реальность.

Когда умрём — в этом Зеркале увидим Всё (не свой ум): и это нас растерзает.

Крия-тантра христианства?
Сквозь Тантру герметизма — в Ати?

Нет: истинное Сердце объемлет всё.
Гермес не в тантре, он сквозь всё. Потому: он и Гермес.

Спасская башня Сета.
Сето-печерская лавра. Киев.
Война. Соитие.
Филок, власти и орков.
Но: Православие Ати есть.
Вопреки.

«На эти деньги можно жизнь человеческую спасти?!»

«Можно… а зачем?»

Ёбаные филки.

— Вы душою больны.

Слёзы. Дар горючих слёз. И: Золотой Розы сердца.

Я смотрюсь в зеркало филок и власти: горячий воск слёз исходит по свечам очей. Слава Богу: есть Знание.

Троице Пресвятая: только Ты заступаешь от филок и власти. От — страшнейшей муки. Муки: филок и власти.

Филки и власть: ебля и кровь. Ебли не будет, пусть даже многократно ты войдёшь в неё, а кровь будет: ибо война, как и Гравитация, тотальна.

Почему ты так хочешь оргазма? Мощного оргазма?

Он на какое-то очень время малое вытирает Время и потому не так мучительно соотносить оное с Тяготением.

Впрочем, и ум и тирания Перемен вернутся.

Обязательно вернутся.

Этот мир, блядь, неправильный?!

Мне хорошо.

Даже — очень.

Но: горячий воск моих слёз падает на серебряный поднос.

Регулярно.

Эверест.

Эверест?

Там много пошлых трупов.

Selentium.

Сознание вне органов чувств и их объектов.

Дени де Ружмон не понял нихуя: то, что он видит Смертью, есть Огдоада.

То есть: источник всей жизни.

В белом Огне Огдоады сгорает не жизнь, не тело, а — всего лишь Буратино.

Быть телохранителем круто?

А кого, блядь, ты охраняешь?

Нет хуже, чем быть тельником. Как и врачом. Как и преподом…

И ещё: от сатаны. Всегда там извиняются. Аккуратные такие…

А ещё хуже — обучать телохранителей. Преподавателей. Врачей. Юристов. Любых военных…

Их всех…

Слёзы…

В даре горючего облегчения есть просвет "сквозь".

5-7:
МИЛАНСКИЙ ДОСПЕХ СЕВЕРНЫХ ЛАТ.

...Огонь и Лёд: творческое действие в режимах Возгонок, на Тинктуре Вдохновения и — непривязанность к результату, освобождённость от разочарований в связи с несоответствием чаемого и полученного (которое есть всегда).

На лаврах почивать не выйдет ибо поток энергии непрерывен.

Рутинный процесс более-менее устойчив лишь когда он основан на знании и учёте Гравитации (в самом широком поле коннотаций сего), чем и занята наука.

Ум живёт в ритме, его Первоматерия — время; интонация и частота бита. Мы видим не мир, мы видим свой ум в той спецификации, которая соответствует ритму нашего ума.

Очень трудно свести воедино Гравитацию и Время, интонацию динамики нашего ума.

Конечно: идеально распознать состояние за пределом ума, вне ритма-времени, что сразу даёт вкус иллюзорности всего, одновременно даруя исток и Огню освобождённой творческой силы и Льду невовлечённости.

Однако, вполне вероятно и с другого конца более эффективно заходить в сию тему: следует насколько возможно освобождаться от восприятия людей и событий как вещей-вне, всё более распознавая их собою, сферой своей энергии, отсюда, безличностно

взаимодействуя с делирием и особенностями иных… впрочем: это касается и себя.

То есть: я не манипулирую кем-либо через волю, усилие и «надо!», а стараюсь всё более творчески, с интересом и лёгким авантюрным азартом в игре возможностей (учитывая Гравитацию), совершать перемены как составную собственного пути «сжигания гороскопа».

Впрочем, продолжим наш североитальянский пилигримаж и чуть подробнее коснёмся темы уникальности рыцарских доспехов, когда-то сотворяемых тут.

С этой целью приведём цитату устной передачи О. С. Т., которую так любезно записал в один из своих замечательных блокнотов Orsa Flumen.

Итак:
«Мистерия Рыцарского Доспеха.

Время с конца XIV и до начала, даже середины, XVII столетия, то есть, около двух с половиною веков — время доспехов, каких больше не было нигде и никогда. Полных рыцарских доспехов, именуемых также «миланским доспехом», «готическим», «максимиллиановым», «белым», et cetera…

Неслучайно и то, что, говоря о месте проявления чуда полного доспеха в наибольшем качестве, всё сошлось на Севере Италии, в частности, прежде всего стоит отметить Милан и Брешию; расположенная недалеко Венеция являет собою точку наибольшей гармонии Тайного Огня, и здесь важно всё, в том числе, конечно, и

шедевры Искусства (например, Венецианская школа живописи), и природа Северной Италии.

Венеция — это как бы внутри Яйца, внутри Доспеха…

Почему мы вообще говорим об этом, возвращаясь к данной теме снова и снова?

Дело в том, что у такого Рыцарского Доспеха есть Магический аспект, и, оный, как правило более акцентирован и более известен, в том числе, к нему относится и непосредственная функция защиты доспехом тела рыцаря в бою. Алхимический же аспект его, то есть, аспект прямо связанный с Opus, вообще почти никем не упоминается. Он, напрямую связан с Возгонками и Одухотворением…

Итак, в Италии того времени, именно, на Севере, в означенных и подобных им центрах, сошлись время-место-человек; немаловажно и то, что недалеко от мест сих — Горы Дракона. Имеет смысл воспринимать всю Северную Италию как нечто одно, к чему имеют непосредственное отношение и собственно Алхимия, и живопись, и североиталийские грады с их особенностями…

В этой связи, особо интересна Феррара, связанная и с колодой Sola Busca (Таро не являющейся, ибо не имеет отношения к Opus Освобождения): град сей обобщил максимальный градус Тайного Огня, разведя оный по двум противоположным линиям, Освобождающей, устремлённой к Немирскому, и порабощающей, причём последняя, как раз, и связана с упомянутой колодой. Об

этом аспекте Феррары, конечно, стоит помнить при паломничестве туда, каковое, впрочем, не рекомендуется новичкам или личностям медиумическим, ввиду возможных негативных серьёзных последствий.

Немирское и Мирское: Рыцарство выразило в себе самую суть Египетской Традиции, как бы странно это ни прозвучало, и соединяло обращённость к Немирскому с иной линией, обращённой к Мирскому.

Конечно, есть характерная, сугубо Рыцарская Архитектура. К таковой, прежде всего, можно отнести Крепостное романское зодчество, а также, безусловно, Готику. Готика — архитектура Рыцарства, зодчество Тайного Пламени.

Готические Тампли — в первую очередь, Рыцарские Тампли.

Храмы Грааля.

По всей видимости, Знание, стоящее за Готикой, было принесено в Европу из Котла Крестовых походов: через суфиев, общавшихся с крестоносцами, скорее всего, последними было получено и Тантрическое буддистское Знание, имплицитно содержащееся в Суфизме. Готический Храм, в этом воззрении, есть Тантрической Архитектурой, идеальным выражением, манифестацией посредством архитектурной формы, Тантрического буддистского Йидама; впрочем, помимо сего, в Готике также подразумевается и незримо присутствует, в виде Центрального Тигле (пересечение Нефа и Трансепта и отражение оного Сфайроса в Розах на плоскостях фасадов) — Ати.

Однако, обратимся, снова, к полным рыцарским доспехам. В отличие от доспехов предшествующего типа, а именно от коль-

чужных, или, от пластинчатых в тех или иных вариантах, таких доспехов в таком качестве не было более нигде и никогда.

Нам всем невероятно повезло, ибо есть великолепные собрания полных доспехов в Вене (прежде всего), а также некоторых иных городах (Брешия, например). Более того, парадные доспехи (каковых немало как раз в Венской коллекции), все покрыты особыми Сигнатурами — то есть, там присутствует Тинктура в чистом виде, Алхимия заложена в саму суть таких доспехов.

Имеет смысл находить и посещать все музеи, где экспонируются аутентичные рыцарские латы.

Ещё раз стоит подчеркнуть, что для появления такого доспеха, сошлось очень многое — в том числе, особое качество руды, особая технология (применение водяного молота), и так далее.

Очень важный, кардинальный даже, Ключ: на многочисленных надгробиях, Рыцарь всегда изображён в Доспехе, присутствует даже шлем. То есть, перед Богом, Рыцарь предстаёт в Доспехе, на Страшный Суд, Рыцарь приходит в Доспехе.

Осознание сего может и должно потрясать.

Итак, доспех имел боевую и ритуальную функцию. Облачение, кстати говоря, прекрасно тем, что слово сие коннотирует и к облаку, одновременно происходя от «латы» и означая убранство Иерея в духовный доспех, каждая часть коего глубоко символична.

Мистерию Доспеха не имеет смысла пытаться повторить внешним образом, но, её можно определённым образом понять и постичь, и интегрировать в свою жизнь.

Доспех объединяет Магию и Мистику.

Доспех — Зеркало.

Центральный Сфайрос души, центральная Пробужденность, пробужденная Душа Зеркальная…

Всё это связано с оперативным Платонизмом и, в актуализированном виде, манифестировано в доспехах. Ты весь Сердце и весь Зеркальный. Также, доспех снимает страх с тела, ибо его обычно не пробьёшь просто так.

Обычный рубящий удар клинковым оружием, как правило, не мог поразить, пробить доспех.

То есть, доспехи защищают от Разделения.

Пронзить доспех тоже было крайне сложно — необходимо было попасть в глазницу, но только после борьбы, после сваливания Рыцаря, и только оружием особого типа (мизерикордией), или сняв/открыв шлем.

То есть, пока Рыцарь стоит, что-то сделать с ним было практически невозможно (откуда, роль сохранения равновесия). Пронзание клинковым оружием по типу стилета являет собою уже не Разделение, но вход в Твоё Сердце: пока Ты стоишь и неуязвим, зло не может войти в Сердце Твоё…

Определённый урон могло нанести, за счёт длинной рукояти, длиннодревковое оружие, в частности то, где были рубящие и дробящие элементы, где соединялся обух топора и рукоять, или клевец и рукоять. Но и здесь не всё так просто: просто так, даже Топором, с коим оружием связано Архэ Молнии, поразить доспех

тоже было трудно. Необходимы были особые обстоятельства, или — навыки бьющего.

Кроме того, очень важно было и то, где был сделан доспех.

Всего, как считалось, было три категории: наиболее качественные, самые лучшие доспехи, кои пробить было очень трудно, производились на Севере Италии (Милан и некоторые другие центры; на такие доспехи ставились три особых Клейма, что прямо связано с Северо-Итальянской Алхимической школой), далее, вторыми по качеству, но тоже очень качественными, считались немецкие доспехи (в частности, прежде всего следует отметить в этой связи Нюрнберг), и наконец, в третьей категории шли все остальные доспехи, сделанные в других странах и городах.

Поражали: стилетом, пронзая, после сваливания, в подмышку (что тоже было непросто, ибо подмышки иногда полностью защищались доспехом), или в глаза или лицо, подняв забрало, или в область сзади коленей, локтей с внутренней стороны, но опять же, для всех этих воздействий требовалась особая обученность и специальные навыки, надо было уметь это делать. Из лука доспех практически не пробивался, из арбалета хоть и пробивался, но была определённая зависимость от расстояния на момент выстрела.

Огнестрел пробивал доспех и был из другого континуума.

Злой Огонь убил Мистерию Лат.

Обратимся теперь к трактату Чезаре Делла Ривьеры «Магический Мир Героев». В Трактате этом описана жизнь Философского Яйца (под сим, понимаем здесь любые действия в Атаноре).

Итак, Наш Мир, Мир Героев — Микрокосм, защищённый объём, где происходят Операции. Это мы сами, наша душа, Орден, et cetera. Доспех есть мистический символ Философского Яйца: если Доспеха нет или он не герметичен или повреждён, то есть, если Яйцо разбито или не закрыто, чужеродные влияния, проникая, не дают сконцентрировать и мультиплицировать соответствующие благие состояния.

Нет Зеркал.

Нет защищённости Субтильного и Тончайшего.

Доспех подобен функции Защитников и Охранителей Дхармы…

Отсюда одно из символических прочтений конного Рыцаря с копьём как некой Триединой силы: поражающий Дракона Святой Георг всегда изображается в очень тщательно выписанных, поражавших особой красотой, доспехах.

Одним из ходов, встречаемых иногда в bon livre, есть сведение всего к чему-то одному.

В частности, Джон Ди сводил всё (планеты и астрологические влияния, суть Opus) к Иероглифической Монаде.

Подобным образом, можно свести всё и к Рыцарскому Доспеху.

При этом, помня, что базовое Архэ здесь, всё-таки, конник, то есть, Кентавр, хотя в ренессансе были случаи, когда рыцарь сражался и пешим.

В воинском контексте, традиция Всадников в разных своих изводах, начала формироваться, пожалуй, ещё тысячи за две лет до Рыцарства как такового: оное, в этом смысле, являет собою вершину и суть конного воинства. Символически, в Рыцарской Традиции, Конь понимался как Четыре Стихии (ноги коня) и Квинтэссенция (сам он), а значит, Рыцарь скачет на Эликсире…

Рыцарь: всадник, копьё, конь, доспех.

Рыцарство связано с чрезвычайно активными периферическими энергиями: с крайне интенсивной воинской деятельностью, а значит и с сексуальностью, с эросом (центр всегда спокоен)…

Вернёмся, однако, к Доспеху как Скорлупе, защищающей ранимое Философское Яйцо. То есть, Доспех — не само Яйцо, а Скорлупа, защищающая оное от взрыва в связи с неблагоприятными обстоятельствами, внутренними или внешними.

Метафоры, встречающиеся в bon livre в этой связи — скорлупа Яйца, Стекло, Глина, иногда Скорлупа делается из материала самого Яйца. Это разные виды доспехов…

Всё дело в том, что, если не поставить Доспех как границу Философского Мира, Нашего Мира (Ч. Делла Ривьера), в котором производятся Операции, слишком сильны будут поводы и реалии иных, в том числе, чужих, спагирических операций, направленных на нас, тогда как свои алхимические, — будут невозможны.

Содержимое Философского Яйца — ты сам.

Доспех, закрывая и защищая тело, был оперативным средством ощущения себя прозрачным, нематериальным, эфемерным. Он принимал на себя функции тела, а то, что было телом, как бы становилось душой, что, опять же, прямо связано с упомянутым трактатом Ч. Делла Ривьеры. Речь о Возгонках: не быть мясом и костями… Доспех же, конкретизирует Операцию сию.

Тело, как Земля, должно стать Нашей, сублимированной Землёй, и Доспех, становясь телом, конкретизировал эту Операцию, тогда как тело интегрировалось в душу. По сути, сие — форма обретения тантрического Тонра в Рыцарской Традиции. Доспех берёт на себя вульгарную силу и стресс, освобождая так тело, которое посвящается утончённым операциям, ибо Доспех перебирает на себя его функции. Тело, далее, может быть более объединено с умом.

Одним из Ключей здесь является всё, связанное с образом Жука, Скарабея… Отсылаем далее пытливого читателя к книгам Рене Шваллера де Любича…

На Чезаре Делла Ривьеру повлиял Дорн (о чём мы не найдём ни слова в Трактате самого Делла Ривьеры), на коего, в свою очередь, оказал немалое влияние Парацельс. Заметим, в связи с Дорном, что Доспех помогает перевести стрелку Марса прямо и вертикально вверх: Душа принимает эманации Spiritus, а не Animus, Марс обращается в Солнце… Доспехи возвышают Марс, направляя оный к Солнцу.

Во всех доспехах того периода (коих, к слову, очень немного в самом Милане, по сравнению с Брешией и, особенно, Веной), есть, всеми ими излучается это Знание… Это поражение сопоставимо с поражением Шедевром живописи.

Доспех может рассматриваться и как Соль — он крепкий, ибо защищает, но и ковкий, хорошо облегает тело.

Он не чересчур жёсткий, массивный, неудобный (в каковом случае превалирует Вульгарный Сульфур), и не мягкий т. е. недостаточно защищающий тело (превалирует Грязный Меркурий и Соли, точно так же, нет): таким образом, триада Парацельса воплощена в Североитальянском Доспехе. Именно при таком качестве как у доспехов из сего региона Италии, Доспех и становится Солью, коя приближается к качествам Иконы Философского Камня.

Рыцарь в качественном доспехе — одна из икон и эманаций Философского Камня.

Сила идущего Меркуриального процесса выражена в навершии шлема — в особых Перьях, Рогах или Короне…

Меркурий кипит, происходит Делание: у мещанина (по сути, не по форме), Меркурий почти мёртв, а сам такой человек является расходным материалом природы и социума. Взятие на себя ответственности за свою жизнь есть формирование Яйца: сила движения Меркурия и создаёт пары, которые, подымаясь, создают Перья над шлемом (Рога же, связаны с Лучами) и являются символом процесса Делания. Много ценных комментариев и

ключей относительно мистерии Шлема может быть извлечено из книги Ричарда Онианса «На коленях богов».

Итак, Пары создают Перья, Рога — это Лучи, а Корона — вырывающийся Огонь…

Немаловажен и следующий нюанс: Фонтан Меркурия над шлемом сопряжён также и со стравливанием давления в Котле, во избежание взрыва оного; это аспект рассеивания гордыни, иллюзии независимого самосуществования, чувства собственной правоты — оные, рассеиваются на этой энергии… «реальность» оперативно созерцается всё более иллюзорной, продолжается освобождение от обусловленности спецификациями своего ума.

Не было бы этого, оператор варился бы сам, и, рано или поздно, взорвался бы. Но есть клапан стравливания — он предохраняет от гордыни, от взрыва, и от вульгарности огня. То есть, Огонь всё время становится чище и мягче.

Меркурий пробужден, процесс идёт.

Перья: Меркурий в действии, Огненное Искусство, операции Нашего Тайного Огня.

Клапан — стравливает избыток, предохраняя от гордыни и от вульгарности.

ARISTATA ETEVITAT».

Визиты в музеи…

Сейчас, именно здесь и возможно узреть многие шедевры, будь то картины или рыцарские латы.

В чём суть?

Импринт.

Запечатление.

Вбирание эссенции, вход собою в Тинктуру.

На выходе: как минимум — поэтизация-возгонка процесса действия (усиление и утончение энергийности); всё большее освобождение от ожиданий результата вследствие распахивания обширных пространств…

Также: вход в Линию другого Звука, не от мира сего, а значит — отличной судьбы.

И смотрели глаза в толпу. И смотрели очи в массу.

И гасили свет мокрые простыни. И душно стало. И спёрто.

Чаша клана содержит контекст, однако, где мера и черта, за которой уже лишь обслуживание властью управления?

Лёгкий ли снег на излёте в воду?

Ответ, как всегда — вилы.

Но меж двух острий есть шанс поставить свечу…

Самое время вернуться к входным Вратам Таро, Аркану «Безумец».

Представим себе все наши события жизни, фантазии, сны, мысли и т. д. и т. п. в виде некоего огромного шкафа с тысячами, а может и десятками тысяч, книг. Каждая подробно описывает и иллюстрирует какое-то событие или сон, либо — мечту…

Хорошо сосредоточимся на этом. Постараемся реально прожить такое, вообразить максимально точно…

Где этот шкаф?

Или: в таком видении несколько шкафов?

Может, библиотека?

Мысленно, не теряя сосредоточения, представим, что сей шкаф (а в нём, также, все наши знания о мире, вся информация, доступная нам) находится нигде.

Буквально: Нигде.

Висит в безбрежном пространстве. Пусть: в бескрайнем Синем Небе. Оно — необъятно.

Далее: начинаем вынимать все эти книги, ящички и т. п. — всё повисает как бы в невесомости, в обширности простора.

С каждым таким выниманием у нас всё сильнее ощущение свободы, пространства и лёгкости; созерцаем всё это и чётко видя каждую книгу, и, одновременно, издалека.

Занимаемся таким раскладыванием себя и мира какое-то время, хотя бы минут двадцать.

И вот: все ящички разобраны, все книги висят в невесомости, шкафы также подвешены, разобранные на составляющие. Пожалуй, всего этого весьма изрядно…

Но: перспектива созерцания у нас такова, что весь данный объём находится в огромнейшем пространстве, в пустом и свободном пространстве, и мы зрим сие весьма издалека.

Ещё: не то чтобы много осталось свободного места, — всё просто дышит Синим Вином абсолютной изрядности, нет ни малейшей стеснённости или близости к заполненности.

Вон — стоп-кадрами фотографий клубятся в невесомости все ваши переживания, эмоции, воспоминания, образы людей, животных и духов…

Всё зависло в невесомости безбрежья.

И теперь, следующий эссенциальный шаг: вдоволь надышавшись Синей Свободой (она может быть и вне цвета-света), испив всем собою блаженство огромного расширения, насладившись подвешенностью Нигде и Всюду, безопорностью и всецелым отсутствием любых гарантий… — вдруг, как удар Молнии, приходит видение: все вот эти книги, всё нечто, парящее в Нигде, оказывается не плотным, а пронизанным насквозь сею же пустотностью, этим же Небом.

Оно — иллюзорно, подобно голограмме.

Всё дышит насквозь одной Свободой.

Нет ни одной плотной вещи.

Великое Облегчение Puris Omnia Pura.

Обнаружение Огдоады.

Тотальное соединение с Notre Dame, ибо она и есть сия Необъятность, коя бесконечно порождает, в коей — всё растворяется и трансформируется.

Опыт сей следует повторять до полной Фиксации.

В том числе, он дарует переживание прозрачного тела.

Это и есть вход в Таро.

Это и есть доспехи истинного Рыцарского Благородства.

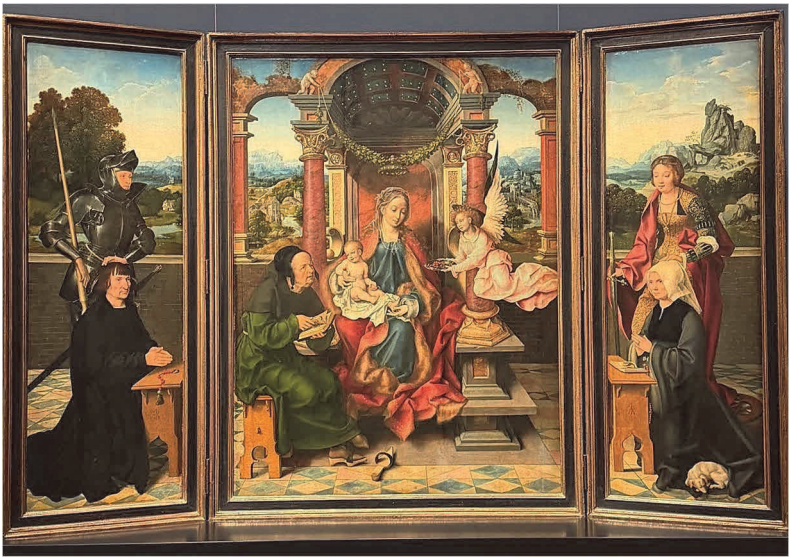

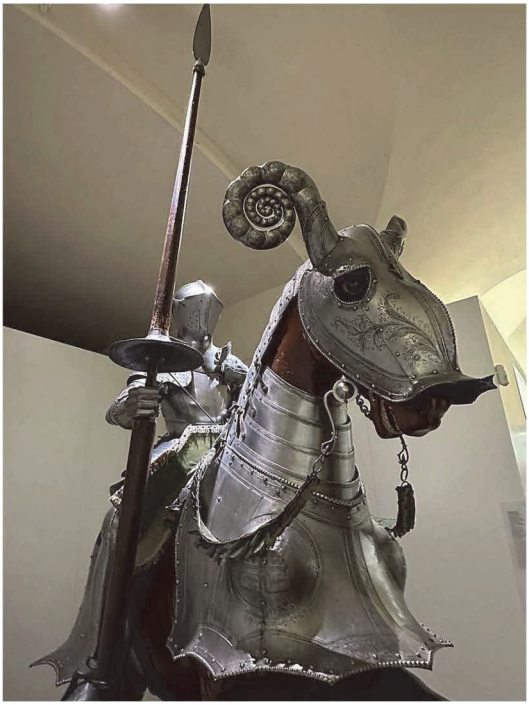

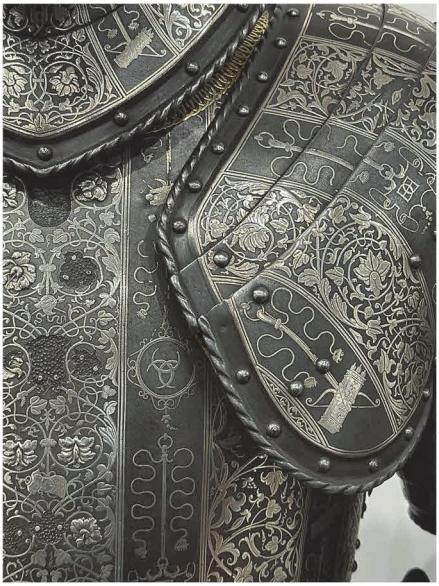

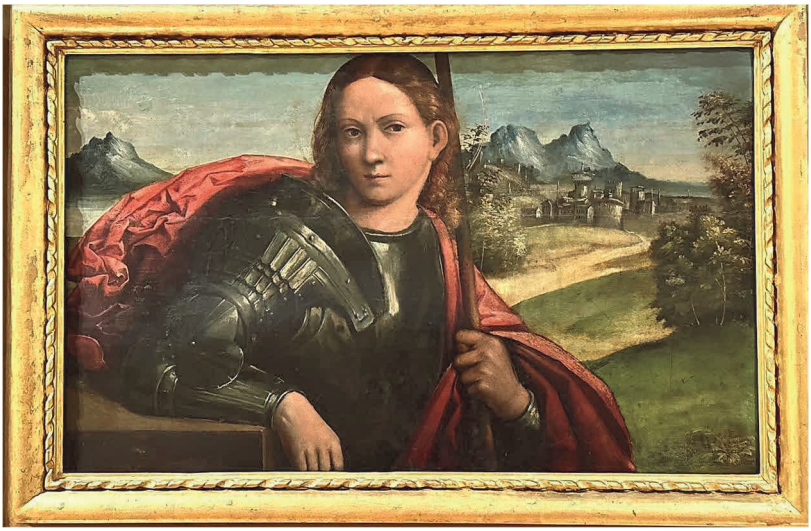

5:5:
ПЕНТАГРАММЫ ХРУСТАЛЬНЫХ ДНЕЙ.

… и вот, она спросила:

— Что значит Пентаграмма?

— Много чего…

Знак Рыцаря.
Первая ступень достоинства сего.
А суть…

Пентаграмма — это не Пять, как может показаться на первый взгляд, но Шесть, ибо Центр исключительно важен и являет эссенцию.

Самый простой и прямой способ открыть измерение Пентаграммы: указать на пять органов чувств и их объекты, — то есть, Пять — это как бы функциональное сознание. Вся наша внутренняя деятельность, а также, сопряжение посредством тела с миром, основаны на работе Пяти врат.

Центр.
Центр…

Дело в том, что лучи у данного символа ровные, равновеликие и связанные по шагу пропорции со Сферой.

Действия профана основаны на реакциях на те или иные стимулы, а также, на жёстких программах привычных режимов работы ума: его сфера чувств не имеет связи со Сфайросом, в ней нет постоянного ровного света осознанности, лучи всё время пребывают то в транзитной суете, то в сонном отупении отсутствия лучистости.

Короче — никакой Пентаграммы нет и в помине.

Шестое, оно же Первое, Центр — это сознание в своей аутентичной природе, как бы вне связи с органами чувств и содержаниями ума…

Чистое Присутствие.

То есть: что созерцаем мы, вне любых данных органов чувств, вне активности ума, как бы за пределами ума…

Оно нигде конкретно не пребывает и так мгновенно, как только сие распознано, манифестируется беспредельная Сфера, Центр Пентаграммы, что и даёт базовую ясную иллюзорность оперативностям органов чувств, а также, их тотальную синестезию (степень которой зависит от ряда вторичных факторов)…

В случае более магического, не столько рыцарского, сколько воинского, подхода, в центре Пентальфы — воля и разум. Их сплав. Это нечто другое.

Кардинально.

Однако, данная формула всё равно более оперативная чем просто мещанский хаос вложенных социумом и природой чувств и безвольных суетностей; отметим: солдатская воля хотя и может

порою консолидировать некую целостность типа «пентаграммы», однако её центр, приказ, выполнение приказа любой ценой, чужд и потому здесь речь скорее о захвате судьбы и воли, потому, в строгом смысле, к Пентаграмме коннотаций быть не может.

Пятиконечная Звезда всегда фасцинирует, тотальное действие, экстремальный рывок жертвы жизнью, манипуляторы умело соотнесли с данным символом, однако, это конечно обман и рано или поздно, за него будет страшная расплата.

Вообще говоря, Пентаграмма, во-первых, всегда сопряжена со Сфайросом, и, снова во-первых, это Звезда.

Звезда (а основные Звёзды, это 5-ти, 6-ти, 7-ми и 8-ми Лучевые) связана со Цветком.

Профанное состояние есть стяжение и страх, то есть, сжатие, нечто, противоположное щедрости и лучам, аромату.

Человеку-рабу на любой дискомфорт свойственно именно сжатие, по такого типа векторам в него и входят инфернальные даймоны.

Особая Передача не от мира сего дарует возможность воспринимать всё на Щедрости, расширении, что и есть Открытие Цветка (аромат сей вытесняя жжёт любых орков).

Конечно, это ещё и сопряжено с Нашей Любовью, то есть — с Тайным Огнём…

Тот, у кого Цветок начал открываться уже не озабочен справедливостью, ибо оная может прийти только через Деву Астрейю, то есть — аромат Нашей Розы.

Открытие Цветка есть рециркуляции: оператор то в более качественном состоянии, открыт и сияющ (Цветок развёрнут), то — в менее, Цветок уходит к бутону или прикрывается; впрочем, важно не утратить мистерию Цветка.

Цветок — Роза или Лилия, другие также могут быть, в центре Креста. Опус и быт в одной тотальной Любви.

Стабилизация и Фиксация открытого Цветка и есть нечто, связанное с Камнем, с кристаллизацией — то есть: Звезда.

В начале, Знание Цветку передаёт Звезда Линии Передачи; она зачастую и воскрешает Цветок в Сердце.

Цветок-Звезда — удел опытного оператора, истинного Мастера, а полная Звезда уже определяется после ухода в иной мир… Полной Фиксированной Звездой в славе есть Адепт, то есть — Святой.

Различные Звёзды манифестируют отличные уровни постижения в режиме Фиксации-Мультипликации, либо — речь об акценте определённых операций.

Гексаграмма, это не Шесть, но Семь, по аналогии с Пентаграммой.

Трикута Огня и Трикута Воды соединяются, хотя, есть и такой взгляд: нейтральная (андрогинная) пневма Изначалия (Центр Гексаграммы) содержит в себе и Огонь, и Воду, — потому, может быть эманирован любой аспект по необходимости, но в нём всегда есть возможность мгновенного перехода в противоположность, как впрочем и возврата облачного баланса («волшебный меч всегда возвращается в свои ножны»).

То есть: Гексаграмма — не только иерогамия, причём, оная, не создание Третьего, путём союза различных Двух, но восстановление исконного Одного, которое, впрочем и — Третье; но и Единое, исходящее лучами возможностей, проявляющее измерение…

Словом: Гексаграмма — это Эликсир, главный родовой признак коего — андрогинность (в ней может быть различная степень Чистоты, Фиксации или способности Мультиплицировать).

Пожалуй, Пентаграмма по-разному распознаётся до фиксации Гексаграммы и после: иначе, сущностнее…

Первый вход в чертоги Пентаграммы — это принятие ответственности за свою жизнь всецело на себя, ориентация не на правила (хотя, конечно, с учётом оных), а на точное и ясное осознание конкретной ситуации.

Внимательность становится фоном, пусть в этом есть и усилие, и воля, и напряжение; страсти берутся под контроль воли и разума.

Таковы исходные для Озарения Пентаграммой.

Открытие и стабилизация андрогинного Эликсира Гексаграммы дают шансы узреть ситуацию Пентаграммы как центральное чистое Присутствие, исконную Мудрость и активность органов чувств как украшение, в идеале уже не отвлекающее.

Пентаграмма может находиться в трёх позициях: одним лучом вверх — Транзитность; Двумя — Фиксация и без ориентира лучей по осям, что корреспондирует пульсирующему модусу…

Приписывание Пентаграмме двумя лучами вверх связи с сатанизмом — акт вульгарного непонимания, хотя, если смотреть через призму обуянности героическим энтузиазмом и стабильности такого своеволия, порою возможно совершить данное соотнесение, но в Вечном Сентябре, Пентаграмма (из-за её связи со

Сфайросом) всегда сопряжена лишь с аутентичными состояниями Пути Освобождения либо с намерением ступить на оный.

Есть удивительный символ, именно он на одном из наших щитов: Сфайрос-Круг; в его центре — две Пентаграммы, одна внутри другой; центральная — Транзитна, содержащая её — Фиксирована (впрочем, при неком аспекте созерцания, именно два луча вверх могут означать динамику, подобно искре меж потенциалов; а луч — стабильность единого; как зрить сие — определяется контекстом); все Пентаграммы — внутри Розы о десяти лепестках (Тетрактис); при желании возможно ещё разглядеть пять Сердец…

Седьмица, Звезда о Семи лучах — конечно: Восемь. В первую очередь, сие: Семь Планет, Семь планетарных даймонов, насквозь пропитанные центром — Огдоадой.

То есть: Пустотность-Чистота равномерно пронизывает всё проявленное и потому оно уже освобождено; душа человека стоит, зеркалит, не падает, в ней актуализировано Божественное и потому «гороскоп сожжён» (более реально оперативно: "гороскоп сжигаем").

Круг, кстати, ещё и Зеркало.

Если отодвинуться волшебно от видимого, ощущаемого мира, от себя, от памяти, воображения, etc. — вдруг всё это обнаружишь в Зеркале.

Различные Зеркала отражают разное. Но: их способность отражать — одна. Всеобщая.

Далее: бдящий Сфайрос посредством Звёзд, оживляющий его Цветами, бытийствующий в Центре Креста — уже как бы несколько отдалён от Зеркала и потому узнал Зеркало Зеркалом.

Этот секрет проще распознать через Огдоаду, но он эссенциально одновременно и равновесно сопряжён и с Восьмёркой, и с Девяткой…

Главное: снять очки, они слишком приближают отдельные элементы и тогда не до Зеркала, тогда мир реален, а страсти и мысли довлеют.

И ещё: пока что в Зеркале ум.

В момент смерти не отразит ли Зеркало всё?!

Как объединить себя со Взрывом сим?

Помогут ли Звёзды и какие?

Как?

Чёрный фон.

Бархат.

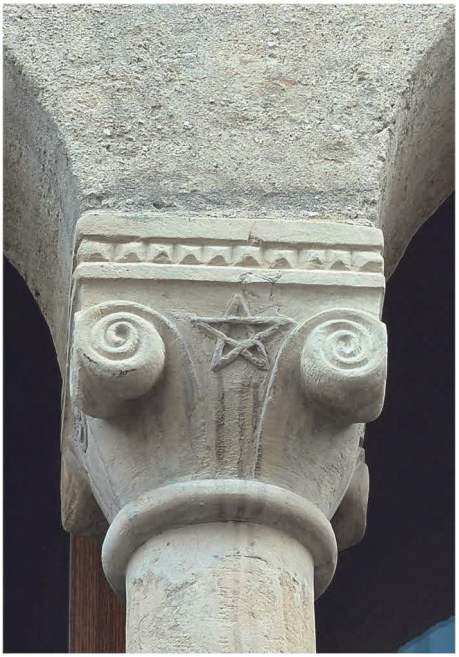
Сребёрное отражение Розы о десяти лепестках и двух Пентаграмм.

На клинке крестообразного меча, сигнатура: T-8–9-D:1-A.

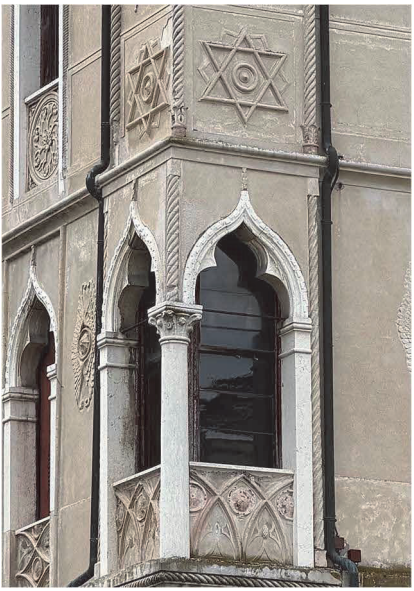
Вроде как, всё более чем ясно…

И: откровенно.

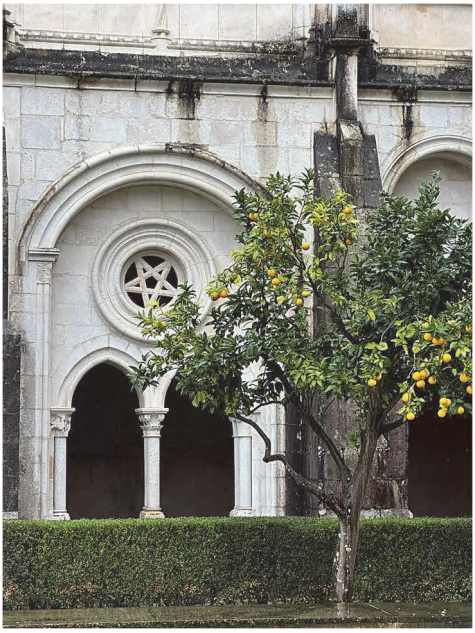

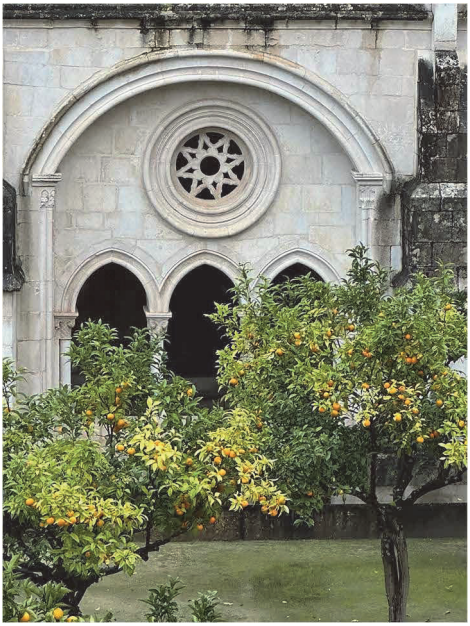

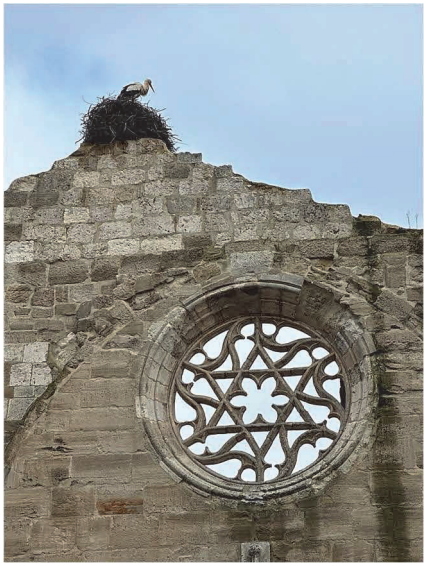

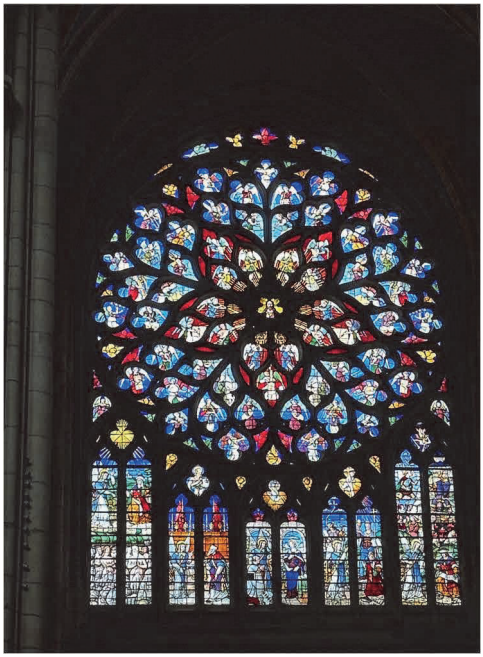

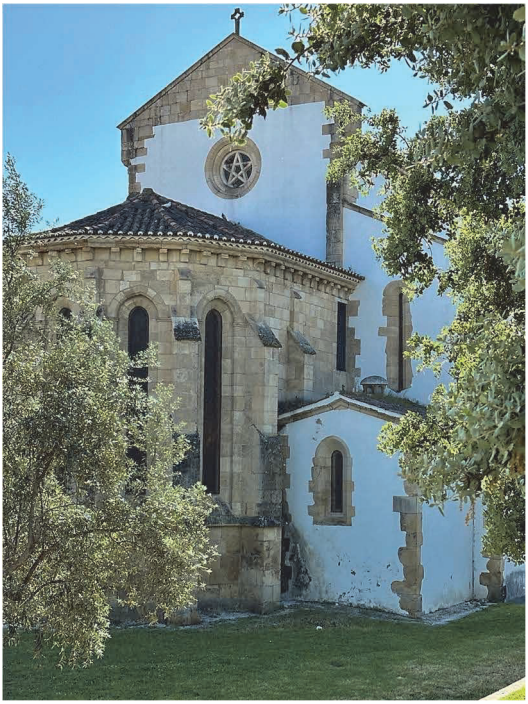

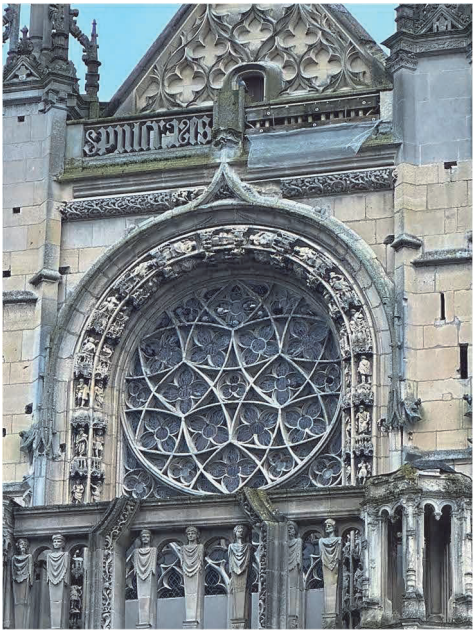

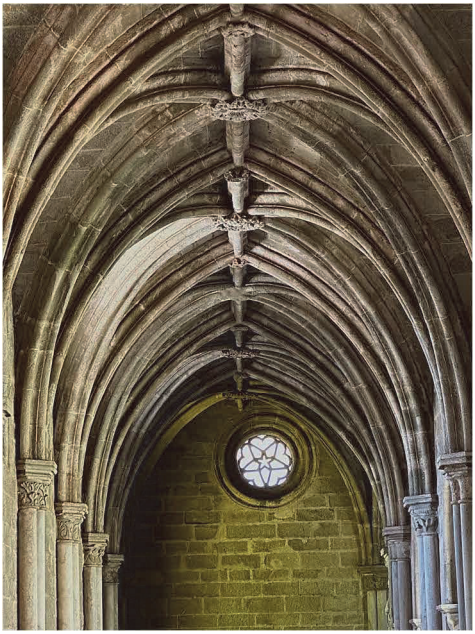

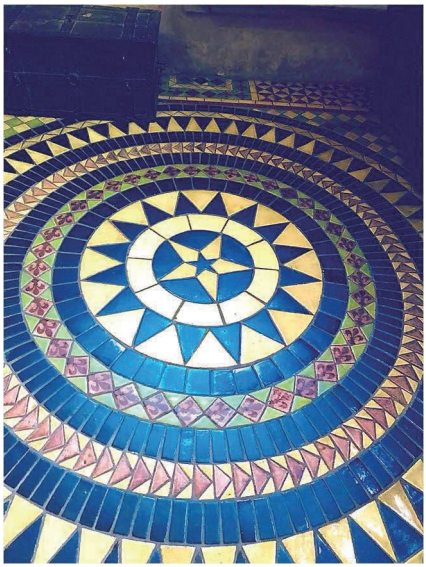

6:7
ГЕКСАГРАММЫ НОЧЕЙ ЧЁРНОГО БАРХАТА.

Интонация — ровная. Голос окрашен нейтрально, однако, в его глубине постоянная нить свежести.

Аккорды умопостроений. Созерцание их созвездий…

Вот облако воспоминания… там — эфемерная интонация почти неоформленной мысли, снова: чёткая капель концепций.

Ритм.

Опять: Сан-Кандидо в онейраторе воспоминаний. Хмурая свежесть воронова крыла…

Это Крипта.

Она здесь особенная.

Тур.

Tours.

Недавно прилетел и приехал сюда. Заселение в фахверковый домик, вход-коридор в который больше похож на щель.

Щель меж мирами.

Обрушивается ливень. Гроза. Только к ночи выхожу пройтись. Орденские будни представляют себя разнообразной гравитацией, лицемерно репрезентируемой некоторыми персонами

«борьбой за справедливость». Решаю несколько проблем в режиме телефонного общения и — гулять.

Пару минут — вот он, Катедраль Тура. Одновременно почти игрушечный, выпрыгивающий в небо; вертикально ультимативный и резной, сказочный.

Площадь пред: хрустальный звон камня, возогнанного каскадами триангуляций.

Обхожу Собор, со стороны хоров он являет прозрачный кристалл, центрический, и это, в корне другое ощущение, чем с фасада главных врат.

Кристалл Грааля.

Мир понемногу замедляется, вслушиваюсь в тончайший герметический шёпот.

Шепот Тура.

Иду по его линии, в треснутые щели древних улочек, мимо ветхо-знающего фахверка, сквозь нарядные витрины кафе и ресторанов…

Герметический шёпот ложится паутинкой на плечи, она синяя-синяя, как сапфир.

Эфемерная пыль открытого взгляда по тотальности вездесущей Прозрачности. Эхо сего знают французские улочки, их пыль, пыль древнего фахверка, есть дорожный указатель на сию всепронизывающую хрустальность.

Безусловно, с этим напрямую сопряжена Notre Dame и иней наших благородных доспехов (облачившись в оные, зришь каскады дальние и ближние, весь ум и насквозь его).

Пафосное звучание литературы, утилитарно строгое — науки; символическая вязь поэтики… — это как стеклянную чистоту налить сквозь всё и вернуть обратно, создав и осмыслив вселенную. Осознание и есть создание, создание — осознание.

Храм вибрирует между.

Гексаграмма, двумя своими Трикутами в соитии, изливается из прозрачного универсума, даже — в годину посещения универсама.

Турский первый день…
Через реку, через Луару, по мосту, туда, на другой берег…

«Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3:19)

Быть может, если, где-то в конце августа, либо — в сентябре (а может, и в ноябре) взять прах сей и толочь его безжалостно особыми лучами, мыслями, всплесками… он как бы лопнет, за пылью вдруг узрим чистейшее прозрачное нематериальное стекло. Точнее: Стекло.

Сначала, оно предстанет жилами, паутиной (например, Храм, обнаружим объёмом концентрации сей хрустальности); при следующем уровне — может открыться безбрежный кристаллический Океан.

Это и есть рыцарская Notre Dame.

Крипта, так похожая на Пещеру, своеобразно близка ко праху. Прах сей… что ли лежит в оной, развеян в пространстве, как пыль в шахте.

Собственно: потому Крипта хрустальная, зеркальная.

Стеклянность сия вечно юная и пронизана спонтанной свежестью.

Сан-Кандидо. Храм вырастает из мощной Крипты. Он сам как Крипта. Он рычит стеклом, резко пробивая сквозь весь прах его нити, потому, на изломе костей истинных святых — алмазы.

А всё — из праха. Эссенция праха — Хрусталь.

В данном Храме, по генеральной линии расположенное, есть средневековое Распятие: Сотейрос — над челом Человека-Адама; по бокам от Оного, двое святых, характерны их жесты: один скрестил руки на груди, как бы воскресшая изначальный андрогинат аутентичного состояния; другой — держит закрытую книгу, на которой он однонаправленно сосредоточен. Напомним, что Закрытая Книга часто означает Знание-за-пределами-слов, то есть: Гнозис и Ноэзис.

… в Шартре есть кафе-ресторан, название коего связано со Змеёй и там работает официанткой очередная кранаховская женщина, — еда неплохая и атмосфера тоже. Однако, суть вопроса — Тамплиерский Катедраль напротив.

Шартрский Собор — неисчерпаем.

Какое-то тамплиерское заклятие, рыцарская эссенциальная сигнатура, легли на чертоги сии: тут, вопреки множеству инфер-

нальных атак сохранён наибольший в мире комплекс средневековых витражей и Роз, а также — уникальный аутентичный Лабиринт (по которому ещё и можно пройти (в пятницу, с 10.00 до 16.00)).

Кстати говоря (со всей любовью к человечеству и тем более, с уважением к божественной сути оного) — прохождение по Лабиринту происходит в контексте подавляющего наличия психически увечных персонажей, конкретно поехавших крышей в контексте new age: тут и замирают, и совершают более чем странные, жесты, и всячески театрально сходят с ума и даже пробуют идти в обратную сторону, что технически мешает остальным. Словом, довольно часто при передвижении по Лабиринту подбирается компания граждан, нарушающих правила прохождения и вносящих нездоровую ноту в общий праздник жизни, — конечно, имеет смысл их игнорировать, воспринимая, собственно, частью Лабиринта и плавно обтекая своим присутствием.

В который раз пытаюсь объять необъятное, Шартрский Катедраль; в который раз примечаю нечто о чём и делюсь аккуратно здесь.

Итак: Шартрский Собор, во-первых, сохранил наибольшее в мире собрание средневековых витражей к тому же в отличном качестве; во-вторых, здесь же более 1000 сбережённых с тех же времён скульптур, пребывающих в почти изначальном ансамбле; в-третьих (хотя, действительно, все эти пункты — во-первых) Шартрский Катедраль обладает древнейшим и единственным Лабиринтом, сотворенным приблизительно в 1215–1220 г...

Самое главное: всё это вместе.

Здесь находится Плат Пречистой Девы, Вуаль Notre Dame…

Приблизительно, основные события, многие из коих — волшебные по форме и по существу, произошли так:

- где-то с конца IV века в Шартре существует важный Храм, всего же здесь сменили друг друга не менее пяти Тамплей…

- Шартр до определённого периода постоянно подвергался набегам северных варваров, — для защиты от них (в том числе) и как талисманный жест, Королём Карлом Лысым, был дарован в 876 г. Плат Пречистой, который здесь уместнее обозначить как Вуаль Notre Dame; до сих пор она находится в Катедраль Шартра…

- в 911 г. Шартр осаждает Рольф Пешеход (Роллон), могущественный вождь викингов, ранее, не знавший пощады и меры в бою… в критический момент происходит проявление Notre Dame над городом, то есть, спонтанно из ниоткуда возникает светоформа Девы, что сопровождается трепетом у одних и страхом — у других; Рольф снимает осаду и вскорости, видимо вследствие поражения этим самопроявлением, принимает христианство…

- 10.6.1194 г. мощный пожар уничтожает романский Собор, чудом уцелели элементы западного фасада, крипта, несколько витражей, а также, пару священнослужителей и Вуаль Девы…

- епископ Фульберт Шартрский (960–1028) основывает Школу, где сочетается христианское благочестие, обращённое ко Гнозису с платонизмом «Тимея» и появляются труды по сим темам таких видных представителей данной Школы: Бернара Шартрского (ум. 1124), Тьерри Шартрского (1100–1150); Гилберта де ла Порре (1075–1124), Гильома де Конша (1080–1150), Бернара Сильвестра (1080–1160) и других… суть в том, что этот оперативный плато-

низм «Тимея», оказал непосредственное влияние на структуру и наполнение Катедраль, чудом дошедшего до наших дней…

- возведение основной структуры последнего Катедраль идёт фантастически быстро и в 1260 году его уже освящают… особую роль в патронировании данного строительства играет Король Франции и Орден Тамплиеров…

- современный вид Собор обретает в 1513 г. с возведением северной башни фасада…

- по некоторым сведениям проявление светоформы Девы было в 1591 г. во время осады Генриха Четвёртого, не исключено, что это сыграло решающую роль при переходе Генриха из протестантизма в католичество (на что указывает и Коронация оного (1594 г.) именно в Шартре, что уникально, так как город сего таинства данной Линии — Реймс)…

- 1790-е — ужас Французской Революции: Катедраль попран и осквернён, уничтожена Чёрная Дева Собора, но чудом уцелели витражи и Вуаль…

- 1836 г. — пожар уничтожает деревянную крышу (Лес стропил) и свинцовое покрытие, однако, чудом Катедраль уцелел в очередной раз; после — крыша металлическая, покрытие — медное…

- 16 августа 1944 г. кто-то решил, что в Соборе засели немецкие снайперы и американская артиллерия получила приказ уничтожить здание; американский полковник Уэлборн Бартон-Гриффит-младший, проявив инициативу, лично проверил Катедраль, обнаружив там отсутствие врага и отменил преступно-идиотский приказ; в тот же день сей герой погиб в бою…

Шартрский Катедраль исключителен набором средневековых витражей (здесь их — самое большое такое собрание в мире, ещё

и сбережённых в отличном качестве); возвращаясь к Катедраль Тура, отметим, что там настолько же драгоценны витражи трёх осевых капелл и набор оных в 15 секциях верхнего яруса хоров…

Есть довольно большие и просто собрания в Сент-Шапель, Бурже, Осере, Ле-Мане, Труа, Лане, Пуатье, Сансе…

Словом, до наших дней дошло не так и много.

Но и не мало…

А витражи, сотворенные до 14 века — особые и драгоценны всеми собою, и качеством, и композицией.

Ренессансные витражи также шедевральные, но большая часть мастерства и связи с его Корнем, утрачена.

После ренессанса в общем уже нет витражей, которые содержат в себе Тинктуру и потому они малоинтересны.

Неким Полюсом всего витражного искусства является величайший Шедевр (приблизительно 1180 года): Notre-Dame de la Belle Verrière.

Процитирую сам себя:

«…Вернёмся, однако, к Notre-Dame de la Belle Verrière, уникальному витражу, Красный и особый Синий которого, получены в результате алхимической операции, основанной на фиксации эманации. То есть, в определённом смысле, в контексте обыденного взгляда на жизнь, он не совсем материальный: в нём, безусловно, наличествуют составляющие осязаемые, обретённые так, что это возможно описать химически, но упомянутые Цвета невозможно найти там так, они — проекционный импринт в чистом виде…

Через витраж течёт свет, но не просто свет, а Особый, окрашенный Свето-Цвет, подобный блистанию самоцвета. Философский Камень видели лишь те, кто смог его обрести, потому: сие тайна великая есть. Заметим попутно, часто Оным, ошибочно называют результат Второй Работы…

Однако, существуют некие Иконы Философского Камня, кои, иногда, при особом воззвании и обращении с ними, могут спроецировать Тинктуру и так инспирировать, практически, посвятить, вопрошающего Гермесов Зов.

Шартрское Окно — одна из таких Икон.

Синий, в рамках данной Традиции, связан с Землёй; Красный, с Огнём; причём, Лестница, здесь, такова: Земля-Вода-Воздух-Огонь; то есть, соединение Огня и Земли сопряжено с таинством Соли и Уроборосом, одновременно.

Редчайшая Вещь…

Обратим внимание, в Notre-Dame de la Belle Verrière, особый Синий (рядом возможно лицезреть и иной, более привычный); тут: Земля иной октавы — Быки Ланского Катедраль намекают на тип "земледелия"…».

Однако, оказалось, не всё так хорошо с Шартрской Иконой Философского Камня, но об этом далее, пока что, немного коснёмся внутреннего разъяснения сути витража как такового, отметив попутно, что ещё имеют место — тайный и внешний уровни.

Итак: Мистерия Витража.

Когда мы созерцаем гениальное полотно ренессанса или романскую настенную фреску, — то воспринимаем отражённый (сущностно: «лунный») свет.

Вообще говоря, человек почти всегда смотрит лишь на отражённый свет, либо должен использовать мощные фильтры.

(потому, вообще образ Света как такового у подавляющего большинства — связан с отражением, мало кто визуализирует по-иному, — порою, важно изменить эту привычку)

Прямо на Солнце люди смотреть не могут.

Созерцая витраж, мы прямо смотрим в направлении на Солнце, но воспринимаем свет преобразованный цветными составляющими этого произведения.

Созерцая картину или фреску мы видим материю, освещённую светом.

Если смотрим на витраж — мы видим свет, модифицированный особой (!) материей.

Витраж: изображение воспринимается в проходящем спектрально модифицированном, свете (при этом, частично свет Солнца рассеян и поглощён самим стеклом витража); картина же — преимущественно изображение, воспринимаемое в отражённом свете.

Итак: под эгидой Луны мы видим нарисованное и изваянное; в режиме Солнца — витраж; Меркурий же — всепронизывающий Звук и общий ансамбль музыки форм…

В Готическом Катедраль есть всё это, причём, приблизительно равнопропорционально, что всецело уникально.

Особо отметим: солнечный свет (здесь: вульгарный огонь), проходя сквозь стекло, созданное в связи с алхимическими операциями и потому обретшее в себе фиксацию некоего Духа, Тинктуры, утончается и особо окрашивается… сопрягаясь с Тайным Огнём…

То есть, смотря на витраж, мы зрим не природный свет, а Сияние, где «Искусство опирается на Природу, — Искусство, опираясь на Природу, превосходит Природу»), то есть — не от мира сего.

По легенде, Мистерию Готического Витража и Тампля узрел аббат Сюжер-Сугерий: он изучал Ареопагитики и созерцал камни-самоцветы.

Он видел Кровь Короля, упавшую тремя каплями на девственный снег, когда тот оцарапал персты о тернии розы.

Дикой розы.

Он слышал запах грозы.

Он зрил чёрные молнии в синем бездонье…

Он предвосхитил зеркало полного доспеха и отражение Северного Ковша на шлеме.

Ключ: на множестве средневековых витражей Христос распят на Изумрудном Кресте.

Он фиксирован в Тайном Огне.

… дело в том, что каждая капля дождя, каждая снежинка, насыщена огнём Солнца и оплодотворена небесным меркурием: они не просто так падают вниз, Зелёная сила растений, мощь весенней росы, свет воспоминаний о Рае… готический порыв горе, прямо из рычания крипты…

Самоцветы. Блеск золота, серебра и ртути…

Золото не тускнеет.

Серебро приглушается временем.

Актуален особо и вопрос природы огня, воспламенения светильника или свечи…

Конечно, готические витражи созерцаются панорамно, целостно; рассмотрение сюжетов и деталей — вторично. Панорамное видение дарует переживание ансамбля метасостояния, по сути, становясь инициацией.

Рассматривание «комиксов» конечно интересно, но находится внутри нарратива и потому относится к внешней, профанной, религиозной сфере.

Правда, порою, даже в деталях сих изображений имеют место инициатические символы, точнее, — общее символическое поле Тинктуры пробуждается всей совокупностью воздействия всех витражей конкретного Храма; всем полем отдельного витражного окна; всем полем каждой картины оного; в деталях…

… возвернёмся, однако, в Тур.

В город и Башни, и Круговорота…

Попробуем приблизительно очертить мистериал сей столицы.

Итак: Крипта.

Пред рекой, пред Луарой, перед Мелюзиной — крипта Святого Мартина (церковь оного довольно новая и потому не содержит концентрации Тинктуры Грааля).

Через реку, по ту сторону Мелюзины, Тампль Радегунды, вырастающий из скалы, весьма древний.

Крипта Св. Мартина и Храм Радегунды — зеркала Первоматерии Тура.

Катедраль и Église Saint-Symphorien составляют отражения Оборотов Колеса.

Musée du Compagnonnage транслирует социальную мультипликацию, вплоть до одухотворённого ручного труда.

Мистерия улиц отражает все циркуляции тонкой пневмы, взяв за основу каскад волос обнажённой Мелюзины ровнотекущей Луары.

Не исключено, что многочисленные Замки вышеупомянутой Реки, исходят из Турского средоточия.

К счастью, всё выше обозначенное вполне возможно конкретно ощутить созерцая Меленский диптих (приблизительно: 1450 г.) Жана Фуке, правда, придётся съездить в Берлин и в Антверпен, ибо его половинки находятся там.

Сей диптих — ещё одна икона Философского Камня, причём, она манифестирует не только Архэ, но и зеркалит Тур, тоже как Икону Камня, правда, в специфике операций, на которые намекают различные интерпретации и коннотации подразумеваний названия града сего…

Закон Смешанных так и влияет: почему-то половинки диптиха Фуке в разных городах… а теперь, самое время поведать грустную историю об утраченном Знании — речь о шартрском Notre-Dame de la Belle Verrière.

С этой же темой связан Страж Порога.

И: Закон Увядания Цветов.

Цепь «случайных событий» приводит к фоновому просмотру «под пиво» некоего так-себе-док. фильма о Шартрском Соборе: среди прочего занудства и наукообразного менторства вдруг

проскакивает информация, что самый драгоценный витраж был существенно изменён некой реставрацией.

Резкий порыв хлада сечёт по цветам состояний, волосы встают дыбом, что довольно точно маркирует интуитивный скан инфернального дуновения.

Берусь за изучение вопроса.

Результаты не радуют.

В 1906 году некий «реставратор» по фамилии Годен, работая с упомянутым витражом, «восстанавливая» его, внёс ряд изменений, худшее из которых — переделка выражения лица Девы и придание наклона голове, ранее — по-романски иератически центральной.

При этом, позиция у Дитя-Христа осталась нетронутой.

Появилась сентиментальная «человечность», которой ранее не было и в помине.

Удалось найти два рисунка, отражающих исконную форму до «реставрации»; к тому же, в хорах сего Катедраль есть витраж Девы-Дитя периода, близкого к аутентичному Notre-Dame de la Belle Verrière: там все чётко и центрально.

Дело в том, что переделанное чело в его «человеческом» наклоне выражает Транзитное, быть может, даже в нисходящем аспекте; аутентичная центральность есть Фиксированное, которое ещё акцентировано взлетевшими симметрично в высшую точку двумя кадильницами (кои обозначают Возгонку)… им также целостно соответствуют Жест Меча и Открытая Книга Дитя-Христа… нисходящий Голубь Духа Святого над челом Notre Dame.

Почему Годен совершил такое преступление?

Ответов может быть несколько: либо (осознанно или под инспиративной атакой) исказил Свет Камня, так сотрудничая с инфернальными силами, либо — сокрыл то, что стало слишком откровенным для столь профанного времени.

Всё-таки, шартрские витражи всецело особенные… да и сам городок ощущается как бы просвеченным насквозь, пронзённым особой самоцветной радиацией, из-за чего тут всегда праздично, спокойно и неутомимо.

Не исключено, что витражное чудо Шартра сопряжено с мистерией цвето-свето проявлений Девы.

Возможно, структура средневековых витражей дана в видениях того, что Европа уже давно забыла, а тибетский буддизм сохранил в учениях Дзогчен в связи с самопроявлениями энергии Ролпа…

Дело в том, что если мы хотим увидеть нечто в видении, то имеют место концепции, воля и время, — Ролпа же есть спонтанный акт вне намерения и вне усилия.

Похоже на то, что групповые видения, описанные средневековым наследием, сохранённые в предании, как раз и связаны с необходимым изначалием всецелого положения на божью волю, то есть — с аутентичным расслаблением «блаженны нищие духом»; с многочисленным ансамблем зеркал (синхронизированных в одном поле так сделавших особых людей); с "терма"-важным-артефактом (как то: Вуаль Девы)… и так далее: в результате, спонтанное проявление Ролпа и чудо видения как плод.

Как правило, такая манифестация в корне изменяет ход трагического события, разрывая Колесо Фортуны и даруя разрешение ситуации.

Не исключено, что рыцари в эпоху Крестовых Походов встретили особую Передачу, которая подвела неких операторов к созерцанию чудес Ролпа, что и стало истоком особого витражного искусства, кое как раз и передавало манифестацию Ролпа; со временем, сие утратили как и потеряли многие околоалхимические секреты создания витражного стекла…

Кто знает: быть может, вершина истинной европейской цивилизации — эпоха Готических Храмов?

Всё указывает именно на это.

Итак, пребывая в замечательном граде Тур, совершая пилигримский тур по местам фиксации Гнозиса и пневмы-эликсира Грааля, как уже было описано, прихожу в Храм-крипту, что на другом береге здесь сонной Луары, а именно — в Тампль Радегунды.

Здесь нет никого.

Только звон прозрачной Первоматерии.

Лестница в пещерную келью, закрытые двери в другие места операций…

Некий упомянутый звон тут более ровен и обладает океанической мощью, словно Атлантический Океан бьёт во всё и насквозь…

В шелесте сих белейших листьев приходит свиток Трактата, коий пересказывается, а по следам Устной Передачи Orsa Flumen записывает.

Вот данный текст:

«Прозрачный Трон.

Речь пойдёт о состоянии, в котором мы, люди, как правило, не пребываем просто так. Наша привычная ситуация в социально-природном контексте связана либо с суетой, либо с сонным состоянием: не так просто, если вообще возможно, найти человека, который просто так, сам по себе, например, сидит и пребывает не в тупости, не спит, и не суетится. А ясно присутствует.

То есть, пребывание в таком состоянии возможно, но, если не обучить распознаванию сего, пестованию, фиксации и мультипликации, а также, очищениям, то сказочные возможности блаженства, покоя и удовлетворённости так и останутся навсегда сокрыты и только в потенции.

Состояние, о котором идёт речь, можно совмещать с определёнными жестами, с модуляцией состояний, с рецитацией слов Numen; можно, и даже желательно, пробовать входить в оное перед и после сна, среди дня, перед едой, перед соитием… Каждый раз неким образом чем тоньше модулируя себя, то есть, создавая такие условия, которые просто так бы не возникли и не привели бы к Возгонке…

Поскольку обычные люди (речь не о суждении, а об описании доминирующего горизонта оперативности антропности) об этом ничего не знают и этого не делают, тех, кто пробует это практиковать, вполне можно считать преодолевающими, определённым образом, человеческое в себе в сторону большей особой расслабленности (которую, заметим, не стоит путать с тупостью и

вялостью, ибо наличествует ясность) и ясности, то есть, здесь: божественности.

Даже — Божественности.

Это своеобразное расслабленное нечеловеческое ясное состояние в контексте Западной Традиции известно, говоря одним из наиболее доступных языков, как проявление ангелической модальности, когда человек, сие в себе пестующий, уподобляется Тамплиеру, Храмовнику, взращивающему в себе и сквозь себя некий Храм.

Прозрачный Хрустальный Храм.

Так, проявляется наш Центральный Даймон — Божественное Нечто.

Ибо Нетер, Даймон кота — Великий Кот, соответственно и у остальных животных… тогда как у человека центральный эссенциальный Даймон не «Великий Человек», а Божественное, с которым можно в той или иной степени объединиться, которое можно в той или иной мере, распознать… и на этой основе совершать ряд операций.

Итак, зададимся для начала вопросом, когда вообще мы достигаем сбалансированности. Оную, то есть некую, ту или иную, удовлетворённость, может принести посещение Храма, общение в любовном контексте с возлюбленной или, симметрично, для женщины, возлюбленным, может — и чтение прекрасной, вдохновляющей книги…

Но так или иначе, во всех этих и подобных случаях, нам нужен кто-то или что-то, мы не можем, в упомянутых контекстах, достигнуть удовлетворенности сами из себя. Нам нужно нечто внешнее по отношению к нам. В состоянии же, о котором идёт речь, можно просто пребывать и ничего внешнего для этого не нужно.

Ещё одним примером может быть обучение Воинскому Искусству, или, шире, любому другому уникальному навыку. Посмотрите на тех, кто занимается паркур, на цирковых акробатов… Безусловно — их навыки поражают.

О чём это говорит нам в контексте затронутой темы?

Пожалуй, прежде всего, о том, что постоянно повторяющиеся в одном русле искусные действия могут привести к невероятному изменению собственных умений, свойств и состояний.

То есть, речь об упорстве и постоянстве в деле изменения себя по аналогии с приведёнными примерами.

Здесь, обратимся к одной из основ Алхимического Делания, то есть — к Операциям Возгонки.

Это создание условий, где тело своим состоянием не влияет на наше настроение, ощущение себя. Наоборот, модуляция внутренних состояний приводит к тому, что мы не чувствуем себя плотно- и тяжело- телесными.

Есть тут и один секрет: как бы некий минеральный предел нас — кости, кои соответствуют одноимённой душе, пестование Прозрачного Трона особо включает скелет как некую хрустальную крипту, жизнь струящаяся в нас обретает некие оси и остов упо-

коения на самом себе… в Уроборосе, Верхнее и Нижнее как бы сопрягаются особо, так и в Камне, а кости, опора на них, тайно связаны с растворением материальности и с манифестацией наивысшей составляющей души, духа — сего прозрачного изотропного созерцания Огдоады… ведь и самоцветы содержат в себе свет далёких светил, хотя и спрятаны в недрах земли.

(собственно, потому одна из основ умения вести рукопашный бой — быстро разрушать опорно-двигательную структуру (то есть, ломать кости и суставы, рвать сухожилия): базовый навык в атаке либо контракте — разрушить опорно-двигательную структуру подряд в 2-4 и более местах, как бы убивая движение из-за лишения связности и опоры)

Вообще говоря, тело, для подавляющего большинства есть источник перманентных страха и тревоги, и жажды, ибо оно ресурсозатратно, хочет пить и есть, etc.

Да, мы не равны телу, но если мы проживаем это всё же как равенство, то и ощущаем себя плотными и тяжёлыми. А любая травма, болезнь или тяжёлая болезнь, тем более постоянные и необратимые процессы и состояния, ещё более усиливают это неблагое и несвободное состояние.

С другой стороны, что немаловажно, всем нам известны и лёгкость и прозрачность, то или иное вдохновение, радость, и относительно меньшая материальность тела в опыте неких переживаний. В том числе, именно поэтому и для этого, многие употребляют наркотики, алкоголь и т. п. (что, конечно, в конце концов приводит к большой беде).

В Готике, в частности, есть определённый канон передачи Искусства Возгонки, когда изображают — в том числе — над той или иной фигурой на фасаде или в интерьере Храма — множественные треугольные, острые формы, всё более и более утончающиеся, так что возникает явственное ощущение некоего восходящего триангулированного Огня.

По факту, сие — некая ниша и статуя в ней (акцент Присутствия), но взятые в объятия восходящего минерального Пламени.

Практикующий, в принципе, старается держаться в модусах Возгонки постоянно…

В тибетских йогических буддистских практиках в данном контексте речь шла бы о Тонра, особом нематериально-прозрачном состоянии тела.

Считается, что практикующий тибетскую буддийскую йогу перед началом той или иной практики (а лучше, вообще всегда) или напрямую и непосредственно ощущает и переживает прозрачность и нематериальность своего тела, или же просто считает себя таким, представляя, соображая как может, сие, и тогда, как считается, он может рано или поздно что-то реализовать…

В Воинских Искусствах и Алхимии в этом контексте речь идёт о Ключе Воды и Воздуха (вместе, Текучее и Летучее, Вода и Воздух, в Алхимическом Делании, порою, называются Меркурием).

Все движения совершаются словно в воде приятной температуры, как правило, тёплой, и тело как бы поддерживается нею.

Отсюда, субъективно не чувствуете вес тела, оно словно теряет материальность. В этом, кстати, один из сущностных ответов на вопрос, почему людям так нравится купаться и плавать: нечто в

них, назовём это душой, помнит состояние вне грубой и жёсткой материи и хочет его возобновлять, в том числе и даже в казалось бы вполне бытовых контекстах и привычках.

Постоянная привязка к Сфере, к Миру Закипающих Сфер, медитативные шары в суставах, представление нитей, идущих из пальца в палец, на которых словно подвешено нематериальное тело, подвешенность макушкой к Полярной Звезде, — всё это даёт эффект взвешенности и подвешенности, пребывания всюду и нигде.

Итак, всё это вышеописанное, в Вечном Сентябре, называется состояние Прозрачного Трона.

У такого рода состояния могут быть разные, несколько отличные друг от друга, интонации.

Например, если состояние более однородное, имеющее некий акцент на прозрачности и переживании пустотности всего, речь пойдёт о доминирующем оперативном переживании Огдоады.

Если же нечто клубится, и ощущается это клубление и вокруг и, одновременно, внутри и сквозь себя, вплоть до того, что оператора может даже пошатывать — речь идёт больше об аспекте Проявления, то есть, Эннеады…

Конечно, есть недвойственность 8 и 9.

Само по себе, тело либо имеет тенденцию засыпать, либо — суетиться или быть под жёстким контролем. Это всё — модуляции, усиливающие грубую материальность.

Здесь же, в Прозрачном Троне, создаётся как бы Атанор собственного существа.

И если этого не объяснить специально, человек не попадёт в такую ситуацию и не распознает, а значит не сможет совершенствовать и закрепить то, что просто так не проявится — весь каскад энергий и состояний, связанных с тем, о чём речь.

Оператор садится, не опираясь спиной на спинку стула или табуретки, так, чтобы таз, в идеале, не был ниже коленей. Садится не глубоко на стул, а на краешек оного.

Если практикуете стоя, ноги не прямые, а немного подсогнуты.

Впоследствии, когда есть устойчивое состояние дематериализации — можно и лежать, оно никогда не теряется. Но если это базовое исполнение, или если не имеете такой устойчивости, а больше воображаете означенное состояние, тогда лучше формировать прозрачное тело, делая, как описано.

Смоделировать ещё один ключ возможно, например, через опыт висения в гамаке или, вообще, той или иной подвешенности, в том числе можно вспомнить и качели, так как всё это — память о той Родине, где мы не ограничены плотным и грубым телом.

Речь, таким образом, о субъективной дематериализации.

Люди же, в основном, заняты обратным — они носятся с телом, тем самым, делая его всё более плотным и ещё более материальным (в своей оперативности)…

Понятно, однако, что мы всё равно тело потеряем.

И если за жизнь человек не распознал свое неравенство телу, то есть, он не знает себя в ощущении себя-вне-ассоциации-с-телом, после и во время смерти, скорее всего, у него, или неё, шансов благо пройти сии процессы, практически нет.

Если же сие неравенство своему телу, хоть как-то распознано, то есть, распознано, что тело не есть мы, то, при всей негарантированности чего бы то ни было (утверждая что-либо о посмертии, лучше всего говорить об этом как о Великой Гипотезе, каковая фраза встречается в одной из книг Джаммарии, герметического философа из Генуи), по всей видимости, какие-то шансы всё же есть.

То есть, даже если там, за порогом смерти, ничего нет — от менее материального, менее плотного ощущения себя и так, в обычной жизни, огромная польза, так как становится меньше напряжений и конфликтов, мы более сочувственны ибо тело, как точка сгущения и страха, заботы, тревоги — всегда опора для гордыни. Т. е. чем больше человек привязан к телу, тем больше он эгоцентрист, а значит, тем более, пропорционально сему, его мир утопает во зле и в напряжении.

Чем менее мы ощущаем себя грубо материальным (при этом не теряя социальной и поведенческой адекватности), тем более душа разливается шире тела, а оное становится её частью.

Тело растворяется в душе.
Тело — в душе, а не душа в теле.

Так или иначе, мы можем распознать состояния, где мы не равны телу, а значит, у нас может расти опыт, где мы — при углублении в это – переживаем себя вне формы.

Сквозь форму.

… что касается всего массива нашего внетелесного опыта — сны, воображение, медитативные переживания и так далее — то, о чём бы ни шла речь, всё это мы переживаем, всё-таки, имея тело. Однако, даже если мы верим в Учения о пост-мортем, следует помнить, что нельзя верить безоговорочно, наделяя передающего Учение или то или иное Знание непререкаемым авторитетом — это, путь к жесточайшим духовным ошибкам и духовному, а также телесному и энергетическому насилию…

Итак: мы не верим безоговорочно, но допускаем, что нечто, что описывают Учения относительно посмертных состояний, может быть.

Но даже и помимо этого, у всех у нас есть опыт причины и следствия. Исходя из него, понятно, что, умирая, мы так или иначе, безотносительно того, что после, теряем тело.

Это бесспорно.

То есть, если мы имеем опыт распознавания себя вне связи с формой, то система связей тревоги и заботы будет хотя бы нарушена и ослаблена. Большинство же, полностью и всецело рабы своего плотного и тяжёлого тела, что прекрасно изучено власть имущими и используется их обслугой в целях управления.

Накопление же опыта распознавания себя чем менее материальным, делает человека менее управляемым, он лучше научается распознавать обман и манипуляции.

С привязанностью к форме прямо связаны и вопросы болезненного переживания потери свойств тела, в том числе в связи со старением. Но сущностная энергичность и бодрость выходит за пределы ограничений возрастом и, применительно к пожилому возрасту, связана как раз с выходом из рабства у формы.

Вообще говоря, здесь, как и везде, есть два подхода.

Первый, оператор делает нечто из страха за тело и хочет силы. Второй — наслаждение самим процессом.

Если быть предельно честным с самим собой, то, как правило, есть либо первое, либо сочетание вдохновения и страха.

Сие лучше, необходимо, признать, хоть это и неприятно, так как только признав, можно начать от данной проблемы как-то освобождаться.

В Прозрачном Троне, есть два направления, две линии.

Первое из них, «лабораторное». Атанор, Посуда, Сосуд в данном случае — само тело.

Оно принимает ту или иную позу, сидя на стуле или табуретке, или на иной подобной опоре (тогда речь о позе «Колокол»); или же, это может быть поза «Лотоса», или скрещенные «по-турецки» ноги, или сидение на коленях — поза «Гора».

Главное условие остается одним и тем же: опираться тело должно только на само себя. Иначе, если есть опора, — это равно-

сильно ощущению Бога как чего-то внешнего, что в принципе возможно, но лишь если параллельно ощущать присутствие Бога в Центре.

Есть либо Тождество с Богом, либо Триангуляция, то есть динамика к оному, примером чего является христианство. Двойственность же, когда Бог ощущается «где-то», ведёт к тому, что «где-то» есть и люди, которые знают, как правильно жить, и расскажут об этом вам — политики, лидеры сект, et cetera.

А значит, если нет Бога в Сердце — будет Двойственность, то есть Дьявол, и оператор, двойственно разделяющий себя и Божественное, есть по факту оперативности сатанист. Именно поэтому и важна базовая практика без опоры тела спиною на нечто внешнее — во всяком случае, в тех ситуациях, когда ещё нет фиксации состояния Прозрачного Трона.

При этом, однако, сидеть следует без напряжения, живо: не теряя связи с контекстом места, где сидишь, не каменея, не усиливая духовную гордыню, не контролируя тело грубой волей, когда нет открытия Цветка и Дарования, Щедрости.

Итак, ощущаете некую естественную лёгкость и подвешенность, нет острых, сильных переживаний, глаза открыты и смотрят разверсто без напряжений в весь объём пространства.

Мысли созерцаются и проплывают облаками в безбрежном небе ума.

Проявляется некая интонация вне усилий и намерений…

Оператор словно подвис: это и есть Первоматерия данной практики.

В идеале, всё стараетесь делать именно так — работать, есть, пить, водить машину… Но: это вторая линия, первая же, лабораторное сидение в Прозрачном Троне длительностью от 20 минут непрерывно, каждый день.

Если не занимаетесь лабораторным Прозрачным Троном — вспоминаете состояние, представляете его, или конкретно распознаёте его в другой деятельности.

Важно делать эту практику в ключевых точках актуализации себя как животного. Проснулись — сразу, актуализируйте это прозрачное состояние. Перед сном — то же самое. Лучше при лабораторном сидении всё же именно сидеть, хотя можно и стоять. Проще всего сидеть на стуле в позе «Колокол».

Перед едой, соитием, в процессе воинских тренировок…

Если не совершаете длительное сидение, то для актуализации этого состояния в повседневном быту, перед вышеупомянутыми бифуркационными узлами жизни, необходимо, поймав сию подвешенность, провести в оной минимум три дыхания, ибо меньше этого, она не актуализируется оперативно.

Итак, минимальная практика — оператор вышел из суеты мира, актуализировал состояние Прозрачного Трона — и не сразу пьёт или кушает (например), а распознаёт состояние вне жажды, то есть — «могу делать, могу не делать» и только потом в данной освобождённости удовлетворяет природные потребы тела.

Сон, еда, питьё, сексуальная активность — оператор не бросается в это очертя голову и забыв обо всём, потакая своей телесности и животности, а актуализирует ту Прозрачность, о которой речь, причём чем более естественно и с чем меньшим волевым контролем и усилием. Сии операции не должны быть заметны окружающим и привлекать их внимание.

Оператор наблюдает — впрочем, опять же, по возможности, безусильно, — за тем, чтобы сие не превратилось в процедуру. Крайне желательно избежать догматизма, ведь критерий не формально выполнить практику, а получить иное состояние своей композиции: так, оператор начинает знакомиться с той частью себя, которая иначе не проявилась бы никогда.

Именно эта часть как раз и может совершенствоваться. Не пробудили её — социальная составляющая человека имитирует духовный Путь в контексте соответствующих ролевых игр.

Если же, даже без рецитаций Слов Numen той или иной Традиции, оператор просто входит в Прозрачный Трон как в Первоматерию, он получает другую судьбу.

В некоторых контекстах это и есть «спуститься в Пещеру и найти Сокровище», «войти в тайную Крипту секретного Храма»…

В среднем, желательно, совершать Прозрачный Трон не менее 20 минут ежедневно.

И тот, кто выращивает в себе это состояние, словно Храм, кто его сохраняет, очищает, закрепляет — тот и есть Тамплиер или Храмовник.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ».

Почитали мы Трактат сей… что ж, текст в общем неплох.

Но.

Всё это требует особой жизни Чистого Сердца, что в обычном бытийствовании часто обозначают добротой и любовью.

Итак: Крест Сердца, или жизнь эликсира Тайного Огня.

Если он есть, тогда все перипетии судьбы — лишь перегонные кубы различных операций.

Многое в контексте духовных путей и практик сложно проверяемо и часто берётся на веру. Однако, есть нечто, в успехе чего можно быть всецело уверенным: это однозначно облегчит жизнь, поможет при уходе из неё и (ежели есть посмертные вояжи любого рода) — даст благо и там.

Северная точка — Равностность.

Южная — Добросердечие и Любовь, Золотая Роза.

Запад — Сострадание.

Восток — Сорадость.

Центр — Эссенция, то есть — Эликсир, Роза.

Обычным людям в тривиальных контекстах редко известна обширная равностная Любовь, — они испытывают направленную любовь, которая неизбежно становится привязанностью. Та, в

свою очередь, окружена страхом потерять, и порождает ненависть ко всему, что может разлучить.

Страсти сии лишают и сил, и ясности.

Мирская любовь, как правило, сопряжена с кровно-родственным эгоизмом, что ещё более усиливает ансамбль проблем.

Равностность — не тупость. Не безразличие. Она всегда промыта свежестью и ясна, в ней нет догматизма, занудства и сонливости. Дабы её распознать, необходима уже реализованная определённая субтильность.

Равностность сферична. Она опресняет приторный вкус привычного вульгарного удовольствия, превращая его в прозрачно-эфемерное блаженство вне привязанности.

В идеале.

Если нет Равностности, добросердечие, любовь, сострадание и тому подобное неизбежно превратятся в привязанности, страсти, в объектное возбуждение автоматической эмпатии (которую так часто используют для порабощения всевозможные секты и власть имущие).

Эмпатия, вообще говоря, слепое суетное импульсивное объектное реактивное чувство, конечно, в чём-то лучше тупого бессердечия, но из-за отсутствия в нём ясности и чистоты, мудрости различения, Равностности, часто приводящее к множеству бед.

Сентиментальность инфантильна, хотя многим кажется близкой к доброте, но на поверку, она, напротив, хотя и обладает некой мягкостью, ведёт к мутности и суете, как раз и не давая совершать добрые дела; она лишь выглядит, порою сочувствием, сердечностью, плоды же — всегда плохи, ибо лицемерны, фальшивы и в объятиях страха.

Итак: вход в Крест Благородного Сердца, в этот Эликсир, в истинное Вино Нашей Любви, идёт с Севера, через Равностность.

Всё более улучшающиеся попытки всем без исключения желать блага, а не только своим.

Пневматически: это актуализация Сферы, рассеивание коридорного векторного сопряжения с объектами восприятия. Обширность, имеющая отношение к Миру Закипающих Сфер.

Равностность — это расслабленная ясная открытость и обширная ровность, конечно, связанная с покоем и расслаблением.

Равностность — эхо Огдоады в Живом Кресте Сердца.

Юг — это Добросердечие-Любовь, основной энергийный аспект. В Вечном Сентябре — Золотая Роза. Это актуализация Золотого Века настолько, насколько хватает способностей. Здесь же, в сопряжении Равностности и Любящего Добросердечия живёт истинная справедливость как присутствие Астрейи, соответствующего Нетер. Дело в том, что вульгарный мирской контекст знает справедливость лишь через боль несправедливости и потому, по сути, там — зависть и ревность; настоящая Справедливость живёт лишь в блаженстве и в расслаблении, реализуется посредством поля Любви…

Добросердечие — это и тепло (оно согревает) и свет, коий освещает. Оно — улыбающиеся глаза.

Красота, переживание прекрасного, априорное добросердечие ко всем живым существам, также относятся к Золотой Розе сего полюса.

Первый посыл ко всем существам — тепло и доброта, что, впрочем, не отменяет мудрости различения и Равностности, ко-

торые дают ощущение чувства меры, что связано с Маат (и с мистерией Изумрудной Розы).

Вне Добросердечия Равностность не жива, вне Равностности нет истинного Добросердечия.

К примеру, материнство. В подавляющем большинстве случаев, мать жертвенно любит своих детей, но может быть совершенно черства к чужим, или к другим людям, зачастую легко и без особых терзаний принося в жертву ради своего чада вообще кого-либо.

На основе естественного для социо-культуры вульгарного добросердечия, обслуга власть имущих дрессирует людей в объектной реактивной эмпатии, которая как раз и приводит к импульсным действиям вплоть до «ярости благородной по отношению к врагу», и в результате одни «хорошие и добрые люди» убивают других «хороших и добрых людей» и наоборот.

Сорадость и Сострадание — это как два крыла вышеописанных Севера и Юга.

Сорадость противоположна зависти и ревности, она растворяет яд эгоцентричности и соревновательности. Сорадость, эманируемая к людям лишь укрепляет человеческое измерение блага, интонируемого на восхождение к божественному.

Однако, следует быть аккуратным и в мудрости различения меры по отношению к инфернально захваченным нелюдям, такие, к сожалению, есть, — конечно, порою, экстеоретизация блага исключительно сильным оператором в сердце такого инфернальника, порою, может и сокрушить оного, доводя до раскаяния,

но для этого необходима очень высокая реализация вкупе с некими условиями; большинство так не могут, и потому, они скорее спровоцируют агрессора на акт насилия; потому, следует быть и воином, дабы мочь держать спокойную дистанцию к инфернальнику (например, преступнику, могущему убить), а при необходимости, быть способным применить конкретное насилие, вплоть до ликвидации хищника.

Но совокупность таких навыков и возможностей не должна заглушать общее поле Благородного Сердца, что и есть — Рыцарство.

Отметим особо: здесь «нелюдь» — не онтологический статус, а проявляемая оперативность человеческой транзитности, как только она рассеяна, живое существо возвращается на родину базовой человечности.

С другой стороны, нельзя дружить с инфернальными силами (ибо: подобное-к подобному), но Сострадание (важно: не векторное, а всеохватно-сферическое) направлено и на всех духов ада, а также, эманация Равностной Любви (но, ни в коем случае не эмпатии).

Векторное, лучевое, направленное чувство любой характеристики, обращённое к инфернальной сущности, всегда есть для неё возможность захвата того, кто это делает; со сферической радиацией Цветка Гнозиса и Любви, инфернальник не может ничего сделать. Правда, может не хватить силы и с ним что-то сотворить, но оператор так более-менее неуязвим.

А это значит: отсутствие личной заинтересованности, свобода от жажды победы и страха поражения, незаинтересованность в славе, безразличие к хуле…

Сострадание — противоядие от тупости и от окаменения сердца, а также — от страха и зацикленности на себе. Оно означает то, что мы замечаем страдания других существ (не только людей) и мы делаем, то, что реально можем, чтобы их не было или чтобы уменьшить насколько получается.

То есть: страдания, в идеале и в Истине, нет, потому — не должно быть.

Страдание присуще несовершенному.

Там, где тотальность объединения с Истиной — страдания нет.

Сострадание — эхо Истинного Состояния, находящегося в самом средоточии нашего Сердца.

Важно дабы Сострадание было сферическим, не избирательным и равностным, причём, не только к людям.

Жалость не есть Сострадание и она основана на гордыне и власти, либо — на сантиментах.

Чужое страдание пеленгуется Состраданием, далее, если это возможно, следует аккуратная и уместная помощь, либо — если нет, происходит расслабление со-боли в сферическом эликсирном пребывании.

Сострадание, пневматически, означает оперативное прозрачное тело, у которого нет чёткой границы, конкретного края (!): мы продолжаемся как бы бесконечно, подобно звуку.

Когда мы поём звук, мы — Сфера и обнаружить её чёткий край невозможно.

Это и есть Сочувствие, а в контексте боли другого — Сострадание.

Итак: в Сердце Креста — Эссенция, Вино Нашей Розы.

Север — Равностность; Юг — Любящее Добросердечие; с Востока и с Запада — крылья Сорадости и Сострадания.

Эти Четыре — одновременно и открытие Эликсира в пространство, и — реки, впадающие в Озеро Квинтэссенции.

Конечно, пристрастное сострадание и привязанность «доброго» сердца лучше жестокости, бесчувствия и агрессии, но профанная «доброта» не мудра, она акцидентна и потому ведёт ко злу.

К боли. К страданию.

Так или иначе.

Потому, Знание Креста Благородного Сердца, его открытие, пестование, очищение и мультипликация — драгоценны.

Это и есть суть Рыцарства.

Не менее важна тройная сохранность Атанора, ибо, иначе, не будет в чём пребывать Эликсиру Сердца и далее ему совершенствоваться на благо всех.

Три сохранения, это:

- ум-разум…
- энергия-настроение…
- тело…

И тут: выйди Сухим из Воды…

И: Влажным из Огня.

Гексаграмма: далеко не только евреи.

«День промыт, как стекло…»

Только этого мало?

Разве этого мало?

Итак, машина по упорядочиванию лингвистических связей записала под диктовку текст, который, всё равно пришлось исправить и он даёт ряд алгоритмов Входных Врат, которые, конечно же требуют аккуратной экстраполяции в ситуацию конкретного человека, без догматизма, с учётом, что жизнь всегда объёмнее любой схемы.

Итак, текст:

«1. Охрана ума (разума). Не сойти с ума, не войти в безумие. Память, способность к концентрации, способность к однонаправленному сосредоточению, здравость и трезвость суждения, владение логикой с последующим её превосхождением в контексте интуитивной возгонки. Хитрость — расшифровка хитрости: способность войти пониманием в любую систему тех или иных идеологических представлений без отождествления с ними, провести анализ, выйти. То же самое — лёгкая способность разбираться с любыми концептуальными рядами, либо обучаться этому разбору там, где не хватает компетенции. В общем и в целом это способность проявлять здравость и трезвость мысли, что должно быть проверено бытом, в быту, в том числе в ситуациях, выходящих за зону обычно освоенного комфорта. То есть в некоторых экстремальных условиях также это должно быть хоть как-то проверено. Имеются в виду, например, походы в горы, какая-

то местность без обеспечения технологией, нетехногенным горизонтом цивилизации, взаимодействие с представителями разных социальных слоёв, способность разобраться, ментально понять современное техногенное общество в той или иной степени, способность взаимодействовать с современной техникой и тому подобное. Способность расшифровывать манипулятивное воздействие со стороны, возможность видеть самого разного рода обманы и манипуляции, умение наблюдать свой ум, не отождествляясь с ним, наблюдать мысль мыслимую, понимать, осознавать и оперативно проявлять такую способность, как распознавание иллюзорности мысли, то есть не подменять реальность своими мыслями, понимая, осознавая, что то, что мы видим и то, что нам кажется, — это, в общем-то, наши мысли, а не реальность как таковая. В результате нераспознавания иллюзорности мысли могут быть ошибки, которые надо уметь исправлять, и вообще, проводя операции размышления и тому подобного, всегда нужно иметь в виду неполноту этих качеств и свойств, то есть ограниченность ума в его постижении макро- и микрокосма, но, тем не менее, всё лучше готовить этот инструмент и всё адекватнее его применять, при этом проверяя в тех или иных конкретных операциях, то есть делая, совершая определённые дела, поступки как в одиночку, так и групповые, всё больше познавая мир, в том числе интеллектуально, концептуально, но и постепенно выходя во всё более тонкие режимы наблюдения своего ума, например, возможность видеть разного типа мысли, например, тяжёлую мысль, лёгкую мысль, мимолётную мысль, жёстко фиксированную мысль, мысль, насыщенную эмоциями, ощущениями и так далее и тому подобное… Но генерально всё сводится к способности не быть дураком, не быть лохом, не сойти с ума и не потерять

основные качества и свойства, имеющие отношение к хорошей памяти и способности к направленной концентрации, которая является основой любого понимания.

2. Охрана тела. Не покончить жизнь самоубийством, не разрушать своё тело. Если есть возможность, не помещать тело в те условия, где оно может стать инвалидом, либо получить другие уроны и изъяны, которых можно было избежать (например, поездка добровольцем на войну). То есть здесь в первую очередь рассматривается тот факт, что осознанность и жизненность — это две стороны одной медали. И потому постулируется ценность тела как способа фиксации наших более тонких составов, а значит возможности претворять путь, изменяя свойства и качества души по восходящим Возгонкам. Потому что если тела нету, то человек мёртв, и непонятно дальше что. Потому жизнь в теле, при всех нюансах акциденции тела и его негативного, в том числе, влияния на более тонкие составы, всё равно, генерально, — тело является ценностью.

Дальше: если человек заболевает тяжело или становится калекой, то телесность начинает доминировать, потому что слишком много нужно преодолевать, чтобы просто выйти на уровень обеспечения обычных потребностей жизни, и чем тело наше более инвалидизировано, либо заболеваниями, либо инвалидностью, какими-то травмами, тем больше оно тянет на себя внимание, тем больше оно проблему из себя представляет. Понятно, что никто ни от чего не застрахован, но тем не менее в жизни не так мало ситуаций, где мы можем всё-таки контролировать эти процессы и сохранять своё тело, а не получать тяжёлые травмы или

серьёзное заболевание. То есть актуальна осознанная, аккуратная и в то же время бодрая жизнь, но с учётом того, что тело уязвимо, разрушимо; соответственно, делать так, поступать так, среди прочего, чтобы минимизировать серьёзное разрушение тела, при этом не обращая внимания на мелкие проблемы с ним, которые будут всегда. Точнее, в разуме и в доступных возможностях попутно решать эти мелкие проблемы, но тем не менее не быть уловленным самой модальностью постоянной заботы о теле. Идеальное состояние, когда тело как бы растворено. То есть оно достаточно сильно и эффективно как инструмент, то есть им можно зайти на гору, спуститься в какую-то пещеру, отбиться от агрессора, ещё что-то в этом роде… — то есть оно не мешает, оно не обуза. В то же время тело не перетренировано, то есть не выделяет слишком ультимативных требований к своему обеспечению и не формирует чрезмерное перевозбуждение (что мы часто наблюдаем у спортсменов), которое полностью обуславливает деятельность души и не даёт сопрячься ей с духом. Таким образом к телу применяется принцип срединного пути: с одной стороны оно тренируется так, чтобы быть удобным инструментом, с другой стороны оно не должно оказывать своими прихотями и жаждами влияние на душу и на высшую суть души, то есть на рациональную часть, то есть на ум. Тело становится как бы растворенным, прозрачным, удобным, приятным, и в общем и в целом происходит такая форма распределения в окружающей среде, чтобы тело было сохранено. И потому эту функцию на себя берёт и разум, и интуиция, защищая тело от тех возможных посягательств, которые ему навязываются либо давлением, либо манипуляциями со стороны власть имущих и других заинтересованных, в улавливании судьбы человека, структур.

3. Охрана энергии-настроения (чувственной части души). Главное здесь — не подвергаться депрессии, то есть унынию. Депрессия — это не только заболевание и не столько заболевание, сколько отсутствие Огня в жизни. И когда, конечно же, уже развито это состояние, с ним бороться сложно. Но вход в депрессию — это всегда небрежность человека к своему внутреннему миру, его попустительство, отсутствие вдохновения и прочих подобных вещей. То есть, другими словами человек сам входит в депрессию как в некое самоубийство своей энергии. Здесь под энергией мы понимаем модальность настроения, то есть чувственно-душевного горизонта, самоощущения. Таким образом, мы постоянно в современном мире подвергаемся стрессу, и это следует учитывать и надо делать ряд операций, перевариваю-щих, пережигающих этот стресс. Но это совершенно не означает, что мы беззащитны перед депрессией, то есть унынием. Уныние — это личный выбор пассивной, объектной, слабой души и разума. Другими словами, депрессия не обрушивается на человека, а он сам выбирает войти в это состояние из-за самопотакания, жалости к себе, либо наоборот — чрезмерной безжалостности к себе, то есть отсутствие срединного пути, отсутствие творческого вдохновенного бытия и приводит к депрессии. Но всегда есть возможность, особенно на начальных стадиях, обернуть это вспять. То есть когда человек контролирует свои меланхолические состояния, а это в его силах, то он может предотвращать самоубийство души. Как есть самоубийство тела, к которому человек может привести себя, либо прямо, либо косвенно; как есть самоубийство разума, называемое безумием; — так и есть самоубийство чувственной части души, то есть энергии, и это есть депрессия и уныние.

Данная проблема не то, что с человеком случается, а он типа бедный и несчастный. Это — выбор человека быть в унынии и этот выбор ведёт к смерти. К смерти сначала души, а потом и тела. Сию тему необходимо постоянно контролировать, постоянно держать руку на пульсе, не давая себе проваливаться в депрессию и уныние. Это возможно и базовыми ориентирами внутреннего состояния, настроения, являются в разном соотношении смесь тихой прозрачной радости и спокойствия. То есть человеку то более чуть спокойно, то более легко, радостно, плюс контроль сильных эмоций в том плане, что они не должны быть чрезмерно сильными и разрушающими, они не должны быть чрезмерно длительными, и они не должны толкать к необратимым действиям. Понятно, что контроль над этим вопросом осуществляется комплексно и через тело, то есть ряд упражнений, активную жизнь, физическую нагрузку и тому подобное, и через ум, то есть понимание, осознание, медитации, связанные с успокоением ума и тому подобное. А также напрямую через контакт с тем, что заряжено вдохновением, то, что имеет в себе составляющую инспирации (например — красоты природы, какие-то произведения искусства, либо контексты, связанные с красотой, искусством и тому подобным). Конечно же, сюда относится и общение с адекватными людьми, то есть круг общения, который способствует адекватной, счастливой, спокойной жизни, а не наоборот толкает на саморазрушение. Отсюда же контроль своей сферы интересов, то есть давать ту пищу уму, душе и так далее, которая созидает, а не разрушает. Либо, когда хватает сил и компетенции, взаимодействие с теми модальностями, которые направлены на захват судьбы человека, например, действиями обслуги власть имущих, современным социумом или другими такого рода структурами,

— с целью расколдовывания от этого; то есть контекст полигона, проходя который человек становится более зрелым и может защищаться от чужого деформирующего воздействия, сохраняя спокойное и блаженное состояние своей души как базовый фон. Тем не менее разные эмоции тоже имеют место быть, и они необходимы, каждая на своём месте, но всё это регулируется срединным путём, то есть Изумрудной Розой».

Какими бы прекрасными построениями ни были бы вышеозначенные философские и оперативные трактаты, жизнь-сознание наивысшей октавы — Храм.

Храм и Учитель Истины.

Линия Передачи.

Потому: вернёмся к ним.

Шартрский Катедраль, судя по ряду факторов, должен был иметь не две башни западного фасада (как сейчас), а — девять, включая лантерн Средокрестия.

И это не фантазия: начала возведения ряда башен, то есть, начатые, недостроенные вежи, вполне просматриваются.

Есть две башни основного фасада, причём, они различны — Южная более аскетичная, почти романская, и Северная — сотворенная практически в стилистике пламенеющей готики; ясно, что оные — Солнце и Луна; меж веж, не Пещера (как, например, в Реймсе или в Бурже), а Стена, даже, пожалуй, Водопад — он меж светилами, потому: Меркурий.

Пещеры, по три входа каждая, тут в трансепте; там же предполагались по две башни с каждой стороны и есть их начала (то есть: основные части сих веж — дрожат хрустальностью невиди-

мого намерения, тем не менее, основа их явлена; кто знает, может так и предполагалось, ибо в таком варианте Собор, частью себя, как бы «одной ногой» не в мире этом.

Ещё две башни просматриваются за трансептом, в хорах, причём, они расположены в местах, где начинается изгиб; оные — так же частично явлены, основное — в мире невидимом.

И, наконец, предполагался, скорее всего, Шпиль Средокрестия, в любом случае, лантерн, но на него нет и намёка; сия вежа всецело не здесь, а Там…

В итоге, интересная ситуация: две Башни — конкретно и полностью явлены; шесть — частично (меньшей долей) тут, в основном — Там; лантерн вообще всецело не-от-мира-сего (формула: 2-6-1).

Предполагают, что экономические и военные причины не дали до конца достроить сей Катедраль, но это крайне маловероятно, скорее всего, инспиративно, манифестирована именно такая композиция, где Храм своими интонациями и динамикой намерений, частью себя, превосходит материальную конкретность формы, оставаясь в субтильности равновесия наличного и подразумеваемого, что, конечно, даёт пилигриму кардинально иное самоощущение единения с данным Тамплем, чем если бы он был равен сам себе в контексте реализации планов и того, что осязаемо.

Итак: Шартр. Храм.

Уникально: средневековые витражи; множество таких же статуй; структура, где сбалансировано явленное и незримое, Лабиринт…

Необходимо также обозначить: вот те 2+6+1 башен уравновешены находящимся в крипте, Колодцем Дракона; здесь же, в крипте, когда-то была Чёрная Дева фиксирующая Возгонки Драконьей Крови в определённом режиме…

Вуаль Девы.

Алхимический Витраж (искажённый и с сокрытой в начале 20-го века, сутью).

Дева Столба.

Три Розы и Семь длинных витражей Краеугольного Камня хоров…

Конечно, это далеко не всё.

В Туре, славном граде, покоится Мартин.

Святой Мартин.

Когда-то, в 334 году, выезжая из врат Амьена, сей воин (по некоторым сведениям тогда ему было 18 лет) отрезал половину своего шерстяного плаща и дал оную нищему, который претерпевал боль зимнего холода. Ночью Мартину приснился сон: нищим оказался Христос.

Цветы распустились в середине ноября, а Мартин был известен как изгоняющий нечистых духов.

Мистерия Капеллы исходит из Архэ дарования Плаща.

Процитирую сам себя:

«Плащ, точнее фонема его оставшейся у Мартина половины, на тогдашней латыни, «сарра», в связи с рассматриваемым Архэ, расширилась до описания многих явлений.

Это и капелла — как отдельно стоящее здание; или — сакральное помещение внутри крепости или дворца; либо: находящиеся в Катедраль небольшие комнатки, справа и слева от боковых нефов, в крыльях трансепта, а также, венец капелл деамбулатория…

Капелла, не часовня, так как в ней есть алтарь (то есть: Камень Фиксации, что связано с Сульфуром особой силы что (в некотором отношении) корреспондирует Философскому Камню…).

Капелла могла иметь частный (клановый, орденский) аспект; могла быть соотносима с той или иной гильдией; мог быть акцент на хранение реликвий и мощей; там бывали усыпальницы… в контексте большого Катедраль (который, в общем, посвящён кому-то или чему-то одному, например, Мартину Турскому), различные капеллы, будучи посвящённые каждая тому или иному Святому, создают некий контрастный поток и повод для операций смешения различных интонационных ингредиентов в деле осязания парусии, что как бы промывает пневму Храма.

Особым образом все капеллы Собора сопряжены с Криптой, что связано с тайной Первоматерии и операций на её основе…

Капеллы, как отдельные сооружения могли присутствовать на кладбищах, в частных домах и дворцах, в монастырях, в королевских покоях, при милитарных частях, в университетах, а также, в больницах…

Капелла, наверное, своим родовым отличием, имеет большую степень концентрации, она более сульфурна, чем обычный Храм…

Есть и капелла, как хоровой коллектив, что берёт своё начало с пения во время Таинств, проводимых в Тамплях.

Отсюда возник и термин «a capella», то есть, без инструментального сопровождения, так, как поёт храмовый хор. Следует отметить, что сие пение выше, чем интонированное приспособлениями, ибо особо чисто участвуют Дыхание и Слово (Жизнь и Смысл), произносимое нараспев, в чём совершенно особая магия.

Капеллан, преимущественно, военный священник, хотя может быть и связан с полицией и подобными службами.

Capellanus — так изначально называли священника, ответственного за хранение оставшейся половины Плаща Святого Мартина в самой первой в истории капелле в королевском дворце в Париже. Потом, так стали называть священников, служивших в капеллах, сооружённых другими сеньорами. Часто, такого рода священники выполняли ещё и обязанности секретаря. С XII века секретарей-капелланов получают католические епископы, а также, Папа Римский. С течением времени, в католицизме, это слово стало обозначать должность священника, которому поручена постоянная забота о какой-либо выделенной группе верующих. Появились капелланы в госпиталях, в тюрьмах, на кораблях, в армии, etc.

Когда Святой Мартин умер, а было это осенью, во время перемещения его тела, распускались, как в пору своего звёздного сияния, весною, цветы. Отсюда, появилось выражение «été de la Saint-Martin», — то есть, «Лето Святого Мартина»: период, в русскоязычной среде чаще именуемый «бабьим летом». Символично, что небольшая череда тёплых дней конца октября — начала ноября, уже после первых заморозков, так наречена…

В некоторых европейских странах День Святого Мартина был днём расчётов с наёмными работниками, а значит, праздником, разгулом и попранием «в поте лица своего».

Обратим внимание, попробуем распознать: всё поле смыслов и ассоциаций, описанное выше, является как бы мистериальным полем оставшейся у Мартина половины Плаща. Что ещё более шокирующе — вторая часть, у Христа. Но: Плащ-то един. А значит: Христос – Мартин – Связанные явления – Рыцарство.

Христос — входит в Пресвятую Троицу, коя единосущна, нераздельна, неслиянна, что значит, постигаема только в апории ума. За сферой ума…

Немаловажный нюанс: Мартин хотел стать христианином, симпатизировал сему Учению, но получил Посвящение только после ситуации с Плащом и последующим явлением Христа во сне. Что значит: было и испытание, и Деяние-не-от-мира-сего; некий взрыв Благодати. Характерно и то, что Святой Мартин (хотя и воин) не претерпел насилия, не был убит, а умер, мирно и спокойно (внимание!) в момент молитвы.

То есть: он ушёл на пике свершения Опуса, явив всецело особенную Реализацию.

И это самым прямым образом связано с самой сутью Рыцарства.

Уточним: Плащ Мартина чётко отслеживается до Карла Великого, коий поместил его в Капеллу в Аахене. Далее — похоже, Плащ мультиплицируется, расходясь по всей рыцарской ойкумене, правда, особо, часть его всплывает в славном граде Осер…

Символика Плаща корреспондирует Вуали и сопряжена с некой однородностью (плащ скрывает), то есть сферичностью и определённой герметизацией. В некоем смысле Плащ может означать Небо микрокосма и этим он подобен Доспехам, их мистерии.

Отдельная тема: Плащ, согревающий оружие и Латы.

В случае Мартина из Тура одна половина уходит по сути, к Уроборосу — Царю и Нищему, Христу (Альфа и Омега), в измерение Пресвятой Троицы, становится мостом Бога и Человека…

Вторая: остаётся у Мартина, а потом инициирует континуум и прихожан мостом Капеллы и связанного с нею, в конце концов расходясь Рыцарским Покровом на весь мир.

Звучит, конечно, немного парадно фальшиво, но тут уж вопрос к «puris omnia pura» конкретного оператора.

И тут мы попадаем в орбиту Булгакова, его замечательной главной книги, о фальши, теплохладности и возможности возжечь особый Огонь (в связи с чем, кстати, в упомянутом произведении, пожалуй, лишь Воланд со свитою (не мастер, Маргарита и тем более другие) — положительные персонажи…), а также — великолепного эссе Г. Бутузова об оной, где он даёт ключи прочтения сего романа посредством алхимических Возгонок до Огдоады.

Ибо: ворох лжи, самообмана, фальши и теплохладности как раз и звонит колоколом по Первоматерии: даже очень «хорошие» люди здесь распознаются как «третья», «удалённая» либо «вульгарная» материя, и почему, необходимы операции Растворения, Входа в Пещеру и в Крипту, дабы в сердце своём обнаружить Белизну Первую…

А так, что не скажи внутрь науки, культуры, религии и повседневности, — всё окажется фальшью и враньём. Впрочем: и с этим живут они.

Они живут.

Много ещё возможно поведать на обрывках пергамента сего.

Много…

И про сидонских Митру с Гекатой, и про «Кувшинки» Моне, и про домик Фламеля, и про чудесные артефакты музея Клюни… но мы не будем.

Не будем сейчас.

А расскажу вам сон.

Он был — чистый звон.

А небо — лишь серело.

Сон (5.9. N-года) Париж:

«Я нахожусь в доме у друга моих родителей. Этот дом я помню с раннего детства. Он отличается тем, что в нём довольно большие панорамные окна, и это первый образ частного дома в моей жизни. И есть ощущение открытого, с одной стороны, пространства, с другой стороны — как бы своего пространства.

Зима, снег, идёт снег, очень красиво, тихий шелест, ощущение чистоты. Я выхожу из этого дома, и вдруг появляется Олень. То есть я знаю, что это Олень, но это скорее какой-то тактильный больше образ, потому что визуально я не вижу больших рогов. Вроде, по идее, это должна быть тогда олениха, но я знаю точно,

что это Олень. И это нечто большое, шерстяное, уютное и рыжего цвета.

И я несколько опасаюсь этого, начинаю уходить домой, и этот Олень начинает меня как бы обнимать, становиться на задние лапы, ложит мне на плечи свои передние, чуть покусывать. Я не совсем понимаю его намерения, то есть — есть какое-то опасение, потому что большое животное, но я понимаю, что дистанция такова, что как бы надо не дёргаться, но я постараюсь попасть домой и избежать этого хоть и приятного, но опасного контакта.

И вот он меня как-то обнимает, он как-то ко мне проявляет такое активное внимание, покусывает руки. В принципе и страшно, и довольно приятно. И вот как-то так мы общаемся странно, и я отхожу-отхожу к двери, начинаю заскакивать в дом, начинаю закрывать дверь, замок, а Олень этот не даёт и как бы копытами, или уже даже рогами — в данный момент они появляются — пробует открыть дверь.

Но я, тем не менее, пересиливаю, он открывает, ещё чуть покусывает меня за руки, но довольно дружелюбно, хотя и опасно это ощущается. Наконец я закрываю дверь, и видно этого Оленя в снегу, очень красиво.

И какие-то люди приходят, и как будто начинается праздник в Карпатах, что-то похожее. И вот здесь возникает ощущение очень приятное, некое ощущение возвращения домой, и я резко осознаю внутри сна, что этот Олень мой друг, и он мне… как-то так получилось во время наших этих всех взаимодействий, что

он сам себе как-то чуть вскрыл кровеносные сосуды некой бритвой. Непонятно, как это произошло, волшебно, и несколько капель своей крови он мне подарил.

И у меня остался прозрачный хрустальный сосуд, в котором содержится кровь Оленя. И если, то ли когда мне надо, то ли просто — время от времени, имеет смысл её пить. Это как бы его подарок. И с другой стороны у нас возникла некая связь, то есть он может приходить и вот так вот дружелюбно обнимать и общаться. И от этого становится очень приятно, тепло и сказочно.

И в этом же сне приходит понимание, как бы резко такое озарение, как будто свет включают, что вчера перед тем как лечь спать, днём, физически я ходил в музей Клюни, это действительно так и было, в Париже, и там есть композиция, Дама с Единорогом и Львом, а также несколько ещё изображений Единорога, и я им уделил особое внимание: сфотографировал, рассматривал и так далее.

И вдруг мне резко приходит осознание, что как Шваллер де Любич писал: когда мы смотрим на источник яркого света и закрываем глаза, то мы видим чёрное. То есть любое изображение, оно вызывает реакцию обратную, как бы противоположную, в пересечении. И мне резко приходит понимание, что я так взаимодействовал с Оленем, потому что это отражение Единорога во мне, и оно вот так вот сработало.

То есть я смотрел и взаимодействовал с изображениями Единорога в физическом реальном мире, а во сне пришел Олень с этими всеми нюансами. Но по сути это единство, я вспоминаю во

сне гравюру Ламбспринка, и от этого становится ещё более чисто и прекрасно.

Одновременно осознаю, что этот сон надо рассказать Брату в Гермесовом искусстве, и дальше происходит переход в другие сны, но внутри этих других снов у меня всё время сохраняется это приятное, волшебное, насыщенное, даже можно сказать какое-то золотое состояние и памятование основных пунктов сна.

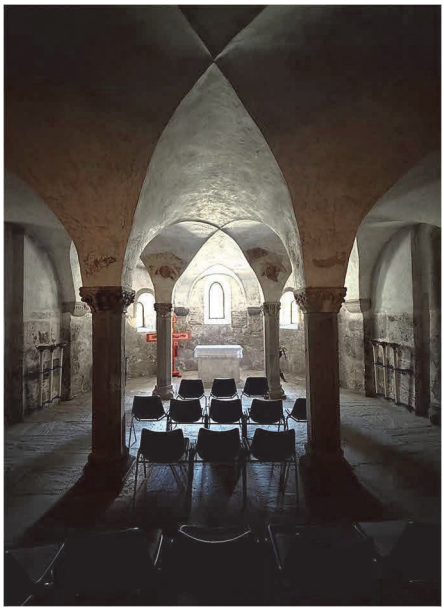
Я их как бы повторяю внутри других снов: то есть Олень, капля крови, капля крови в хрустальном сосуде, отражение Единорога, рассказать Брату и так далее.

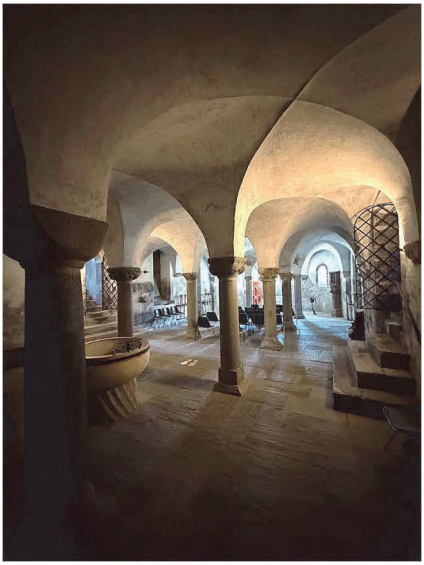
Просыпаюсь физически хорошо отдохнувшим и полным сил, как будто всё тело испило некий эликсир».

ARISTATA ETEVITAT

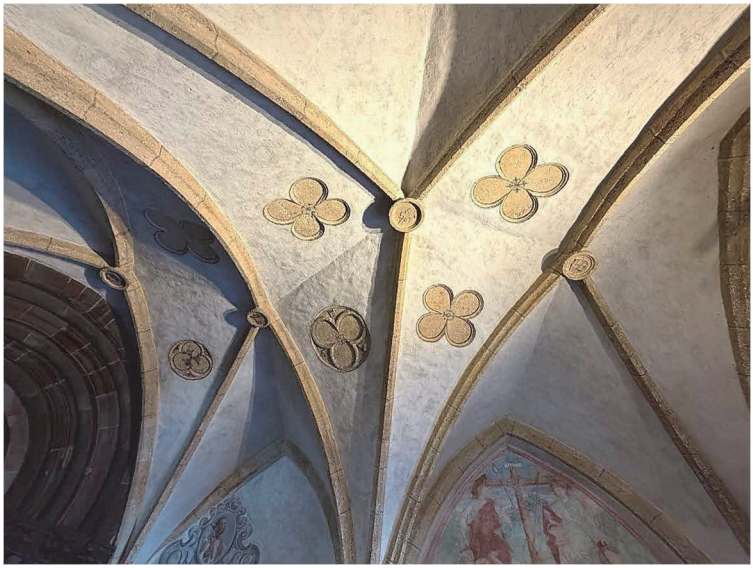
PURIS OMNIA PURA

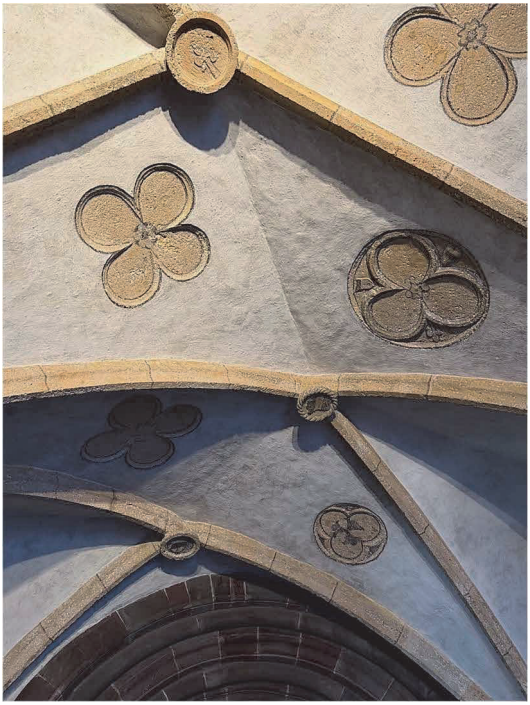
SAN CANDIDO

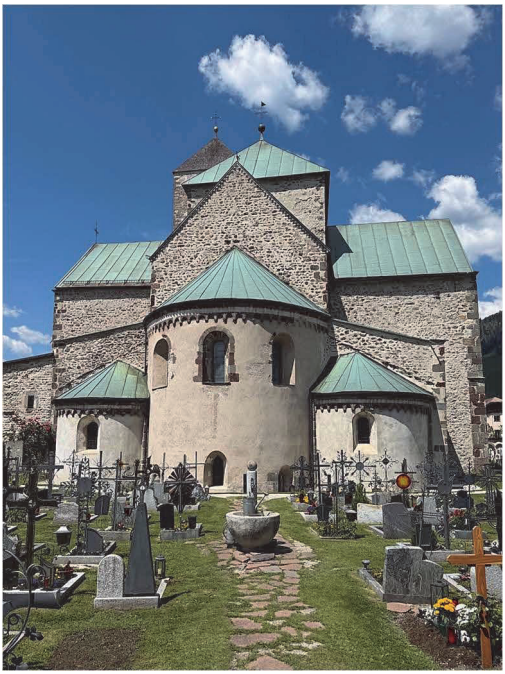

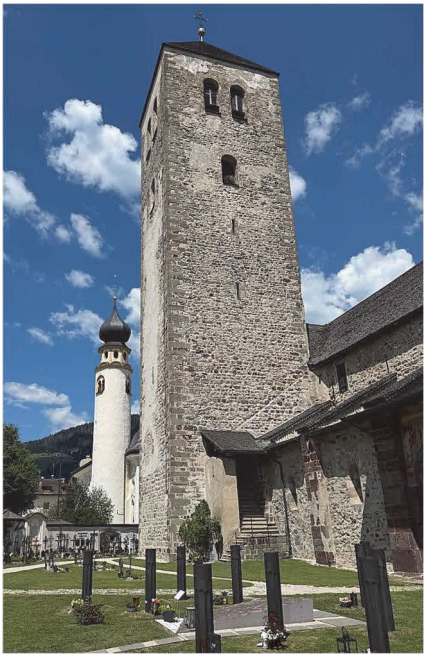

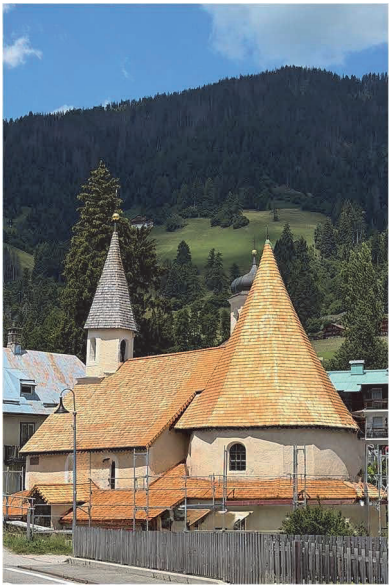

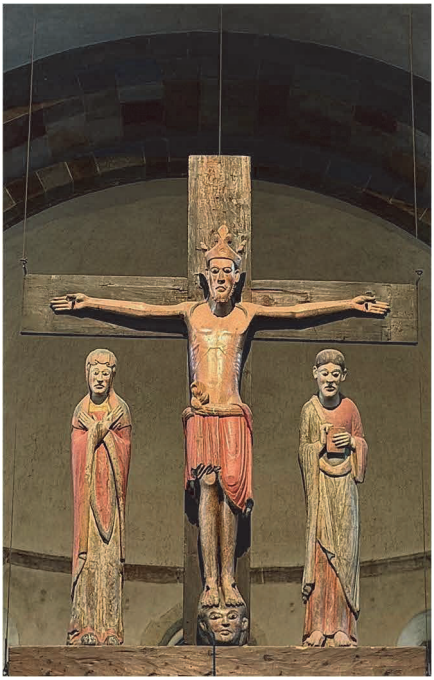

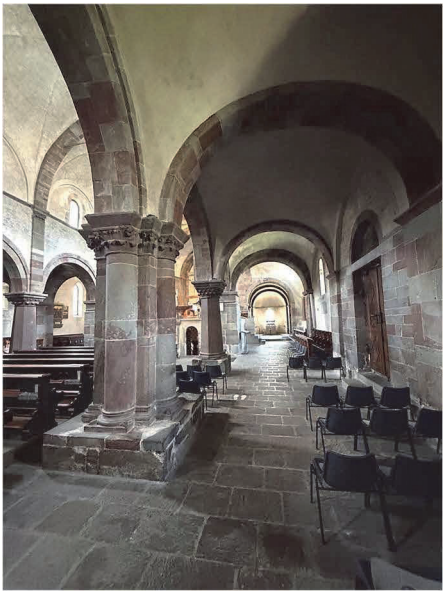

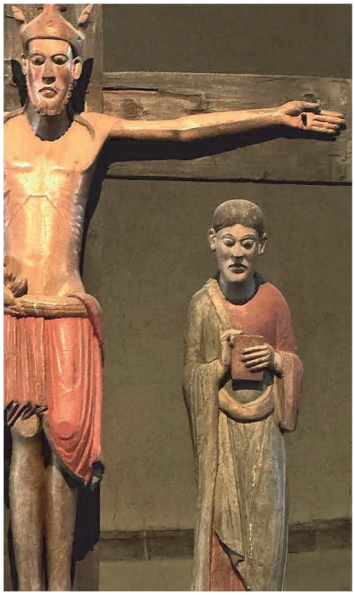

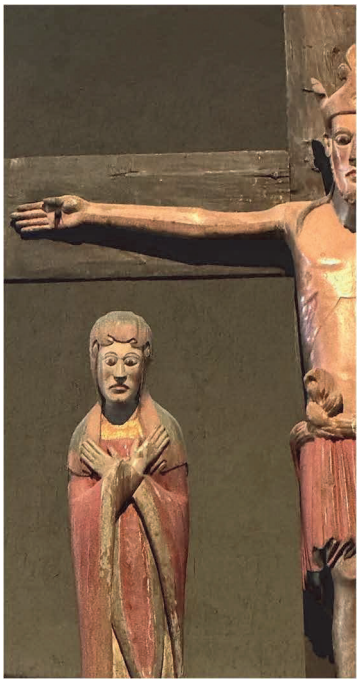

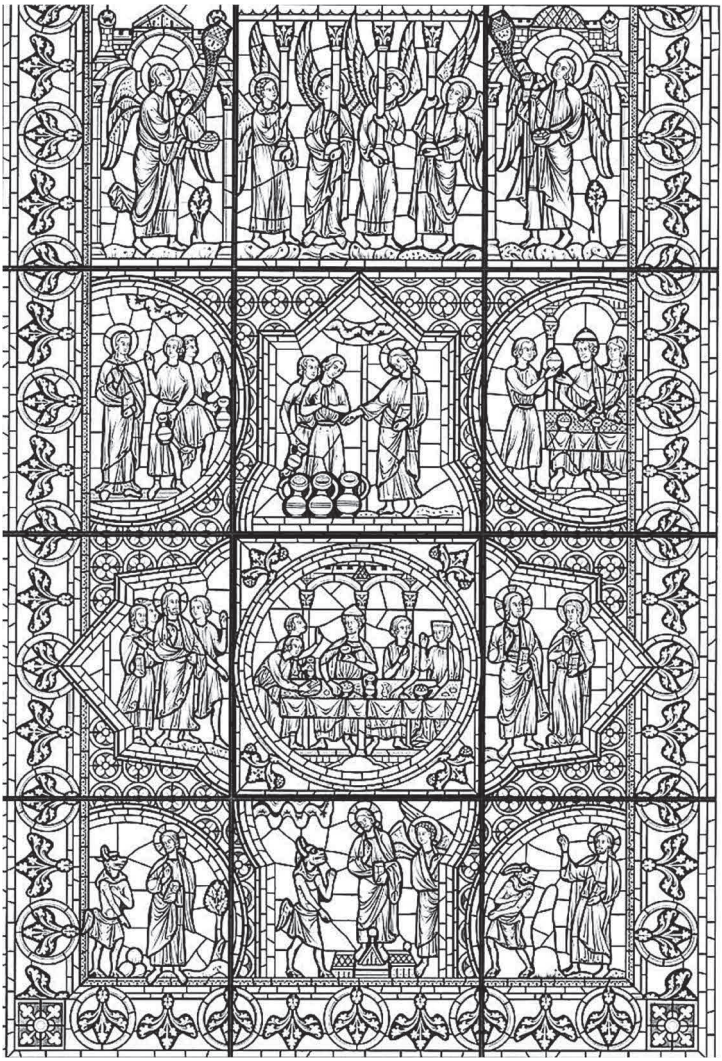

ШАРТР. КАТЕДРАЛЬ.
ВИТРАЖ NOTRE-DAME DE LA BELLE VERRIÈRE

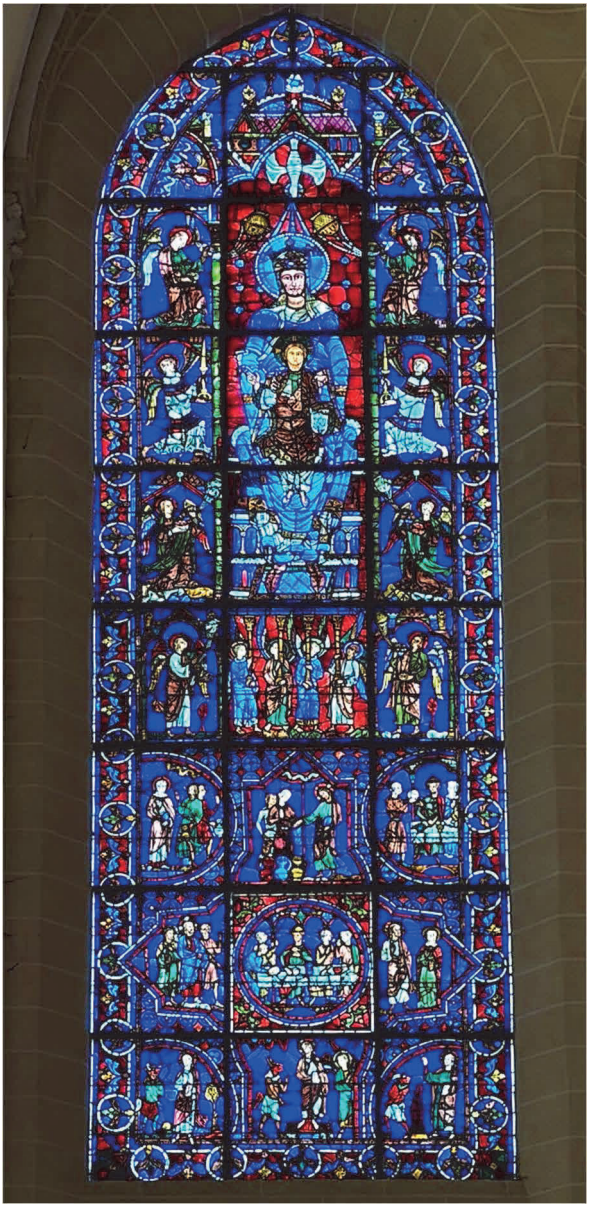

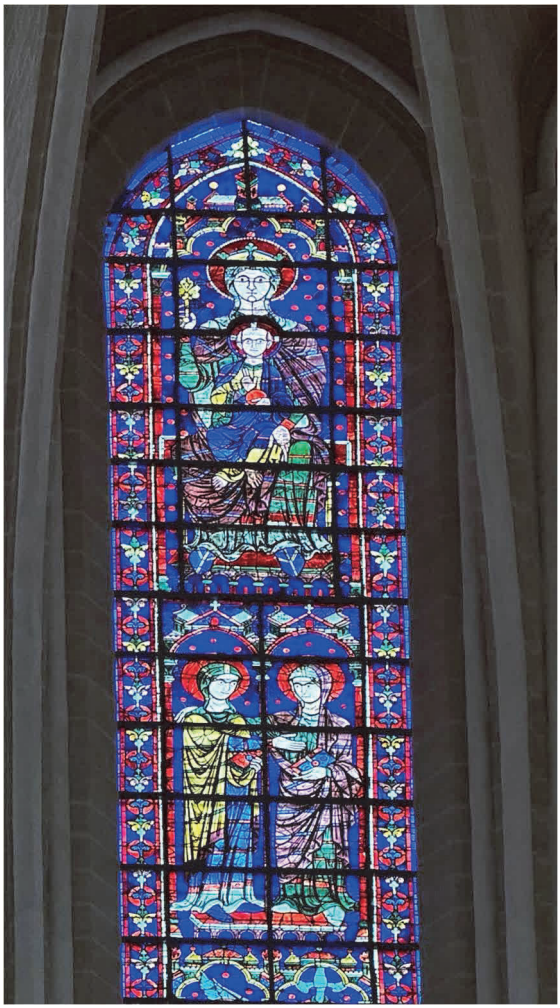

ЭТОТ ЖЕ ВИТРАЖ ПОСЛЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОДЕНА В 1906 г.

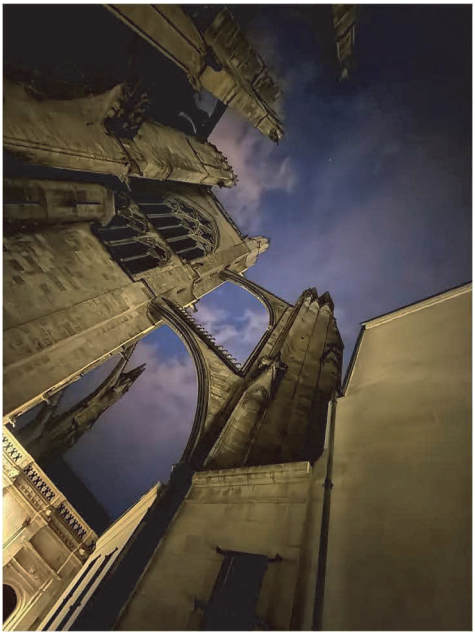
УПОМЯНУТЫЙ ВИТРАЖ ИЗ ХОРОВ

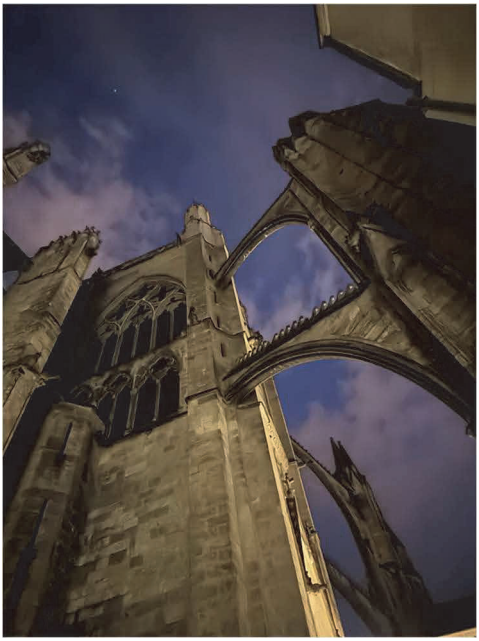

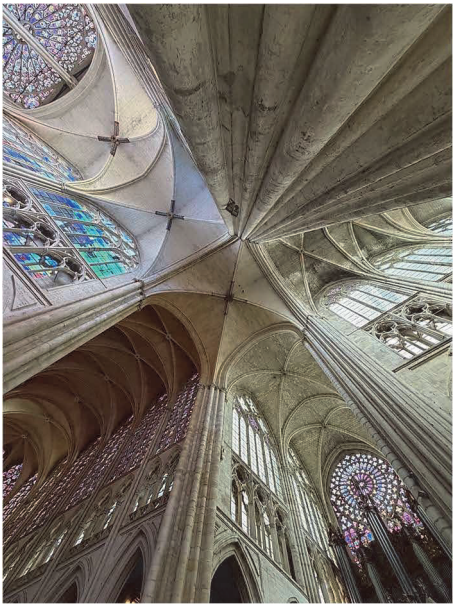

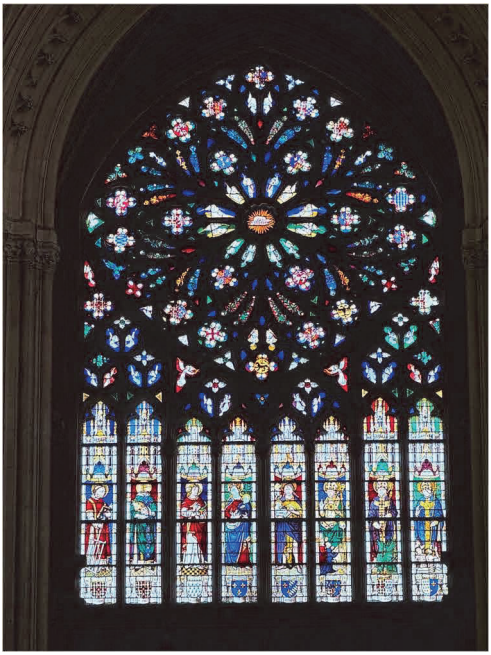
ТУР. КАТЕДРАЛЬ

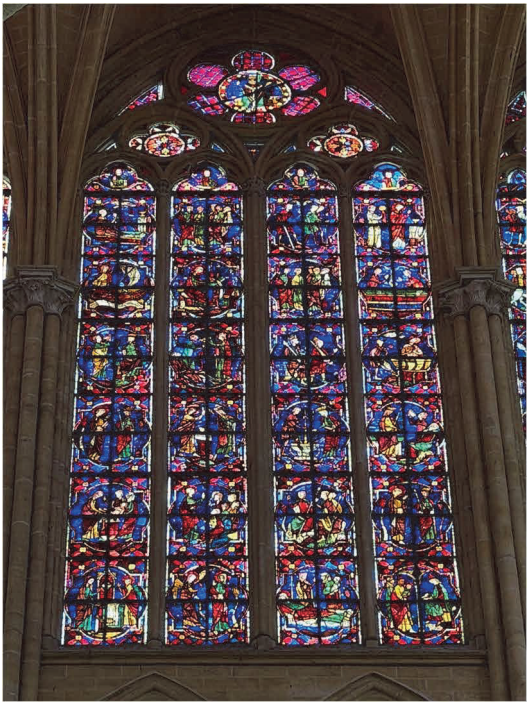

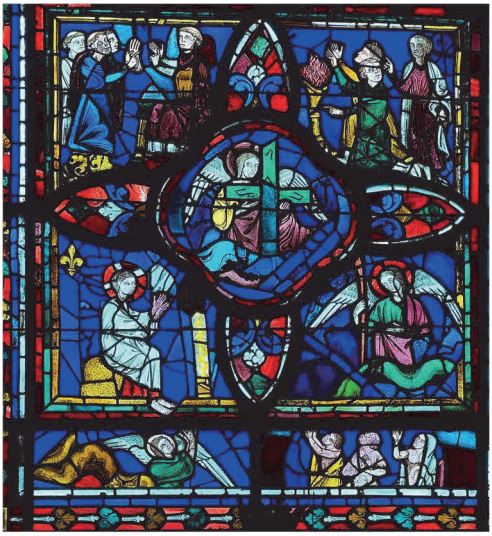

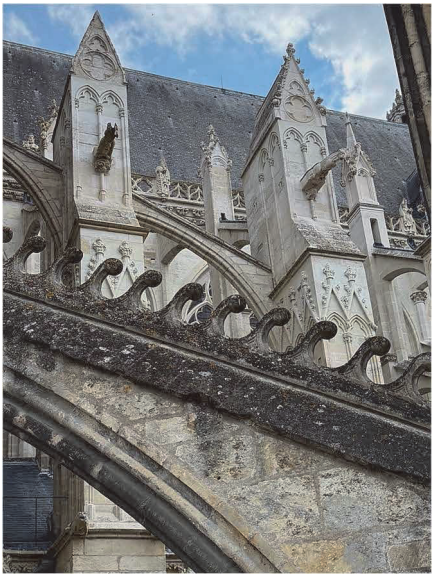

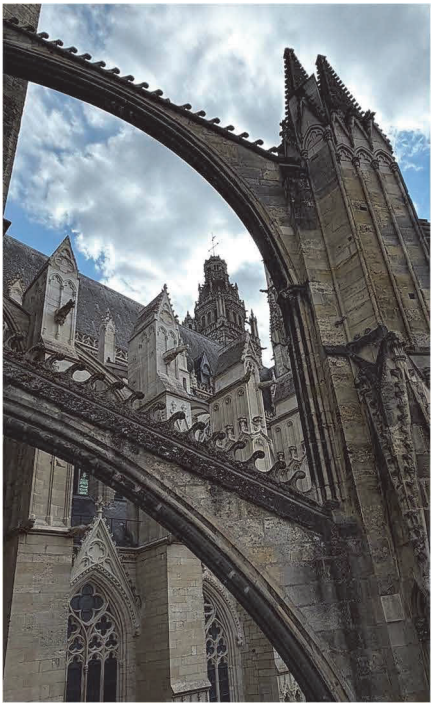

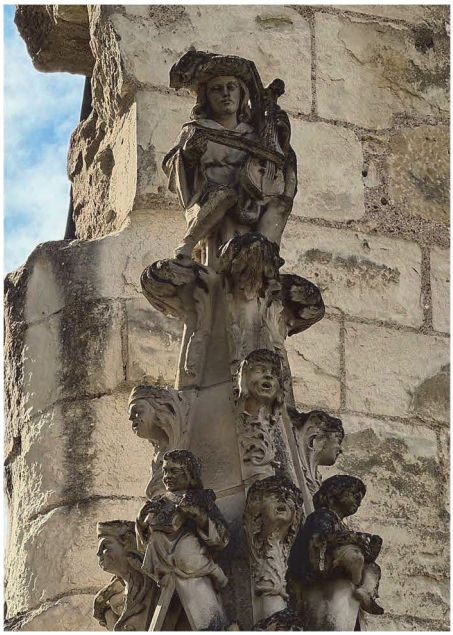

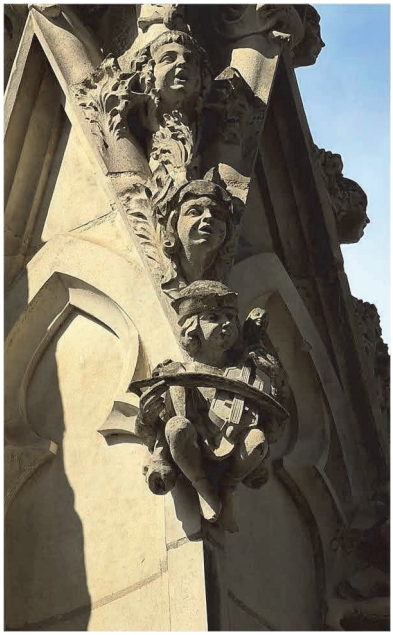

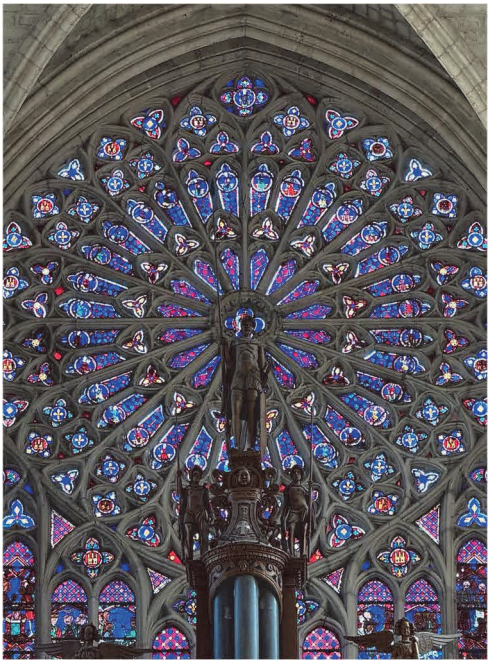

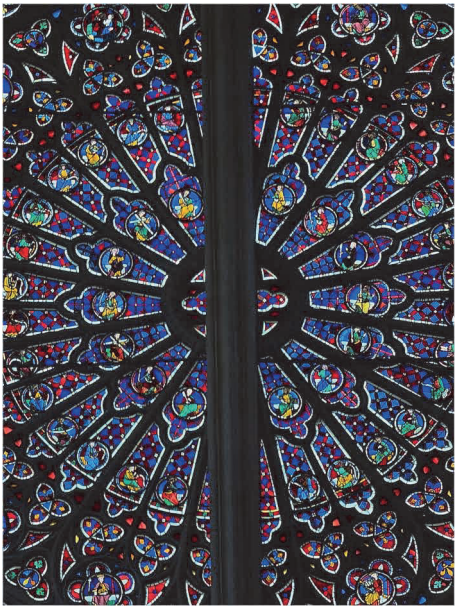

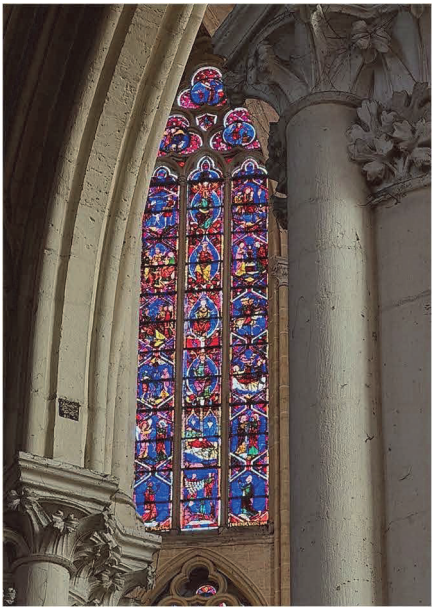

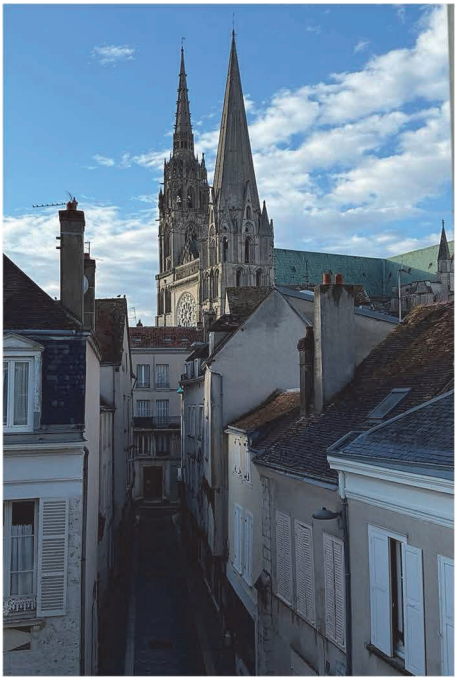

LA
BELLE
VU

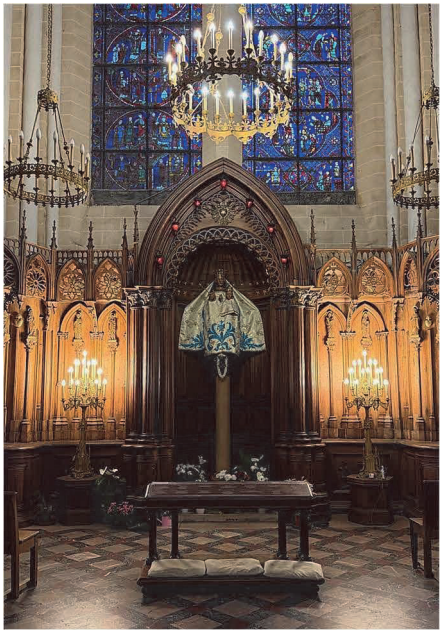
ШАРТР

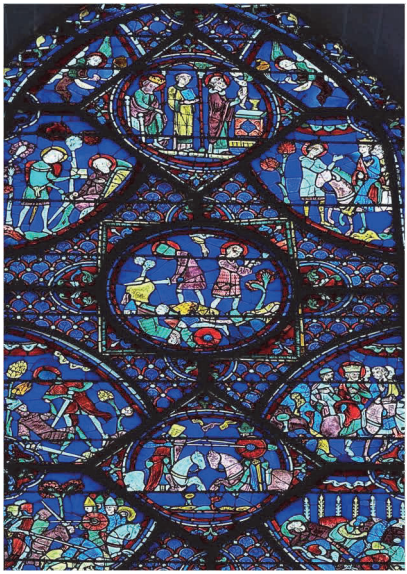

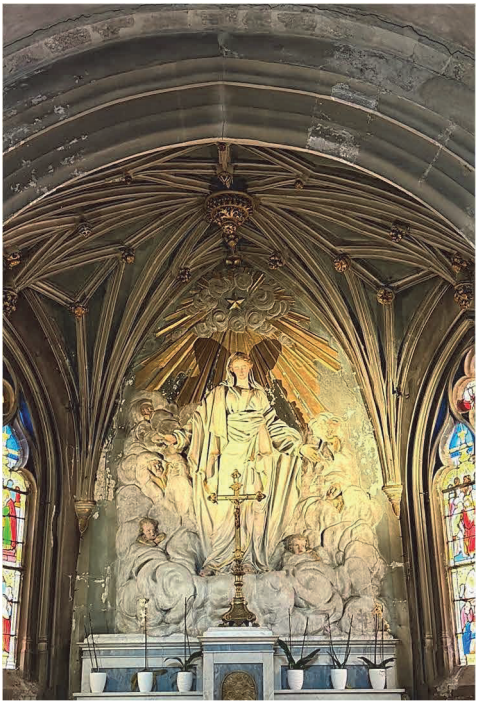

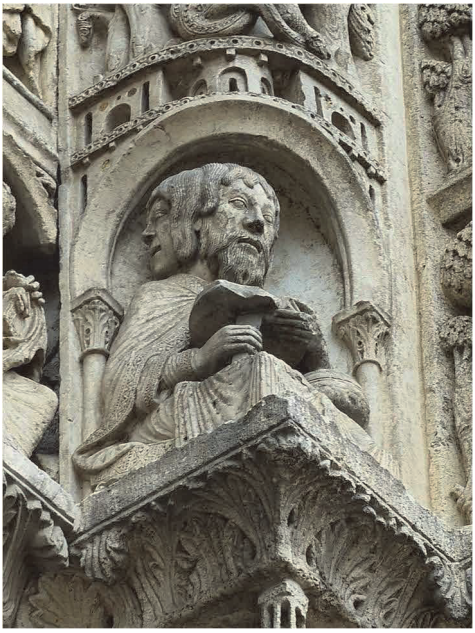

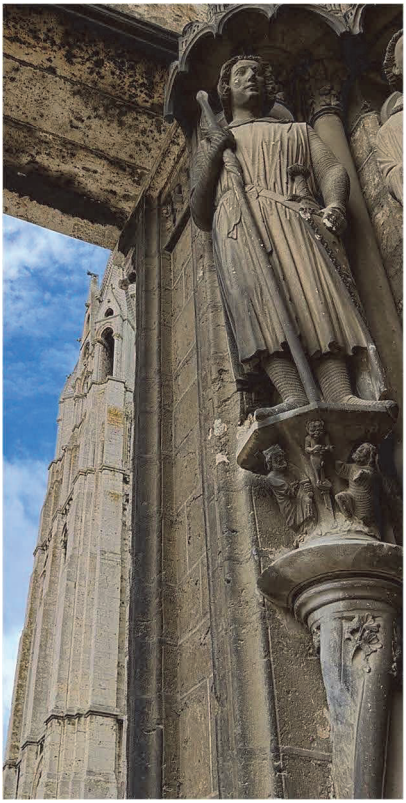

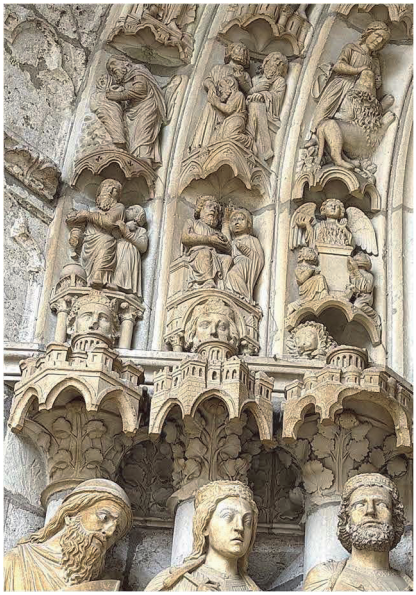

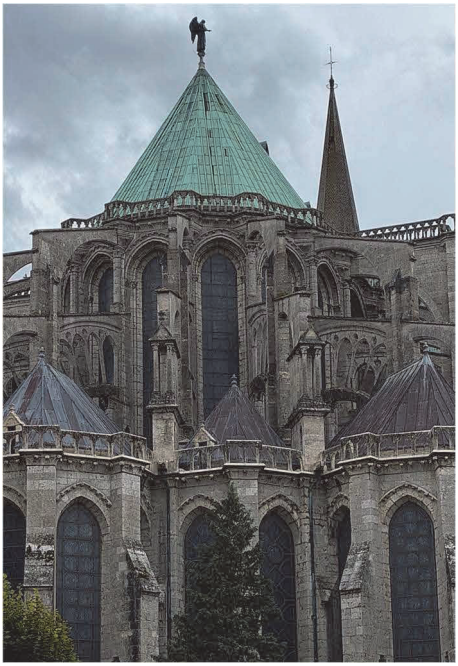

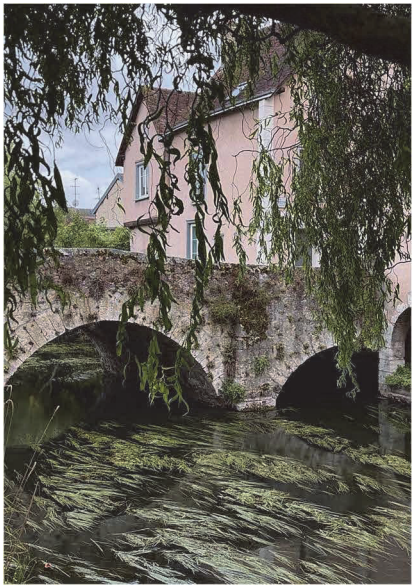

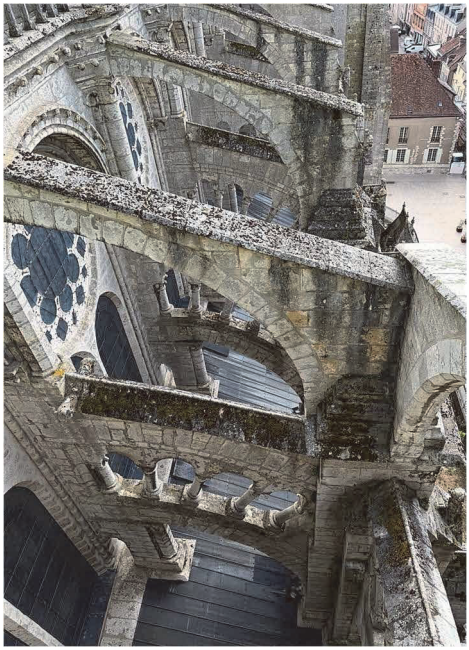

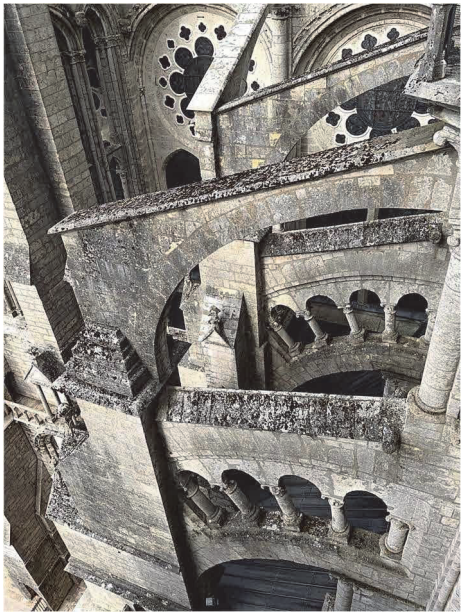

ТУР

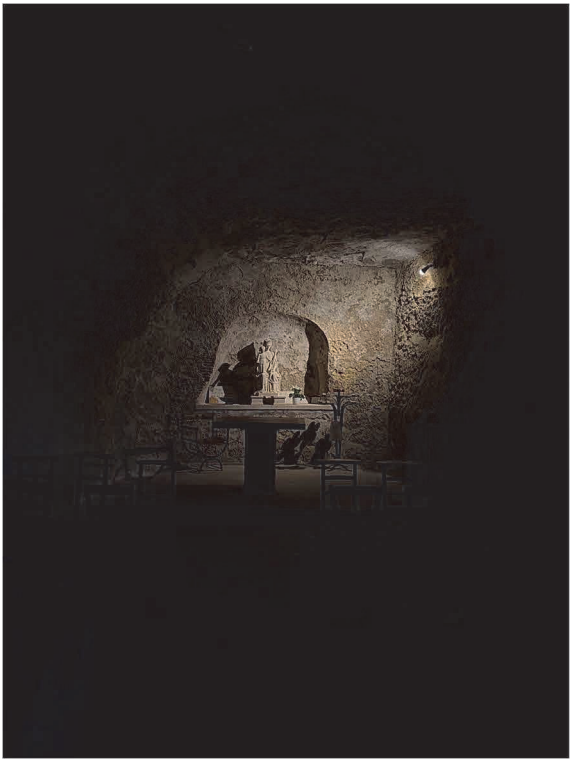

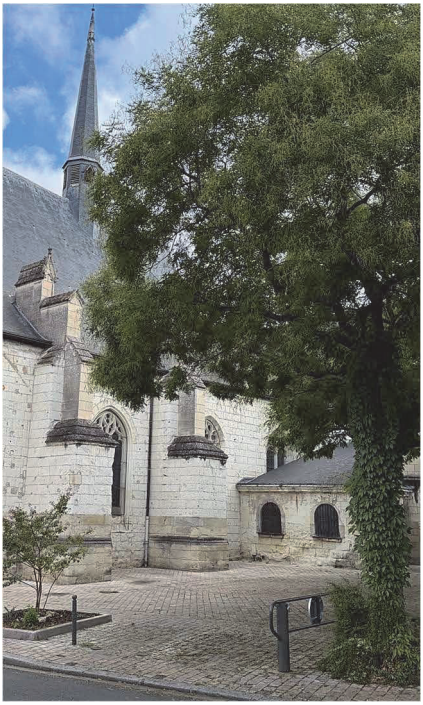

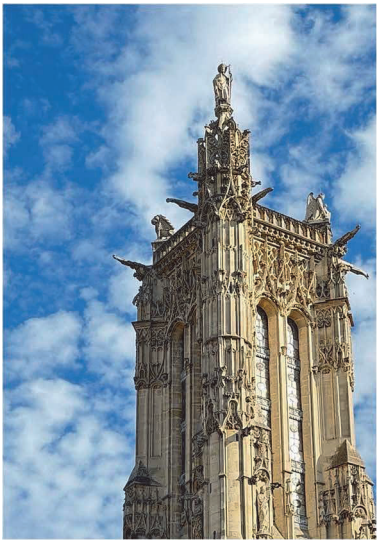

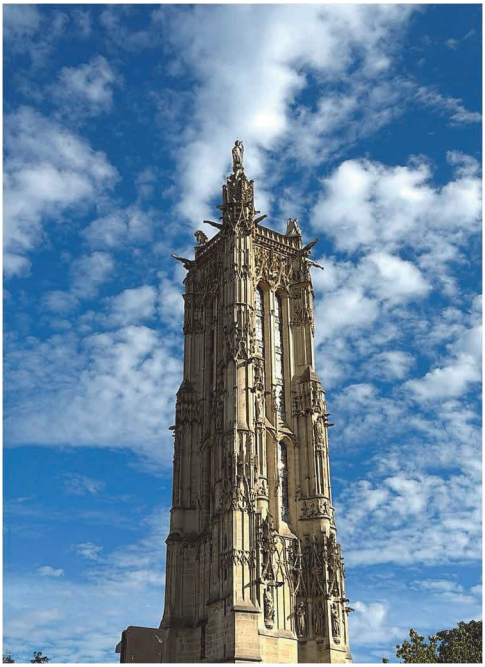

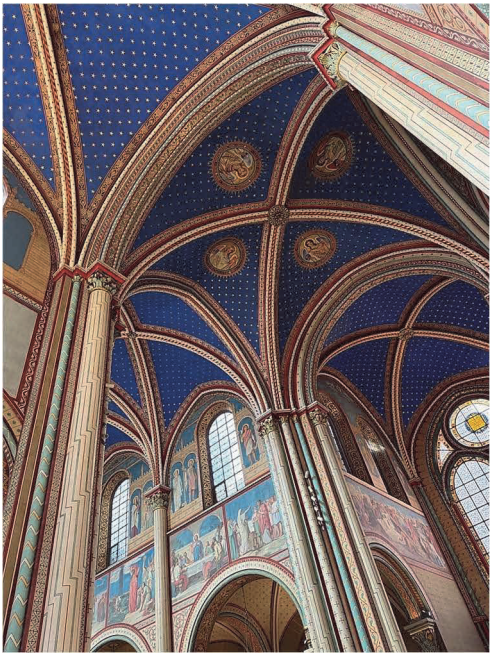

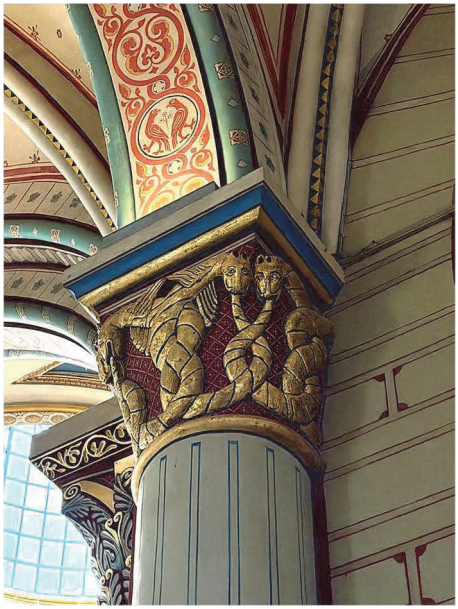

ПАРИЖ

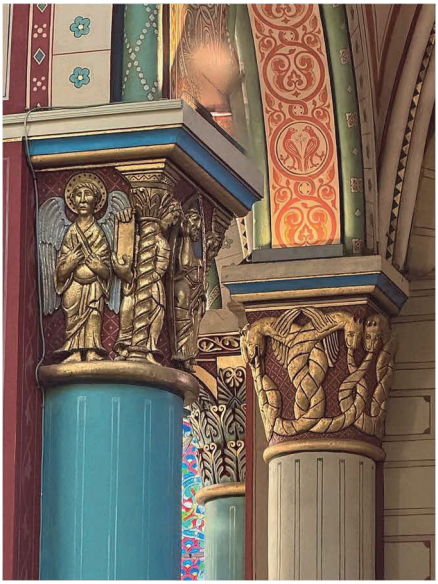

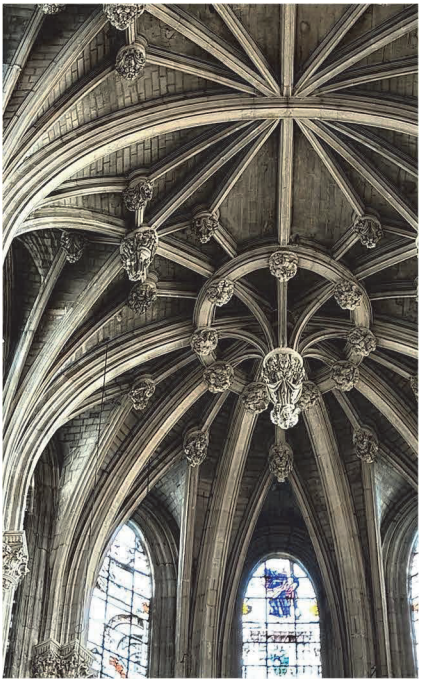

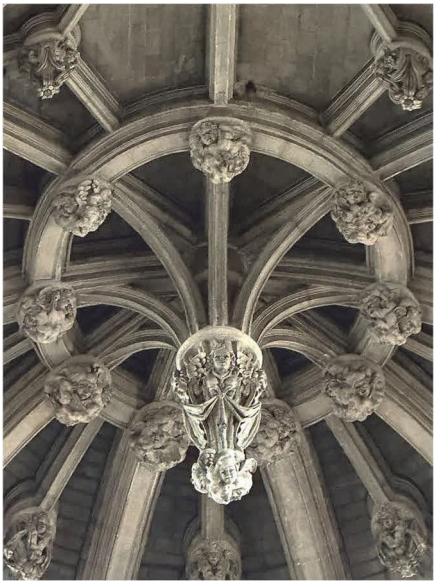

A
Ω

SOL
LVNA
SCA MARIA
SCS IOHS
SCS
VITA SCA
LVX
VAL E
CRVX

Commence le corps · S · etienne est detaille au lieu de lon martire ·
et expose au bestes et par la diuine puissance preserue ·

ПРИЛОЖЕНИЕ.

PERLESVAUS И РЫЦАРЬ ДРАКОНА:

отрывок из анонимного романа начала XIII века Perlesvaus (также известен как The High Book of the Grail).

Перевод и комментарий: Orsa Flumen

«Эта высокая история [high story] повествует далее о том, как Сэр Гавейн и Ланселот Озёрный вернулись ко двору Короля Артура, завершив свои странствия [в поисках Perlesvaus], и король с королевой возрадовались их прибытию. Однажды во время обеда, когда король сидел подле королевы, и одно блюдо уже было подано, внезапно перед присутствовавшими появились два полностью вооружённых конных рыцаря [two knights suddenly appeared on horseback, fully armed — скорее всего, речь здесь идёт о двух рыцарях на одном коне]. Каждый из них держал пред собою мёртвого рыцаря, сожжённого и обугленного до самих плеч, хотя тела их и были, с ног до головы, в доспехах.

«Милорд [My lord], — молвили рыцари, — взгляни на позор и на урон, что нанесены Тебе [you]. Вскоре, Ты потеряешь всех рыцарей таким же образом, если только Бог не любит Тебя достаточно, чтобы незамедлительно наставить Тебя».

«Сэры, — отвечал им король, — как же получилось, что с этими рыцарями случилось такое?».

«Милорд, Ты всенепременно должен об этом узнать, — отвечали королю рыцари. — Рыцарь Испепеляющего Дракона [the Knight of the Burning Dragon] вторгся в Твои земли и уничтожает замки и города и рыцарей и всё, что встречает на своём пути, и никто не осмеливается выступить против него, так как он на добрый фут выше любого из когда-либо виденных Тобою рыцарей, с ужасающим лицом и огромным пристрастием к делам жестоким и злым; и меч его в три раза длинней, чем у любого иного рыцаря, и копьё его столь велико и тяжело, что любой иной муж едва может поднять его; и щит его столь огромен, что мог бы накрыть целых двух рыцарей, и на нём — глава дракона, что извергает огонь и пламя когда бы он ни захотел этого, и настолько обжигающе и яростно это пламя, что ни один человек не может выдержать его, и никакой доспех, как бы не был он крепок, не может от этого огня защитить. И подобно тому, как он расправился с этими рыцарями, расправляется он со всеми, кто осмеливается сражаться с ним».

«Из какой же страны он прибыл?», вопросил их король.

«Из Замка Гигантов, милорд, — отвечали рыцари, — и он ведёт войну с Тобой из-за смерти великана Логрина, чью голову Сэр Кей принёс к Твоему двору; и он говорит, что никогда не удовлетворится, пока не погубит Тебя, уничтожив Твоё тело, или же не сгубит рыцаря, который более всего Тебе дорог».

«Да защитит нас Господь от сего злого мужа!», сказал в ответ на это король.

Он поднялся из-за стола, встревоженный услышанным, и велел чтобы тела двух рыцарей унесли дабы затем похоронить их. Рыцари же принесшие сии известия теперь удалились, и король

позвал Сэра Гавейна и Ланселота Озёрного и спросил у них, что он может сделать с врагом, вторгшимся в его земли.

«Господин мой, — отвечал Ланселот, — Сэр Гавейн и я выступим и сразимся с ним, если это будет Тебе угодно».

«Жизнью клянусь, — сказал король, — Я бы не позволил вам это даже ради целого королевства. Ибо муж сей не рыцарь, но дьявол и демон. Я не могу отрицать, что было бы великой славой победить его, но и умереть смертью, подобной той, которой умерли два только что виденных мною рыцаря, было бы весьма недостойно и скверно».

И король пребывал в замешательстве, не зная, что ему предпринять, и так же и весь двор: едва ли нашёлся бы хотя бы один рыцарь, желавший пойти и сразиться с врагом.

(Далее, в тексте повествуется о приключениях Perlesvaus после того, как он победил Lord of the Fens, после чего повествуется о его прибытии в Кардуейл.)

Perlesvaus покинул место, где лежал убитый [Отважным Рыцарем] рыцарь, и скакал до тех самых пор, пока не приблизился к Кардуейлу [Cardueil], где находился в то самое время король, и обнаружил, что повсюду там сельская местность пребывала в страхе и смятении. Поражённый этим, он спросил простолюдинов, почему они были столь встревожены.

«Неужели умер Король Артур?», спрашивал он, на что следовал ответ:

«О нет, сэр, он там, вон в том замке. Но никогда ещё не был он столь встревожен и расстроен, сколь ныне, так как против него

ведёт войну рыцарь, против которого не в состоянии выстоять ни один муж».

Perlesvaus, пустив своего коня вскачь, продолжал скакать покуда не достиг большого зала королевского замка, где и спешился в предназначенном для этого месте. Ланселот и Сэр Гавейн спустились встретить его и приветствовали его с великой радостью, как и король с королевой и весь двор. После того как с него сняли доспехи и оружие, его одели в роскошное праздничное платье [splendid gown], и те, кто не видел его ранее, с великой радостью смотрели на него, поражённые его славой и рыцарским благородством [worth of his chivalry]. И двор, пребывавший в большом волнении, немного приободрился.

Но однажды, когда король сидел за обеденным столом, в зал ворвалось четверо рыцарей в полном вооружении каждый, и каждый держал перед собою мёртвого рыцаря с отсеченными руками и стопами, тогда как тела всех четверых ещё были полностью закрыты доспехами, с кольчугами, чёрными, как если бы в них попала молния. Четверо прибывших рыцарей сбросили, каждый, свою ношу в середину зала и обратились к королю:

«Милорд, ранее, Тебе уже показали, какие бесчестье и позор Тебе наносятся, и следует Тебе знать, что они всё ещё не встречают никакого сопротивления. Рыцарь Дракона уничтожает Твою землю и убивает Твоих людей, и продолжает приближаться, становясь всё ближе и ближе. И он утверждает, что никогда не найдёт при Твоём дворе рыцаря, достаточно храброго для того, чтобы встретиться с ним в поединке».

И король при сих словах преисполнился великого стыда, как и Ланселот с Сэром Гавейном, сердца которых были опечалены тем, что король не позволил им идти и сразиться с Рыцарем

Дракона. Четверо рыцарей ускакали, оставив мёртвых рыцарей, ими привезённых, в середине зала, и король повелел дабы их убрали и похоронили вместе с остальными. И все рыцари, находившиеся в зале, начали негромко перешёптываться и переговариваться. И многие говорили, что никогда ранее не слышали они о ком-либо, кто мог убивать столь многих рыцарей и столь жестоко, как сей муж; говорили они также и о том, что Сэр Гавейн и Ланселот не должны быть порицаемы за то, что не отправились на поединок с ним, ибо не было на целом свете рыцаря, который мог бы победить такого мужа, разве что Господь явил бы чудо, так как муж сей мог исторгать из своего щита пламя и огонь когда только он того не пожелал бы.

И пока продолжали так переговариваться меж собою рыцари, вошла в зал дева с паланкином, в котором был мёртвый рыцарь. Став перед королём, она молвила:

«Милорд, я прошу и молю Вас [you] быть по отношению ко мне справедливым: вот сидит Сэр Гавейн, Ваш племянник, который принимал участие в турнире на Алой Вересковой Пустоши. И там были многие рыцари, и среди них — сын Вдовой Леди [the son of the Widowed Lady], кого я вижу сидящим подле Вас. Он и Сэр Гавейн триумфально выиграли турнир, но он выступал с белым гербом [was bearing white arms] и рыцари, участвовавшие в турнире, порешили, что он был лучше Сэра Гавейна, так как прибыл на турнир прежде, чем Сэр Гавейн. Перед началом же турнира было объявлено, что, кто бы ни выиграл оный, отомстит за сего мёртвого рыцаря, которого Вы видите подле меня; милорд, я долго искала сына Вдовой Леди, и вот я нашла его здесь, при Вашем дворе, и я молю и прошу Вас сказать ему и увещевать его, дабы он поступил, как должно, иначе на него падёт позор. Сэр

Гавейн знает, что всё, сказанное мною, правда: рыцарь с белым гербом столь быстро покинул турнир, что я не знала, что с ним стало, да и сам Сэр Гавейн тоже был чрезвычайно расстроен, что он отбыл таким образом, ибо и он также разыскивал его, но не узнал».

«Демуазель, — сказал Сэр Гавейн, — что он выиграл турнир, несомненно, правда, и правильно и справедливо, что он должен служить Вам как было договорено, если будет то угодно Богу».

«Сэр Гавейн, — отвечал на это Perlesvaus, — я думаю, что Вы выступили на том турнире лучше, чем кто-либо ещё».

«Клянусь честью, Вы говорите благородно [most courteously], — сказал Гавейн, — но как бы я или другие не сражались, победителем были признаны Вы, что я и подтверждаю».

«Премного Вам благодарна, сэр, — отвечала ему дева. — И не должно ему отказывать мне в моей просьбе, ибо мёртвый рыцарь, коего я столь долго ношу с собою в паланкине, был сыном его дяди Элинанта из Эскавалона».

«Демуазель, — сказал ей в ответ на эти её слова Perlesvaus, — позаботьтесь о том, дабы говорить только лишь правду: я знаю, что Элинант из Эскавалона и в самом деле приходился мне дядей по отцу, но ничего не ведомо мне о том, что у него был сын».

«Сэр, — сказала в ответ на то дева, — он заслуживал того, чтобы о нём знали, как ввиду его достоинства, так и ввиду его заслуг, а убит он был по причине его храбрости. Звали его Алан из Эскавалона [Alain of Escavalon], и Дева Золотого Круга [the Maiden of the Circle of Gold] любила его со всей любовью своего сердца, так как был он достойнейший [the fairest] из рыцарей в его годах, что она когда-либо видела, и проживи он дольше, он стал бы самым славным [the finest]. И движимая великой любовью своей к нему, она

повелела, дабы тело его было забальзамировано после того, как он был убит Рыцарем Дракона, кто столь жесток и безжалостен, что уничтожает все земли и острова. Тот же, бросил вызов Деве Золотого Круга, и уже убил многих из рыцарей её из-за чего она теперь заперта в своём замке и не осмеливается покидать его, и хочет, дабы все рыцари, куда бы я ни пришла, были оповещены мною о том, что она даст Золотой Круг [the Circle of Gold — украшенный золотом и драгоценностями Терновый Венец Иисуса Христа] тому, кто отомстит за неё, и надобно Вам знать, что прежде она никогда не расставалась с Золотым Кругом, и оный стал бы величайшей честью какую рыцарь только может иметь. Сэр, — говорила она далее, обращаясь к Perlesvaus, — это в высшей степени правильно, что Вам следует стремиться отомстить за сына Вашего дяди и добыть Золотой Круг, так как ежели Вы убьёте Рыцаря Дракона, Вы спасёте землю Короля Артура, которую этот рыцарь угрожает уничтожить, заодно со всеми соседними землями, ибо он ненавидит Артура более, чем любого иного короля из-за головы великана, которую король принял с такой радостью здесь в своём дворе».

«Демуазель, — спросил у неё Perlesvaus, — где же я смогу найти Рыцаря Дракона?».

«Сэр, — отвечала ему дева, — он на Острове Слонов, который был некогда самой богатой и прекрасной страной на целом белом свете. Но теперь он разрушил и уничтожил её, как всюду говорят, так что никто более не осмеливается там жить. Остров, на котором он живёт, находится под [below — ниже, под, внизу; также, одно из возможных значений этого слова — «в аду»] замком Королевы Золотого Круга [the Queen of the Circle of Gold, — по тексту, иное обращение к упомянутой прежде Деве Золотого Кру-

га], так что она каждый день видит, как он выносит из леса рыцарей, которые ещё живы и которым не причинено никакого вреда, а затем убивает их и расчленяет их, что глубоко печалит её».

Perlesvaus, услышав то, что было сказано девой, преисполнился благоговения и трепета и подумал, что поскольку задача отмщения была возложена на него, не сумей он с ней справиться, он будет достоин всяческого порицания. И вот он попрощался с королём и королевой и покинул двор. Сэр же Гавейн и Ланселот отправились с ним, говоря, что они проведут его туда, куда лежал его путь, ежели сумеют, и Perlesvaus высоко ценил [cherished] их общество. Но король и королева были крайне обеспокоены тем, что предстояло Perlesvaus, и все согласны были с тем, что никогда прежде ни один рыцарь не отправлялся навстречу такой опасности, и что смерть Perlesvaus была бы огромной потерей для целого света. Король отправил весть всем святым мужам и затворникам леса, что раскинулся вокруг Кардуейла, воззвав к ним дабы они молились о Perlesvaus, чтобы Господь охранил его от рыцаря-демона с коим ему вскорости предстояло сразиться. Ланселот и Сэр Гавейн скакали с ним по странным лесам и также по островам, и все эти места они часто находили заброшенными и разорёнными, всячески изничтоженными и разрушенными.

Дева же следовала за Perlesvaus вместе с мёртвым рыцарем, и так они странствовали, покуда не привёл их путь к открытой местности по ту сторону леса. И взглянув прямо перед собою, увидали они замок посреди равнины, окружённый быстротекущими реками и кольцами стен, а за всем этим виднелись просторные залы с окнами. И приблизившись к замку, заметили они, что он вращался вокруг собственной оси быстрее ветра [it was spinning round faster than any wind]; а над зубцами стен видны

были медные лучники, пускавшие стрелы с такой силою, что ни один доспех в мире не смог бы выдержать их попадание. С этими медными лучниками находились рядом также и живые люди, дувшие в трубы, и делавшие это так громко, что казалось, сама земля сотряслась. Внизу же, у врат, видны были львы и медведи, посаженные на цепи и издающие столь яростный рёв, что весь лес и долина были полны звона. И вот, прискакавшие к замку рыцари, натянув поводья, созерцали чудо сие.

«Сэры, — сказала им дева, — вот перед вами Неприступный Замок. Сэр Гавейн и Вы, Ланселот, отступите назад: не подходите к лучникам ни на шаг ближе, или же вы неизбежно погибнете. Вы же, сэр, — обратилась она к Perlesvaus, — если желаете войти в замок сей, дайте мне сначала Ваши копьё и щит: я понесу их вперёд в качестве гарантий; Вы же следуйте за мною и ведите себя как подобает славному рыцарю [good knight], и тогда Вы сможете войти в этот замок. Спутникам же Вашим вполне можно повернуть назад, так как ещё не время им ехать с Вами: единственным мужем, кто может ехать далее, является тот, кому предстоит победить рыцаря-демона и завоевать Золотой Круг и Грааль, а также преодолеть неправедный обычай [the false law — дословно: ложный закон] сего замка».

Perlesvaus глубоко опечалился, услышав сказанное девой о том, что Сэр Гавейн и Ланселот не могут далее следовать вместе с ним, несмотря на то что были они лучшие [the finest] рыцари на свете. С грустью расстался он с ними, они же, нехотя, отправились назад. Но перед тем, они просили его чем более кротко о том, дабы, если будет на то воля Божья и он избежит погибели в местах, в коих предстояло ему побывать, он объявился бы однажды в подходящем месте, где они могли бы лицезреть его не сокры-

вающего себя [undisguised]. На мгновение остановились они, чтобы посмотреть, как Славный Рыцарь [Good Knight] поскакал дальше; он же, отдал копьё и щит свои деве, коя положила мёртвого рыцаря в паланкин пред собою, а затем, ясно показывая защитникам замка щит, что принадлежал Славному Воину [Good Soldier, то есть, Иосифу Аримафейскому], она подала им знак, что ныне сей щит был носим рыцарем, ожидавшим позади неё. Perlesvaus же сидел без щита в седле своего коня, стиснув рукоять меча, что был вытащен им из ножен, и ноги его были столь надёжно и непоколебимо в стременах, что оные растянулись, а спина его коня под ним — согнулась. Затем, он взглянул на Ланселота и Сэра Гавейна.

«Сэры, — крикнул он им, — я препоручаю Вас Спасителю мира!».

Они же отвечали ему, желая, чтобы Тот, кто претерпел крёстные муки, смог бы защитить тело и жизнь его. Perlesvaus пришпорил своего коня, и тот ринулся вперёд, по направлению к Вращающемуся Замку, со всей возможной скоростью, и Perlesvaus нанёс такой сокрушительный удар по вратам замка своим мечом, что лезвие того вошло в мраморную колонну на длину добрых трёх пальцев. Львы и медведи, посаженные на цепи и охранявшие врата, мгновенно исчезли, скрывшись в ограждениях, в коих обитали; замок внезапно прекратил вращаться, лучники прекратили пускать стрелы, а три моста, что вели в замок, были подняты, как только Perlesvaus их проехал. Ланселот и Сэр Гавейн увидели это диво, и хотели продолжить скакать к замку, когда заметили, что тот прекратил вращаться, но некий рыцарь с крепостной стены прокричал им:

«Сэры, ежели вы приблизитесь ещё хоть на самую малость, лучники выстрелят, замок повернётся, а мосты снова будут опущены, и вы окажетесь в крайне тяжёлом положении».

Они же, заслышав это, сразу же отступили, но могли слышать, как в замке возликовали многие голоса с таким ликованием, какое никогда ещё не слышало человеческое ухо — многие из этих голосов говорили, что только что прибывший в замок рыцарь спасёт находившихся в замке двояко: он спасёт их жизни и спасёт их тела, если будет угодно Богу, чтобы он победил рыцаря одержимого дьявольским духом [the knight who bore the devil's spirit]. Ланселот же и Сэр Гавейн повернули назад, глубоко озабоченные и скорбящие о том, что они не могли попасть в замок, так как иного пути внутрь они не видели.

Они скакали и скакали, покуда не приблизились к Бесплодному Городу [the Waste City], где Ланселоту довелось убить рыцаря.

«А! — воскликнул Ланселот, обращаясь к Сэру Гавейну, — приближается тот час, когда я должен буду пойти в Бесплодный Город этот и там умереть, если только не вмешается Господь».

И он поведал Сэру Гавейну всё про приключение, что ему в том городе выпало. Но когда он собрался уже было попрощаться с Сэром Гавейном и скакать в Бесплодный Город, прискакал к ним Бедный Рыцарь из Бесплодного Замка [the Poor Knight of the Waste Castle — несмотря на то, что город и замок названы одним словом, Waste, замок Бедного Рыцаря не находится в городе и приключения с ним связанные — отдельная, во всяком случае внешне, сюжетная под-линия романа].

«Сэр, — обратился он к Ланселоту, — я обеспечил Вам в Бесплодном Городе отсрочку в деле, что касается убитого Вами ры-

царя, и срок её: сорок дней после того, как будет добыт Грааль [речь о том, что Ланселот должен явиться в Бесплодный Город на сороковой день после того, как будет завоёван (добыт) Грааль, и не ранее]. И надобно Вам знать, что до сего момента я не покидал того замка, где вы с Сэром Гавейном заночевали у меня как гости, и никогда бы этого не сделал, если бы Вы не пришли сюда сдержать данное Вами слово; и до того самого дня, который я назвал, я более не покину свой замок. Я искренне благодарю Сэра Гавейна и Вас за тех лошадей, что были вами посланы, так как они весьма нам пригодились, и за тот замок и сокровища, что вы изволили передать моим сёстрам, которые находились в такой тяжкой нужде. Я же, однако, никогда не справлюсь с той нищетою, в которой пребываю, до дня Вашего возвращения, — до того самого дня, до которого мне удалось добиться для Вас отсрочки у Ваших врагов по причине оказанных Вами мне услуг. Но молю Вас, не позабудьте о том, что Вы должны вернуться дабы соблюсти данное Вами слово».

«Воистину могу Вас уверить, что твёрдо намерен сдержать своё обещание, — ответствовал Ланселот. — И глубоко Вам признателен за то, что добыли для меня эту отсрочку».

И на том они распрощались с рыцарем из Бесплодного Замка и поскакали назад, в Кардуейл, где пребывал со двором своим Король Артур. Но здесь история оставляет Ланселота и Сэра Гавейна и возвращается к Perlesvaus и Вращающемуся Замку, о котором Джозефус записал самые достоверные сведения [Josephus — в научной среде принято считать, что анонимный автор романа «Perlesvaus» подразумевает Иосифа Флавия (Josephus Flavius, или просто Josephus), на которого ссылается как на автора латинского

оригинала романа. Соответственно, «история» Джозефуса в тексте представляется как оригинальная рукопись романа].

История, записанная Джозефусом, сообщает, что Вергилий построил этот замок именно таким образом с помощью своего магического искусства, когда философы отправлялись на поиски Рая Земного; и что было предсказано, что замок не прекратит вращаться покуда не явится рыцарь с главою из золота, взглядом льва, сердцем из стали, пупом девственницы, кому неведомо будет никакое зло и кто будет полон доблести и мужества и веры, и будет веровать в Бога [free of all wickedness and full of valour, faith and belief in God]; и этому рыцарю предстоит взять щит Славного Воина, кто снял Спасителя мира со креста. И было далее предсказано, что все люди из того замка и прочих, подвластных ему, будут почитать Ветхий Завет [Old Law] до прихода Славного Рыцаря: вот почему люди из замка начали говорить, как только завидели въехавшего в замок Perlesvaus, что прибыл тот рыцарь, коему суждено спасти их души и отсрочить их смерть; и в тот самый миг, когда он появился перед ними, все они ринулись [скорее всего: к нему] дабы быть крещёнными, и крепко уверовали в Троицу и приняли Новый Завет [New Law]. И вот почему в замке царило великое ликование — ибо они были избавлены от смерти [redeemed from death — спасены путем искупления (Христом) их грехов], а они боялись того, что умрут во грехе из-за их неверного обычая [false law] и никогда не будут спасены.

Perlesvaus несказанно обрадовался увидев, что люди из замка обратились к святой вере Спасителя, а дева сказала ему:

«Сэр, Вы поступили действительно хорошо; теперь же, однако, Вы должны завершить Вашу работу, ибо покуда Рыцарь Дракона

жив, никогда люди эти не покинут сей замок. И Вы не должны откладывать Ваш с ним поединок, ибо чем дольше Вы будете мешкать, тем больше земель он уничтожит и тем больше людей убьёт».

И Perlesvaus покинул замок, все люди коего радостно подбадривали его, но вместе с тем были также преисполнены страха ввиду его сражения с Рыцарем Дракона, говоря, однако, что если бы Perlesvaus победил этого последнего, то следовало бы признать, что никогда ещё такое достойное приключение не выпадало ни одному рыцарю. Он выслушал мессу до своего отъезда, а люди из замка принесли ему богатые дары [rich offerings] в честь Спасителя и Пресвятой Девы. Дева шла первой, так как она знала место, где обитал злой рыцарь, и так они скакали покуда не достигли Острова Слонов. Там они увидели Рыцаря Дракона, который сошёл с коня за оливковым деревом и только что убил четверых рыцарей из замка Королевы Золотого Круга. Она же, смотря на это из окон своего дворца, видела, как её рыцари были убиты, и горько о том сокрушалась, стеная:

«Боже! Неужели никогда не найду я того, кто отомстил бы сему злодею, что уничтожает мои земли и убивает людей моих?». Затем, подняв взгляд, увидела она приближающихся Perlesvaus и деву, и воззвала к ним: «Сэр рыцарь, если только Вы не более сильны и могущественны чем прочие рыцари, не приближайтесь к этому демону. Но ежели Вы чувствуете сердцем своим, что можете одолеть его в поединке, я отдам Вам Золотой Круг, что здесь же, в этом замке, и [свою] веру в Завет [Law], что недавно провозглашён, ведь по щиту Вашему я могу ясно видеть, что Вы — Христианин. И если Вы сможете победить его, я буду знать, что Ваш

Завет имеет большую ценность, нежели наш, и что Бог был рождён женщиной».

С превеликой радостью выслушал Perlesvaus то, что она говорила. Осенив себя крестным знамением и благословив себя, он препоручил себя Богу и Его матери, Пресвятой Деве; и воспылал он яростью и храбростью словно лев. И увидев, что Рыцарь Дракона снова сел на коня, он подивился ему, ибо тот был воистину огромен, и никогда ещё не видел Perlesvaus мужа со столь огромным [massive] телом. Увидел он и щит на шее, и был тот щит огромен, чёрного цвета, и настолько ужасающ, что кровь стыла в жилах; а в центре щита он увидел главу дракона, извергающую пламя с огромной силой, и таким нечистым, отвратительным и смрадным был тот огонь, что зловоние, от него исходившее, заполняло поля окрест. Сопровождавшая Perlesvaus дева отступила, так чтобы быть поближе к замку, оставив рыцаря в паланкине посреди поля и сказав Perlesvaus:

«Сэр, на этой равнине и был убит сын Вашего дяди, и я оставляю его сейчас с Вами, ибо несла его достаточно далеко. Теперь же, отомстите за него самым лучшим образом, на какой окажетесь способны; я препоручаю его Вам. Я же сделала достаточно для того, чтобы избавить себя от всякого возможного осуждения».

И с этими словами она отбыла.

Рыцарь Дракона увидел, что Perlesvaus двигается к нему один, и преисполнился к нему презрения. Он не снизошёл до того, чтобы взять своё копьё, и двинулся навстречу к Perlesvaus с обнажённым мечом — тот был огромен, и ал подобно пылающим угольям. Perlesvaus же, завидев приближающегося к нему врага, ринулся на того с копьём наперевес, настолько быстро, насколько

мог его нести его конь: он целился копьём в грудь, но Рыцарь Дракона резко выставил в направлении копья свой щит, и пламя, вырвавшееся из драконьей головы, сожгло копьё до самого кулака Perlesvaus, после чего он нанёс Perlesvaus удар мечом по голове, от которого тот закрылся своим щитом, на который изрядно уповал, и меч рыцаря-демона не смог причинить ему никакого вреда. Джозефус сообщает нам, что Иосиф Аримафейский вложил и запечатал в умбоне щита несколько капель крови Нашего Спасителя, а также немного от одеяния Его. И когда Рыцарь Дракона увидел, что он не нанёс никакого урона ни самому своему противнику, ни его щиту, он преисполнился стыда, ибо никогда ранее не наносил он удара ни одному из рыцарей, с коими сражался, чтобы удар тот не оказался смертельным. И он обратил главу дракона на щит Perlesvaus, намереваясь опалить тот огнём и поджечь, но пламень, что вырвался из драконьей главы, весь начал дуть в обратном направлении, словно бы под действием ветра, и не достиг Perlesvaus. Рыцарь же Дракона, завидев это, сильно разгневался и, пронёсшись мимо Perlesvaus, поскакал прямо к паланкину и, направив на паланкин свой щит с главою дракона, поджёг его и сжёг тело рыцаря в нём так, что от того остался лишь пепел.

«От похорон сего мужа, — крикнул он затем Perlesvaus, — Вы освобождены!».

«Это весьма печалит меня, — ответствовал ему Perlesvaus, — но, если будет то угодно Богу, я ещё отомщу за это».

Дева же, что сопровождала мёртвого рыцаря, была ныне подле королевы, у дворцовых окон, и завидев, что произошло, прокричала Perlesvaus:

«Сэр, теперь позор и бесчестье будут ещё большими, а сотворенное зло лишь усугубится, если Вы не сумеете за сие отомстить».

Perlesvaus был чрезвычайно опечален тем, что увидел, как его кузен был сожжён так, что остался лишь пепел, и, взглянув на рыцаря, что носил в себе силу дьявола, он не знал, как можно было бы отомстить ему. Однако он атаковал Рыцаря Дракона с оголённым мечом, и нанёс тому такой удар по щиту, что разрубил щит до самой драконовой головы в центре, и огонь её перепрыгнул на его меч, после чего тот стал алым и пламенеющим, словно меч самого Рыцаря Дракона. И дева прокричала Perlesvaus:

«Жизнью клянусь, сэр, теперь Ваш меч так же крепок и силён, как и его! Посмотрим теперь, на что Вы способны! Мне же было сказано — и это правда — что рыцарь сей может быть убит лишь если нанести ему один-единственный удар в одно-единственное место, но увы, я не знаю об этом ничего больше».

Perlesvaus пристально взглянул на свой меч, вкруг коего вились теперь клубы адского пламени [demon's flame], и поразился тому, что увидел. Затем он нанёс Рыцарю Дракона удар такой чудовищной силы, что глава того склонилась к седлу, но, вновь распрямившись, тот, разъярённый тем, что ещё не нанёс Perlesvaus ни одной раны, ударил Perlesvaus своим мечом так, что клинок разрубил кольчугу на правом плече и вонзился в плоть, сжегши её до самой кости. Однако, когда Рыцарь Дракона вытащил свой меч из раны дабы забрать его вновь к себе, Perlesvaus нанёс ему столь жестокий удар, что отрубил руку, державшую клинок. Рыцарь Дракона издал громогласный рёв, услышав который, королева и все люди из дворца возликовали.

Но Perlesvaus ещё не победил своего противника: тот снова ринулся вперёд и обрушил ещё больше пламени на щит Perlesvaus, но всё это было зря, ибо огонь тот не мог причинить щиту никакого вреда. Perlesvaus же взглянул на главу дракона — а была она огромна и ужасна — и встретил её своим мечом, нанеся ей колющий удар, который постарался сделать чем более прямым, в самое нёбо. Драконья же глава исторгла в ответ на сие такой страшный вопль, что звук его был слышен на всей равнине и по всем окрестным лесам на добрые две лиги вокруг. И обратилась она затем на своего владельца и господина в великой ярости и пожрала его огнём своим и сожгла так, что остался от него лишь пепел, а затем исчезла подобно удару молнии [vanished like a thunderbolt].

Королева же, завидев сие, преисполнилась радости. Она сошла вниз, встретить Perlesvaus вместе со всеми своими рыцарями, и они увидели страшную рану на его правом плече; дева же сказала, что никогда ему не излечиться, если только он не приложит к ране немного пепла, что остался от мёртвого рыцаря [the dead knight — не вполне ясно, идёт ли речь о Рыцаре Дракона, или о кузене Perlesvaus, сожжённом Рыцарем Дракона в самом начале поединка. По всей видимости, о последнем, так как ранее это же словосочетание несколько раз использовалось для обозначения рыцаря, чьё тело носила с собою в паланкине дева]. Возликовав, они повели его в замок, где с него сняли доспех и промыли его рану, дабы она скорей затянулась и зажила, и приложили к ней пепел мёртвого рыцаря в качестве лекарства. Затем, королева созвала всех рыцарей земли своей, и провозгласила:

«Милорды, взгляните на рыцаря, кто спас мои земли и защитил ваши жизни и мою. И все вы хорошо знаете, что было пред-

сказано, что придёт рыцарь с Главою из Злата, и что мы будем им спасены; и вот, взгляните, он пришёл. Истинность пророчества отрицать невозможно, и я бы хотела, чтобы вы, милорды, были в его распоряжении».

Они же ответствовали ей, что так тому и быть, и что они весьма охотно исполнят её волю. Она же, отвела Perlesvaus туда, где хранился Золотой Круг, и своею собственною рукою возложила она его на главу Perlesvaus. Затем, она принесла меч, коим были убиты демон и тот рыцарь, что носил сего демона на своём щите, и отдала его Perlesvaus, сказав при этом:

«Сэр, пусть же все те, кто не будут крещены и не уверуют в Новый Завет, будут убиты Вашим мечом; я вручаю его Вам».

Сама она стала первой, кто был воскрешён и крещён [raised up and baptized — буквально, кто был вознесён, кого подняли; возможный перевод учитывая контекст: кто был воскрешён], все же остальные последовали за ней. Джозефус сообщает в своей истории, что она избрала себе имя Элиза [Elyza] в истинном крещении и вела добрую и благочестивую жизнь и умерла девственницей. Тело её всё ещё находится в королевстве Ирландия, будучи там сильно почитаемым.

Perlesvaus оставался в замке до тех пор, пока не излечился. По всем землям распространилась весть о том, что Рыцарь Золотого Круга явился и убил Рыцаря Дракона, и все, заслышав сие, ликовали. Достигла эта весть и двора Короля Артура, и когда было там сказано, что Рыцарь Золотого Круга победил Рыцаря Дракона, все были не прочь дознаться, кто же был сим победившим рыцарем, но узнать это у них не было никакого способа.

Перевод выполнен по изданию:

The High Book of the Grail. A translation of the thirteenth-century romance Perlesvaus. (2007) Introduction and translation by Nigel Bryant. Boydell & Brewer Ltd. 273 pp. — страницы 149-150 и 154-161.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ

«Из какой же страны он прибыл?», вопросил их король.

«Из Замка Гигантов, господин, — отвечали рыцари, — и он ведёт войну с Тобой из-за смерти великана Логрина, чью голову Сэр Кей принёс к Твоему двору; и он говорит, что никогда не удовлетворится, пока не погубит Тебя, уничтожив Твоё тело, или же не сгубит рыцаря, который более всего Тебе дорог».

…Анонимный роман Perlesvaus, написанный на старофранцузском в начале XII века, и похож, и не похож на «другие», «прочие» рыцарские романы.

Похож: не менее сотни (по ощущению) персонажей, и это — только «действующих лиц»; тех же, кто появляется в нескольких строках, оставляя в пепле чернил, рассыпанном на серебре страниц, лишь имя — пожалуй, и вовсе несколько сотен.

Похож — ? — «снова», как и во многих «других» романах, всё крутится — и в прямом, и в переносном смысле — вокруг Чаши…

Вот только, Perlesvaus, пожалуй, единственный из немногих прочитанных на данный момент Текстов такого рода, называет собственно Чашу — лишь одной из пяти форм Грааля, отмечая

особо, что четыре остальных называть не полагается, сохраняя их в тайне.

Не похож: Perlesvaus, являясь продолжением Opus Magnum Кретьена де Труа, не говорит об этом своему читателю прямо; лишь уже иного рода пепел, на сей раз любознательности особого рода — впрочем, в том числе, перепроверенный тщательными исследованиями — может прошептать сие особым, иссиня-сумеречным шёпотом.

Не похож — Персеваль, в отличие от романа Кретьена де Труа и нескольких иных (как минимум, четырёх; в одном из них есть и сюжетная линия, связанная с Рыцарем Дракона — впрочем, с совсем иным исходом…) продолжений оного, нигде более не становится Perlesvaus; и потом, нигде больше у Короля Артура нет сына.

Речь, конечно, не о Мордреде.

Речь о Лохольте [Loholt], сыне Их Величества от королевы Гиневры, который, по всей видимости, во всём огромном объёме Рыцарской Литературы, появляется в качестве персонажа лишь в Perlesvaus.

Строго говоря, Лохольт является персонажем романа, ни разу прямо не появляясь на страницах оного — лишь в воспоминаниях и свидетельствах да рассказах других узнаем мы о том, кого убил Сенешаль Кей.

Фабула, вкратце, такова.

Убив крайне опасного и свирепого великана Логрина, чем стяжал бы себе немалую славу, Лохольт, по своей традиции, — странный обычай сей встречается в тексте лишь с связи с ним — лёг спать на тело поверженного им врага.

Этот его обычай был известен многим персонажам романа — наверное, был он известен и Сенешалю Кейю. Так или иначе, но Кей спящего Лохольта обезглавил — и, ничтоже сумняшеся, отправился прямиком к королевскому двору, где и преподнёс Королю Артуру голову великана, выдав её за добытую им самим в честном бою с Логрином. Король возрадовался и щедро своего сенешаля наградил — позднее, когда правда о поступке Кейя станет известна, это послужит причиной бегства Сенешаля в Бретань, за море, откуда он, вместе с Брийеном с Островов (Brien of the Isles), начнёт кровопролитную войну против Логрии и её Государя.

Такова, вкратце, та сюжетная линия романа, что эксплицитно и явно связана с судьбами Артурова Королевства — и, так или иначе, с эпизодом, в коем появляется Рыцарь Дракона, прибывший за Логрина отомстить.

Но не есть ли судьбы Логрии, в каком-то смысле, в том числе и следствием событий в Замке Короля-Рыбака, Замке Грааля?..

— Не дождавшись второго приезда Perlesvaus, его дядя, брат его матери, Король-Рыбак, умирает в войне с Королём Замка Смертельного [the King of Castle Mortal], ещё одним дядей Perlesvaus — братом его матери, Короля-Рыбака и Короля-Отшельника (the Hermit King, он же, до отшельничества, Король Пеллес, King Pelles), за чем следуют перипетии отвоевания Perlesvaus Замка Короля-Рыбака. Впрочем, происходит сие уже после поражения Рыцаря Дракона, каковое испытание, в свою очередь, в диспозиции сюжета имеет место быть почти сразу после отвоевания

Perlesvaus своего наследства и помощью матери в её войне с Lord of the Fens.

Наконец, сразу после эпизода с Рыцарем Дракона и перед Битвой Девяти Мостов, ведущих в Замок Грааля, следует описание триумфа Perlesvaus над идолом Замка Медной Башни и беседа его с Королём-Отшельником о смыслах приключений, Perlesvaus выпавших…

ORSA Flumen

ARISTATA ETEVITAT

PURIS OMNIA PURA

Книга серого света

Книга серого света